

Генри Мортон
Стенли

В ДЕБРЯХ АФРИКИ

ВЕЛИКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

Генри Мортон Стенли

В дебрях Африки

Серия «Великие путешествия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9364065

В дебрях Африки: ЭКСМО; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-34323-2

Аннотация

Что толкает человека на авантюры, заставляет совершать подвиги? Порой это так и остается загадкой.

Личность одного из самых известных исследователей Африки *Генри Мортон Стенли* (1841—1904) до сего дня окутана тайной. И это при том, что он стер на карте Африки «белые пятна» размером с Европу, основал в Африке крупное государство, нашел пропавшую экспедицию Ливингстона, которую безуспешно искали несколько хорошо оснащенных отрядов из разных стран, написал о своих приключениях много захватывающих книг, ставших бестселлерами, – и оставил немало вопросов относительно собственной биографии.

Сам он называл себя американцем из Нового Орлеана, утверждал, что происходит из уважаемой местной семьи. На самом деле Джон Роулэндс (таково его настоящее имя) родился в Уэльсе (Великобритания), был брошен матерью на попечение родственников, попал в сиротский приют, откуда бежал, нанялся на шедшее в Америку судно, а по прибытии в США дезертировал с корабля.

На своей новой родине Стенли перепробовал множество занятий, принимал участие в Гражданской войне (на обеих сторонах!), сидел в лагере для военнопленных, по привычке дезертировал, стал газетчиком – и в этом нашел наконец свое призвание.

Стенли оказался хорошим журналистом: у него был вкус к сенсации и чутье на ситуацию. В качестве репортера он описывал истребление индейцев в Айове и эфиопов в Абиссинии и довольно быстро сделал карьеру. Но настоящий его взлет начался в 1871 г., когда в качестве собственного корреспондента «Нью-Йорк геральд» он был командирован на поиски пропавшего в Африке шотландского миссионера и путешественника Давида Ливингстона.

Это было событие мирового масштаба: судьбой пропавшего в дебрях Африки знаменитого путешественника озаботились все крупные мировые державы. Но нашел Ливингстона, отрезанного от внешнего мира, именно Стенли, нашел чудом, после многих и безуспешных попыток всех остальных.

Книга «В дебрях Африки» – яркий, захватывающий, драматичный рассказ Стенли о его последней африканской экспедиции (1887—1889). В ее ходе Стенли пришлось пробиваться сквозь действительно непроходимые дебри к отрезанному от внешнего мира восставшими аборигенами губернатору Экваториальной провинции Эмин-паше. Панафриканская эпопея Стенли оказалась необычайно трудной и опасной: более 70% ее участников погибли. Стенли как всегда победил в схватке с природой, врагами и обстоятельствами, – и как всегда написал об этом прекрасную книгу, ставшую классикой приключенческой литературы.

Благодаря Стенли Центральная Африка стала доступной для освоения и изучения, а главное – впервые в истории географических открытий их перипетии в кратчайшие по меркам XIX века сроки становились достоянием подписчиков газет. Стенли был пионером жанра репортажа с места событий еще в те времена, когда информация традиционно попадала к читателю с запозданием на годы. Он не только открыл внутреннюю Африку, но положил начало формированию нового массового типа читателя – потребителя новостей.

Электронная публикация включает все тексты бумажной книги и основной иллюстративный материал. Но для истинных ценителей эксклюзивных изданий мы

предлагаем подарочную классическую книгу. Издание щедро иллюстрировано цветными и черно-белыми изображениями труднодоступных, экзотических и просто опасных мест, в которых побывал исследователь. Подарочное издание рассчитано на всех, кто интересуется историей географических открытий и рассказами о приключениях в экзотических уголках Земли. Это издание, как и все книги серии «Великие путешествия», напечатано на прекрасной офсетной бумаге и элегантно оформлено. Издания серии будут украшением любой, даже самой изысканной библиотеки, станут прекрасным подарком как юным читателям, так и взыскательным bibliофилам.

Содержание

От издательства	7
В ДЕБРЯХ АФРИКИ	14
От устья Конго до Стенли-Пуля	14
От Стенли-Пуля до Ямбуйи	26
Ямбуйя	34
От Ямбуйи до водопадов Панга	46
От водопадов Панга до лагеря Угарруэ	68
От Угарруэ к Килонга-Лонге	87
У Маньемов в Ипото	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Генри Мортон Стенли
(1841—1904)

ГЕНРИ МОРТОН СТЕНЛИ

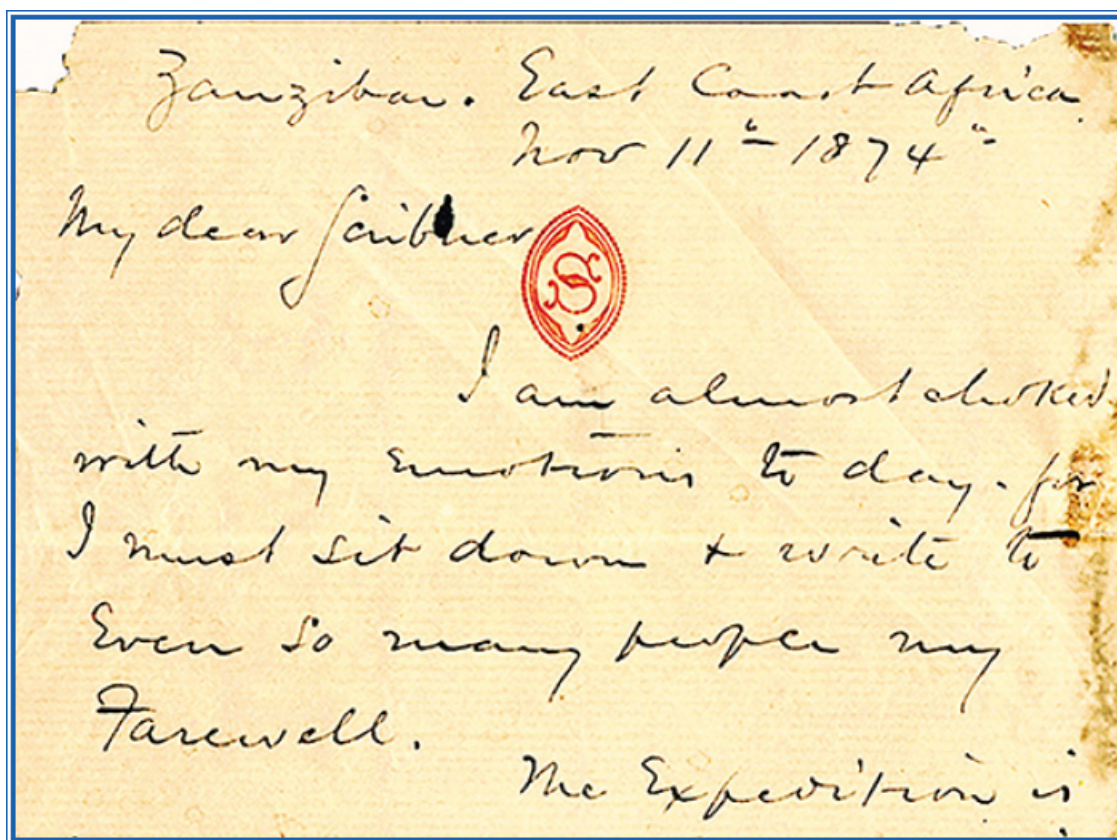
В дебрях Африки

От издательства

Вы держите в руках книгу о последнем путешествии в Африку известного всему миру исследователя этого континента Генри Мортон Стенли, человека, ставшего воплощением «американской мечты» о счастье, успехе и богатстве.

Незаконнорожденный английский мальчик (тогда его звали Джоном Роулендсом), воспитывался в приюте для бедных, куда отдали его с глаз долой родственники. Пятнадцатилетним он поступил юнгой на корабль, шедший в Америку. Тут ему повезло – в Новом Орлеане его взял на работу некий торговец по фамилии Стенли. Позднее этот человек усыновил юношу, и с тех пор Джон принял новое имя – Генри Мортон Стенли.

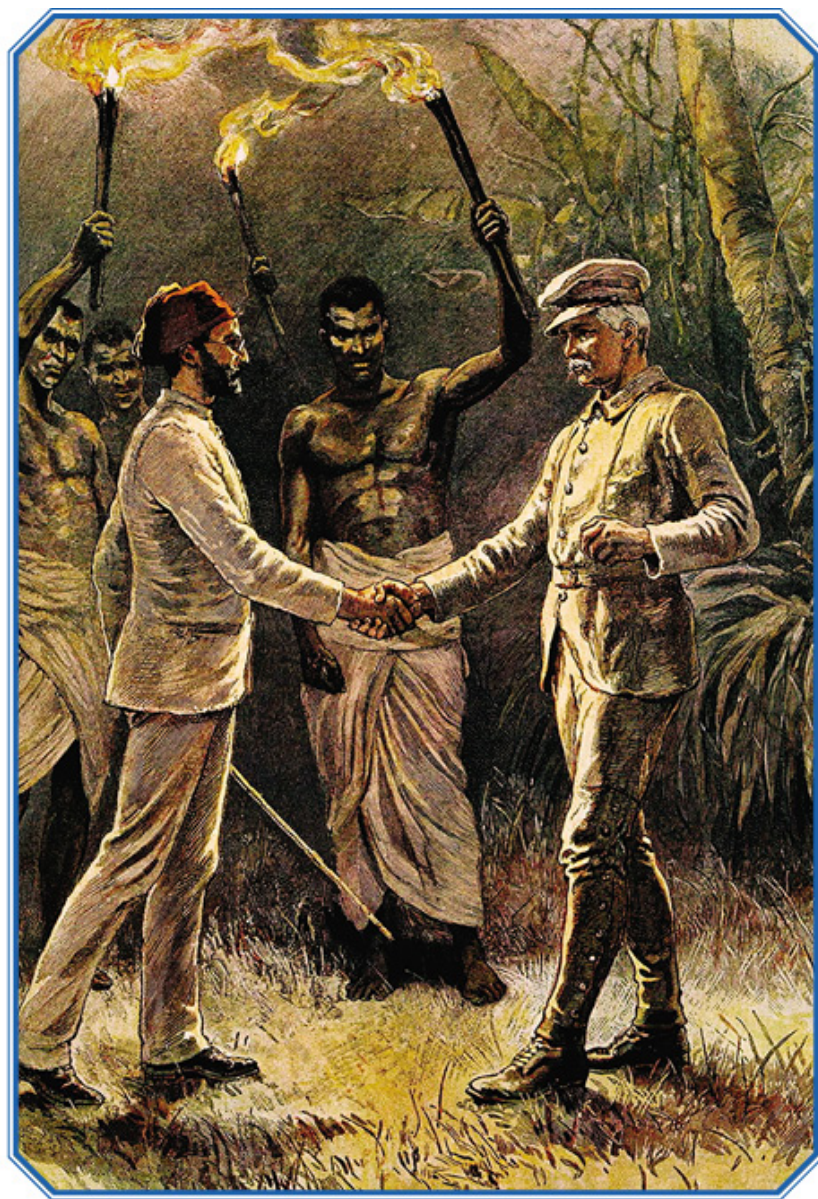

Письмо Стенли периода его второй
африканской экспедиции. 11 ноября 1874 г.

Когда в Америке разразилась Гражданская война, Стенли вступил в армию южан, но вскоре попал в плен и ради спасения жизни на некоторое время примкнул к северянам...

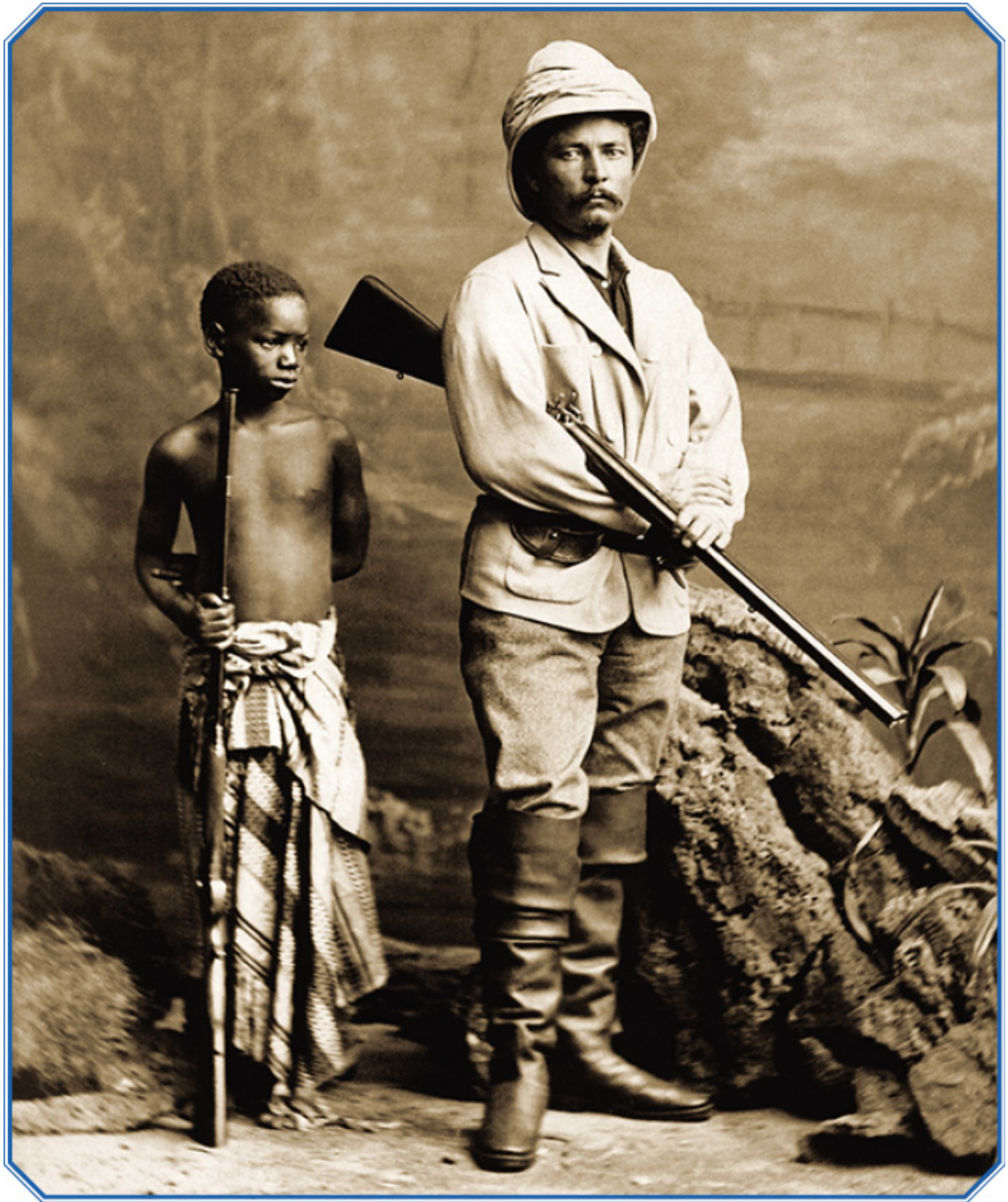
По окончании войны он стал корреспондентом одной из крупнейших американских газет «Нью-Йорк геральд». Неизвестно, что именно заставило Гордона Беннетта, издателя этой самой тиражной в Америке газеты, остановить свой выбор на Стенли, когда в 1871 г. решено было отправить в Африку экспедицию на поиски Ливингстона. Впрочем, к этому времени Стенли успел объездить европейскую Турцию, Малую Азию и даже Абиссинию, а его репортажи уже создали ему репутацию внимательного и бесстрашного корреспондента. Как бы то ни было, Стенли был назначен руководителем поисковой экспедиции и прекрасно

исполнил свою миссию. Ливингстон был найден, а книга Стенли, рассказывающая об этом путешествии («Как я нашел Ливингстона»), имела огромный успех.

Встреча Стенли и Ливингстона. «Доктор Ливингстон, я полагаю?» — едва ли не самая знаменитая фраза из истории географических открытий XIX века. Так специальный корреспондент «Нью-Йорк геральд» Генри Мортон Стенли приветствовал разысканного им в дебрях Африки шотландского миссионера и исследователя.

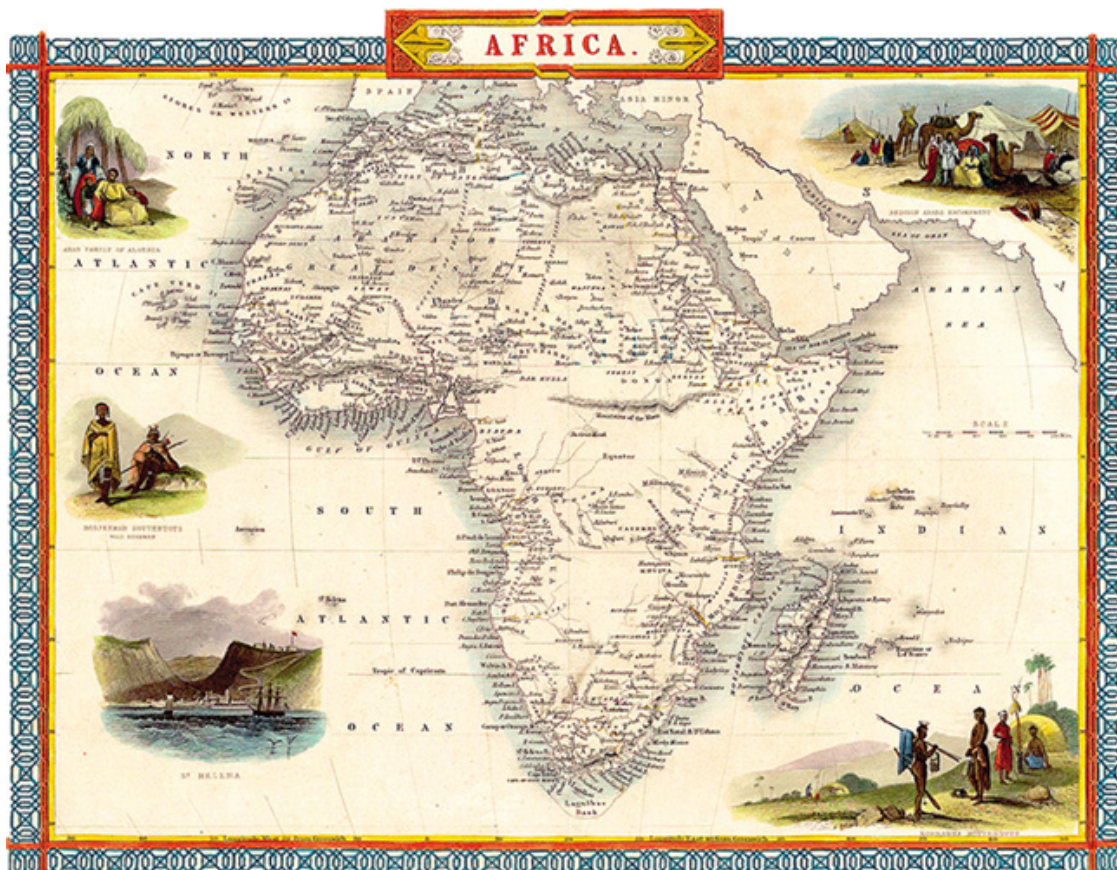

Генри Мортон Стэнли
со своим чернокожим слугой. 1872 г.

В 1875–1877 гг. по поручению издателей «Нью-Йорк геральд» и лондонской «Дейли Телеграф», Стенли снова отправляется в Африку, пересекает ее с востока на запад и совершает ряд важных географических открытий. О том, как он обнаружил озеро Альберт-Эдуард, изучил берега Танганьики, преодолел водопады и пороги реки Луалабе и достиг устья Конго, Стенли рассказал в книге «Через Черный континент».

Неисчислимые природные богатства, разведанные в Экваториальной Африке стараниями Стенли, привлекли к ней алчные взоры Европы, все еще одержимой идеей колонизации. Бельгийский король Леопольд II прежде других сообразил, какие выгоды сулит захват «ничейных» земель. По его поручению Стенли в 1879–1884 гг. основал по течению реки

Конго около 40 фортов, способных контролировать огромную территорию, получившую название «Свободное государство Конго». Более 20 лет эта «свободная» колония приносила баснословные прибыли лично королю и ему, Стенли. И что бы ни говорилось в его книге «Конго и основание свободного государства», трудно поверить, будто он не понимал, на что обрекает жителей созданной его стараниями «свободной» страны.

Картва Африки

В середине XIX в. традиция издания карт-картин еще сохранялась: красивыми цветными картами можно было не только руководствоваться, но и любоваться.

Спасательная экспедиция за Эмин-пашой стала последним путешествием Стенли в Африку.

В 1883 г. в Судане вспыхнуло восстание под руководством Махди. Восставшим удалось разбить англичан и освободить северную часть страны. Но Экваториальную провинцию, совершенно изолированную, продолжал удерживать губернатор Эмин-паша.

Помощь пришла к нему только через шесть лет. Английское правительство, получив наконец призыв о помощи от Эмин-паши, направило к нему спасательную экспедицию во главе со Стэнли.

Чтобы добраться до цели путешествия через охваченные восстанием территории, Стенли выбрал самый длинный путь – от берегов Атлантического океана, не без оснований полагая, что так безопаснее. Опыт организатора и путешественника, несомненная отвага и железная воля позволили ему снова благополучно пересечь Африку, на этот раз с запада на восток, отыскать Эмин-пашу и оказать ему помощь. Перед вами книга, которую Стенли написал об этом последнем путешествии – «В дебрях Африки».

Более он не путешествовал. Стенли женился, перебрался в Англию, в 1895 г. стал членом палаты общин, удостоился рыцарского звания и ордена Бани. Он умер на родине 10 мая 1904 г. и похоронен недалеко от могилы Ливингстона.

Стенли достиг известности, славы, богатства. Заслуги его перед наукой бесспорны. Его имя осталось на карте Африки – в его честь названы водопады в верхнем течении реки Конго. Он автор нескольких книг, которые до сих пор занимают воображение читателей, не говоря уже о том, что его завораживающие описания тропического леса совершенно заслужено попали во все географические хрестоматии. Но был ли он счастлив? Кто знает. Но будто бы к концу жизни он сожалел о том, что все его труды и усилия принесли обожавшей им Африке неисчислимые страдания и разорение: «Мы со своей цивилизацией пришли в Африку без приглашения. В этом наша вина», – написал он.

ГЕНРИ МОРТОН СТЕНЛИ

В дебрях Африки

В ДЕБРЯХ АФРИКИ

От устья Конго до Стенли-Пуля

Восемнадцатого марта 1887 г. пароход «Мадуро» вступил в воды реки Конго и стал на якорь на расстоянии около 180 м от берега, против песчаной косы, называемой Банана.

Через несколько минут я уже явился к Лафонтену Фернею, главному агенту голландской компании, которой принадлежит «Мадуро». Все были удивлены. Нас не ожидали раньше 25-го. Но, к счастью, такая поспешность, достигнутая благодаря высоким качествам судна и искусству капитана, не помешала нам тотчас же найти другой, той же компании пароход «Ниман», на котором можно было на другой же день отправить в Матади 230 человек персонала экспедиции.

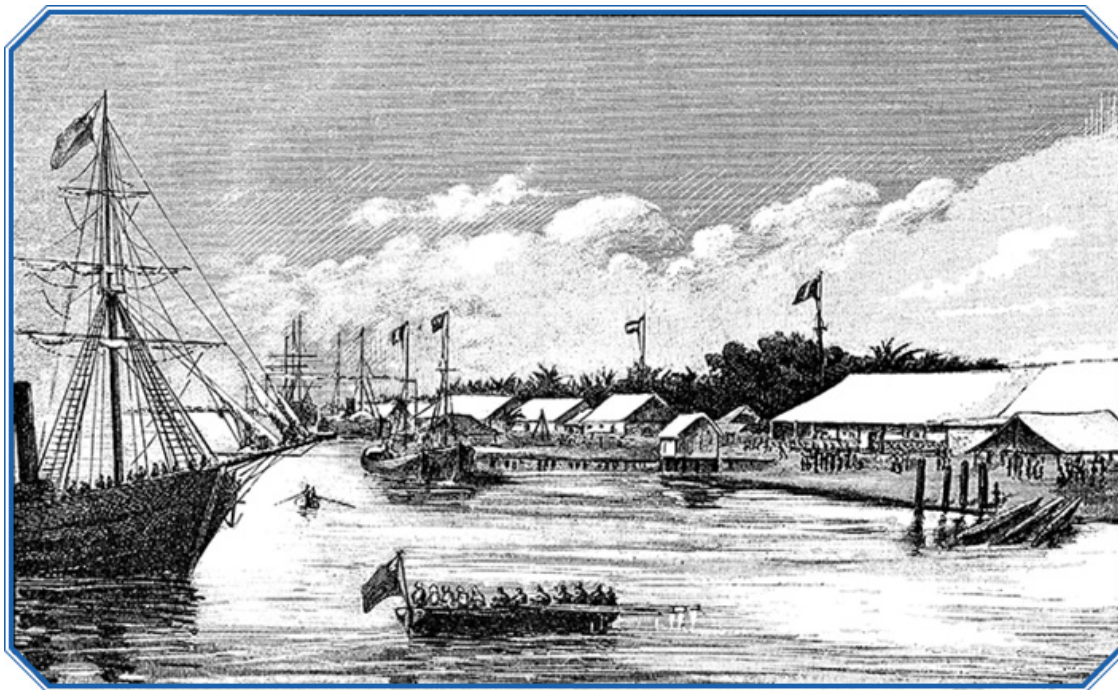
Когда я возвратился на пароход «Мадуро», то застал моих офицеров в сообществе двух английских купцов, связанных с британской компанией на Банана. Эти господа рассказывали диковинные вещи насчет здешних пароходов. «Посмотрите-ка там на берегу на одно из судов и вы увидите, что от них осталось: одни щепки... Как вы будете возвращаться с озера Стенли?.. Там не осталось ни одного целого правительственного парохода – все поставлены в доки для ремонта, который займет несколько месяцев. Видите там на песках корабль, у которого в киле торчат багры другого парохода? Он только что пришел из Европы. Сумасшедший капитан не хотел дожидаться лоцмана и врезался в берег. Двум правительственным пароходам – «Цапле» и «Бельгии» – предстоит сперва стащить его с мели... Запаситесь терпением, вам придется порядочно подождать!»

Естественно, что эти сведения обескуражили наших офицеров.

Агент британской компании без всяких затруднений предоставил в мое распоряжение пароход «Альбукерк», на котором я отправил 140 человек и 60 т багажа. Он был настолько любезен, что помог мне выхлопотать также большой пароход «Серпа-Пинто». Старания наши увенчались полным успехом, и к вечеру все было готово к отправке 680 человек и 160 т различного багажа.

Правительственный пароход «Цапля» мог пуститься в путь не ранее 20-го.

19-го «Ниман», «Альбукерк» и «Серпа-Пинто» снялись с якорей и до наступления ночи пришли к Понтода-Лена. 20-го первые два пошли к Матади, а еще до этого «Серпа-Пинто» подошел у Бомы к пристани, официально заявил местным властям о присутствии на корабле нового губернатора Стенлеевых порогов и принял поспешный визит двух членов Исполнительного комитета, управляющего областью Конго.

Остановка у песчаной косы Банана

Мы едва имели время обменяться с ними несколькими фразами, однако они успели сообщить мне, что во всем крае свирепствует голод; что на пути к озеру Стенли все селения опустели; что пароход «Стенли» потерпел серьезную аварию; что «Мирный» и «Генри-Рид», пароходы миссии баптистов, неизвестно куда девались и плавают, вероятно, в водах верхнего Конго; что «Вперед», вытасченный на берег, валяется без машины и тендера; «А. I. А.» находится за 800 км выше Стенли-пуля; «Ройал» совершенно сгнил и уже год, как не плавает, – словом сказать, все эти суда, так любезно нам обещанные, существуют лишь в воображении брюссельских чиновников...

Зычный голос португальского командира «Серпа-Пинто» предложил этим господам сойти на берег, и мы отправились дальше. Размышления мои были далеко не из приятных: будь у меня те 15 китобойных судов, о которых я хлопотал вначале, то я был бы совершенно свободен в своих движениях; но я должен был отказаться от их постройки, потому что меня не хотели пускать по Конго. Когда же Комитет разрешил идти по Конго, заказывать суда было уже поздно. Нам пришлось удовлетвориться обещанием доставки экспедиции к нижнему Конго и перевозки всех грузов до Стенли-пуля, а на верхнем Конго – предоставления нам в пользование правительственных пароходов.

И что же оказывается? Обещанные суда то затонули, то сгнили, валяются без машин и котлов либо рассеяны по таким местам, до которых не доберешься! И в то же время в ушах моих раздается голос Англии: «Скорее, или будет слишком поздно!», слова Юнкера: «Эмин пропал, если вы опоздаете!» и призывы самого Эмина: «Приходи, или для нас все кончено!» Перспектива мрачная! Но мы дали слово сделать все, что можем, стало быть, нечего тужить; нужно действовать, бороться, идти вперед. Мы взяли на себя ответственность, следовательно, за дело и в путь!

21 марта экспедиция достигла Матади, в 165 км от океана, и сошла на берег. Пароходы разгрузили, и они тотчас же направились обратно.

В полдень показалась португальская канонерка «Какоиго» с майором Бартлотом, Джефсоном, суданцами и занзибарцами, а вскоре за ними и «Цапля» – правительственный корабль, нагруженный остальным нашим багажом.

Мы расставили палатки, в которые снесли по порядку свои громадные запасы риса, сухарей, пшена, сена, соли и т. д. Офицеры старались изо всех сил, а усердие занзибарцев доказывало, как они счастливы, что, наконец, попали на твердую землю.

Из белых в состав нашей компании вошли следующие лица: Бартлот, Стэрс, Нельсон, Джефсон, Пэк, Бонни, Джемсон, прибывшие вместе со мною из Адена, машинист Уокер, взятый на мысе Доброй Надежды, бывший гвардеец Ингэм и Джон Роз Трупп, наш агент по вербовке носильщиков в Конго (он же будет заведовать переноской тяжестей между озером Стенли и Маньянгой), и один слуга-европеец.

22 марта. Со станции Матади отправили 171 носильщика, нагруженных семью ящиками сухарей весом до 190 кг, бусами и 157 мешками риса весом в 4 600 кг; все это они тащат в Люкунгу, где будут ожидать нас. 13 860 кг клади мы распределили в тюки, чтобы отправлять их, по мере приискания носильщиков, к Стенли-пулю или в другие пункты, впереди каравана или вслед за ними. Я послал гонцов в Леопольдвиль с просьбой к коменданту, чтобы поспешили с исправлением паровых судов.

23 марта. Мистеру Ингэму удалось нанять до озер 220 человек носильщиков по 25 франков за каждого. Лейтенант Стэрс, приучаясь действовать митральезой, дошел до того, что выпускает до 330 пуль в минуту; Типпу-Тиб и компания вне себя от изумления.

25 марта. Суданские трубачи подняли лагерь в 5 часов 15 минут утра; в 6 часов палатки убраны, люди расставлены отрядами, каждый отряд под командой своего начальника перед той частью багажа, которую ему предстояло нести. В 6 часов 15 минут я выступил с авангардом; за мною, в небольшом расстоянии, весь караван, вытянувшийся гуськом. В 466 вьюках заключались боевые снаряды, ткани, стеклянные бусы, железная проволока, медные прутья, консервы, рис и смазочное масло. Выступили в отличном порядке, но после первого часа подъема показались уже так каменисты и круты, ноши так тяжелы, солнце так знойно, а люди, откормленные на пароходе «Мадуре», так отвыкли от труда, да и мы сами настолько обленились, что караван разбрелся, приводя в отчаяние молодых офицеров, не привыкших к таким порядкам.

Наше разборное стальное судно «Аванс», крепко свинченное и вполне готовое, послужило для переправы через реку Мпозо; мы сажали на него сразу по 50 человек. Перебравшись на другой берег реки, мы заночевали.

Суданцы представляли плачевное зрелище: усталость, тропический зной, накапливающийся под их бурнусами, тысячи мелких неудобств пути – все способствовало к увеличению их вечного недовольства. Сомали крепко жаловались, что им недостает верблюдов, но на вид они были гораздо бодрее.

На следующий день мы добрались до Палабалы и шли землями, принадлежащими обществу среднеафриканских миссий, основанных в память Ливингстона. Главноуправляющий Кларк и местные дамы приняли нас очень радушно и оказали полное гостеприимство. Наши люди, совсем новички в таком деле, чрезвычайно нуждались в отдыхе, и я дал им целые сутки на передышку. С отъезда из Занзибара у меня умерло уже 9 человек, а 17 оказались настолько больны, что я принужден был оставить их до выздоровления при миссии.

28 марта. Прибыли в Маза-Манкенги. На пути встретили мистера Герберта Уарда, который просил позволения войти в состав экспедиции. Я немедленно прикомандировал его и отрядил в Матади помогать Ингэму в организации транспортов на людях. Мистер Уард несколько лет служил в области Конго, побывал на Борнео и в Новой Зеландии.

Сомалиец

29 марта. В полдень расположились в Конго-ля-Лемба, селении, которое я сам видел когда-то в цветущем состоянии. Его старшина благоденствовал и бесспорно считался полным хозяином в своем районе. Но счастье сбило его с толку: ему вздумалось устроить у себя заставу и брать пошлину с казенных караванов. Тогда пришла партия бенгалинцев, состоявших на государственной службе, изловила его и отрубила ему голову. Селение сожгли, жители разбежались. Теперь на месте хижин выросли высокие травы, а плантации гойявы¹, лимонных деревьев и пальм глушатся тростником.

Сегодня караван шел несколько лучше; впрочем, всякая экспедиция начинается с пробных переходов. Каждый из занзибарцев несет около 30 кг патронов, карабин весом по крайней мере 4 кг, запас риса на 4 дня и свой мешок, который, вместе с походною постелью, весит от 2 до 5 кг. Когда он попривыкнет, эта ноша не будет ему казаться так тяжела; но покамест нужно относиться к нему со всевозможным терпением и не принуждать его к слишком длинным переходам.

30 марта. Проливной дождь задержал нас в лагере на целое утро; в 9 часов мы тронулись к реке Люфу. Переход был жестокий. Наши люди, измученные, с окровавленными ногами, то и дело отставали по дороге; последние из отсталых пришли только к полночи. Офицеры ночевали в моей палатке, поужинав сухарями и рисом.

¹ Гуава (guava) – название тропического растения, относящегося к семейству миртовых, и его плода.

Около леса Мазамба мы перегнали барона Роткирха, который с кучкой людей из племени кабинда тянет на бечеве мачту для своей «Флориды». Если они будут идти все тем же шагом, то прежде августа не доберутся до озера Стенли. У переправы через Бембези встретили французского купца; он плыл вниз по течению с богатой добычей слоновой кости.

31 марта. Переправа через реку Мангола. В Конго-ля-Лемба я слишком увлекся плодами гойявы и от этого довольно серьезно заболел.

1 апреля. Караван пришел в Банза-Мантека. Члены среднеафриканской миссии, мистер и миссис Ричардс, приняли нас очень приветливо. За несколько лет пребывания миссионеров произошло здесь существенные перемены. Большинство туземцев приняло христианство.

От Роз Труппа из Маньянги, от Суинберна из Киншасы и Глэва из Экваторвиля я получил самые печальные вести насчет пароходов «Стенли», «Мирный», «Генри-Рид» и «Вперед». Первый, по-видимому, основательно испорчен, да и миссионерские корабли немногим лучше. «Вперед» представляет собой нечто вроде обыкновенной барки. Трупп советует захватить с собою в Маньянгу один или два плашкоута, но это совершенно не выполнимо, у нас и так уже слишком много вьюков, принимая во внимание количество риса, необходимого для наших 800 человек, идущих по стране, опустошенной неурожаем. Чтобы хоть несколько облегчить носильщиков и уменьшить груз, я поручил Джефсону и Уокеру отвести наш вельбот «Аванс» вверх по течению, до Маньянги.

3 апреля. Шли близ реки Лунионзо, а на следующий день расположились лагерем на месте опустевшего селения Килоло. Во время перехода я видел, как один из суданцев едва не задушил занзибарца за то, что этот бедняк, сильно уставший, слегка задел его плечо ящиком, который тащил на себе. Вспыльчивость суданцев приводит меня в отчаяние, но что делать! Нужно еще потерпеть.

Еще три часа ходьбы привели нас к реке Квилу. Наш караван только и делал, что перелезал с горы на гору, и потому совсем сбился с ног. На берегу реки, шириною в 90 м и очень быстрой, на мое счастье, оказалась лодка, притом без хозяина. На ней мы и устроили переправу, до десяти человек сразу.

Я воспользовался этой задержкой, чтобы написать необходимые письма: одно к коменданту Стенли-пуля с настоятельной просьбой о том, чтобы он истолковал депешу Штрауха (бельгийского министра внутренних дел) в том смысле, какой дал ей король Леопольд, предложивший нам добираться до Эмина через Конго. Другое письмо к почтенному мистеру Бентли. Напомнив ему об услугах, оказанных мною с 1880 до 1884 г. миссиям баптистов, я просил его как можно скорее привести в порядок корабль «Мирный», дабы я мог поскорее увезти экспедицию из этих мест, истощенных голодом. В третьем письме, к министру Биллингтону, я почти в тех же выражениях просил его ссудить мне пароход «Генри-Рид». Не я ли в былое время уступил им те самые земли, которые они занимают теперь? В четвертом письме я обратился к заведующему станцией Люкунгу, поручая ему набрать человек 400 носильщиков, дабы несколько облегчить моих.

6 апреля. Подходя к Муэмби, я был поражен распущенностью моего каравана, которая постоянно растет. До сих пор я опасался налегать на своих подчиненных и держался в стороне, предоставляя моим младшим товарищам подгонять отсталых: мне хотелось исподволь приучать их к обычным невзгодам всякой африканской экспедиции. Но на этом переходе убедился, что пора подтянуть мою команду и держать построже. Занзибарцы, придя на место и едва успев поставить палатки своих начальников, как полоумные, разбежались по соседним селениям и начали грабить жилища; пока они этим занимались, один из них, по имени Хамисбен-Атман, был убит туземцем, оказавшимся побойчее других. Это еще раз доказывает, что дисциплина гораздо полезнее постоянных поблажек: долго ли может продержаться войско, если оно состоит из людей непослушных, распущенных и не признающих над собой никакой власти?

8 апреля. На станции Люкунгу Франки и Дессауер принимают нас с распростертыми объятиями. Эти почтенные бельгийцы по собственному почину приготовили для наших восьмисот человек картофеля, бананов, кукурузы и пальмовых орехов – на четверо суток пропитания.

Тут наши суданцы явились целой толпой просить прибавки провианта. Они не притронулись к кукурузе и овощам, которые только что были розданы, и даже не обратили на них внимания, но грозились немедленно воротиться к низовьям Конго, если я не прикажу немедленно увеличить их суточную порцию. А между тем, в течение двух недель каждый из них потребил более 18 кг риса и сухарей. Я твердо решился сдерживаться до времени, рано еще было показывать им хотя бы возможность перемены обращения. Поэтому я приказал удовлетворить их.

К счастью, у меня были превосходные товарищи, в большинстве случаев избавлявшие меня от неизбежных столкновений с этими упрямыми; сам я старался, главным образом, играть роль миротворца между белыми, приходившими в раздражение, и недисциплинированными своевольными черными. Пока я не был измучен необходимостью кричать целый день на своих безмозглых богатырей, мне не тяжело было усмирять ссоры и разбирать обиды. Конечно, не обходилось без того, чтоб одни уходили с ворчанием на мое пристрастие, а другие роптали, что я не обращаю внимания на их жалобы. Впрочем, желая в пределах возможного предотвратить бури, постоянно поднимавшиеся между занзибарцами и суданцами, я попросил майора Бартлота идти с его отрядом на сутки впереди нас.

Вряд ли покажется удивительным, что все наши симпатии были на стороне зазибарцев. Главные тяготы каждого дня почти целиком выпадали на долю наших носильщиков, которые кроме того еще обязаны были расставлять палатки и снабжать лагерь водою и топливом. Без их содействия европейцы и суданцы, будь они хоть вдесятеро многочисленнее, никогда не добрались бы до Эмина. Солдаты несли только свои ружья, суточный провиант и свои личные пожитки. Должен был пройти целый год, так по крайней мере мы надеялись, прежде чем они действительно нам понадобятся; а до тех пор, чего доброго, они еще разбегутся. Но в настоящую минуту всего необходимее было продолжать путь, стараясь, чтобы как можно меньше было ссор.

На реке Инкиси

10 апреля. В день Пасхи мы выступили из Люкунгу. Жара смертельная; люди так и валились по дороге, несколько человек умерло. Мы нагнали суданцев, что вызвало новые стычки и потоки ругани.

11 апреля. У большинства солдат лихорадка, общие жалобы. Все сомали, за исключением двух человек, заболели. Бартлот, со злости на свой злополучный отряд, кричал: «Зачем я не на «Авансе», на месте Джефсона!» А от Джефсона я в тот же вечер получил письмо, в котором он сообщал о крайнем своем желании быть с нами «или где угодно, только не на этой бурливой и предательской реке Конго».

На другой день наш караван, еле живой, медленно тащился и к месту стоянки дошел с большим трудом. Суданцы отставали на целые километры, сомали все больны. Пришлось распаковать консервы и приготовить достаточное количество мясного супу, чтобы каждый из бедняков мог выпить хоть по одной чашке.

На другой день такой же переход – и мы достигли Лютэтэ. Всякий день потеря в людях: одни мрут, другие болеют, третьи дезертируют; пропадают ружья, консервы и снаряды.

У селения Нсэло, на реке Инкиси, встретили Джефсона. Плавая вверх по Конго до Маньянги, он тоже узнал жизнь с другой стороны!

Солнце окрасило наши лица великолепным пурпуровым цветом. Щеки офицеров представляют сплошной кружок ярко-красного оттенка, что придает особый блеск их глазам. Ради большей живописности, а также для того, чтобы точнее приблизиться к типу идеального исследователя, иные предоставляют влиянию дневного светила свои руки и купают их в этой палящей стихии.

16 апреля. Весь день перетаскивали миссию на противоположный берег Инкиси; в 5 часов 30 минут пополудни весь караван был переправлен, в том числе двадцать ослов и стадо коз с мыса Доброй Надежды.

На следующей стоянке я получил новые вести с озера Стенли. Лейтенант Либрехтс, комиссар этого округа, писал, что к моим услугам готовы пароход «Стенли» и один плаш-

коут и что пароход «Вперед» будет готов только через шесть недель. Другое письмо было от Биллингтона, который решительно отказывал дать мне пароход «Генри-Рид».

По вечерам, после каждого перехода, мое главное занятие состояло в судебных разбирательствах; я выслушивал всевозможные жалобы. В этот день их было не меньше прежнего. Один туземец бил челом на занзибарца, который утащил у него лепешку из кассавы². Погонщик наших коз, по имени Бинза, считал себя обиженным, потому что ему не дали порции «тушеной требухи», и просил меня отныне предоставить ему право постоянно пользоваться ею; тощий занзибарец, считавший, что он умирает с голоду в отряде, где до сих пор выдавались изрядные порции риса, умолял меня взглянуть на его бедный сморщенный живот и позаботиться о том, чтобы каждый начальник отдавал ему сполна то, что ему следует.

18 апреля. В лагере на реке Нкаляма гонец привез мне письмо достопочтенного мистера Бентли. Касательно моей просьбы одолжить на некоторое время пароход миссии баптистов «Мирный» он сообщал, что на этот счет он не получал из Лондона запрещения, и если я поручусь, что занзибарцы не учинят ничего такого, что могло бы повредить репутации миссии, которую он в качестве миссионера обязан содержать в неприкосновенности, то он со своей стороны будет весьма счастлив предоставить свой корабль к услугам нашей экспедиции.

Хотя я и почувствовал должную признательность за такую великодушную уступку, однако неожиданное упоминание о занзибарцах и довольно прозрачный намек на то, что мы должны отвечать за их поведение, достаточно показывают, как тяжела ему была эта жертва. А между тем не лишне было бы ему припомнить, что если он и его сотоварищи получили возможность основать свои поселения в Леопольдвиле, в Киншасе и в Люколеле, то эта возможность добыта потом и кровью этих занзибарцев, которые, правда, подчас ведут себя очень скверно, но, однакож, так, что местное население предпочитает их племенам хауса, кабинда, крумаицам и бангальцам.

19 апреля. Короткий переход. Как и в предыдущие дни, проливной дождь; речка Люйла, у которой мы ночуем, бурлит не на шутку.

20 апреля. Пришли в деревню Макоко. Занзибарцы совсем выбиваются из сил. Несколько дней назад пришлось сократить им выдачу риса, и они старались вознаградить себя тем, что вырывали и поедали клубни маниока. 450 г риса в день, правда, маловато для чернорабочего, но если бы они рискнули еще немного похудеть и держаться только этой пищи, скудной, но здоровой, они не были бы так истрепаны болезнью. С выступления из Матади у нас вышло 12 450 кг риса, т. е. около 13 т, для переноски которых я истощил весь контингент носильщиков, какой можно было добыть в этой области. Туземцы разбежались в сторону от торных дорог; своим занзибарцам мы не позволяли отлучаться далеко за провизией, опасаясь, как бы они не вздумали грабить, вот они и накинулись на ядовитые клубни маниока. От этого вскоре до ста человек оказались окончательно неспособными к труду.

В Леопольдвиле, куда мы прибыли 21-го числа, к великой радости всего каравана, меня ожидало новое затруднение: для передвижения экспедиции по верхнему Конго приходилось рассчитывать только на «Стенли» со стальным вельботом «Аванс» да на пароход «Мирный» с небольшим плашкоутом. Извлекаю из своего дневника следующие заметки:

Леопольдвиль, *22 апреля.* Мы находимся в 550 км от моря, в виду озера Стенли; следовательно, миновав все пороги, мы имеем впереди 1 800 км пути вверх по реке до Ямбуи и Арувими, а там я предполагаю сухим путем дойти до озера Альберта.

² Маниок (*Manihok utilisima*) – тропическое растение из семейства молочайных. Его клубневидные корни, длиною до 45 см и весом до 15 кг, становятся съедобными после термической обработки. В сыром виде – ядовиты (за исключением сладкой разновидности этого растения). Из сырых клубней маниока изготавливают крупу тапиоку, а из сушеных – муку, которую называют кассава.

Были с визитом Бентли и Уитли. Они уверяли, что «Мирный» сильно нуждается в починке. Я сильно настаивал на неотложной необходимости проворнее покончить с этим делом. После долгих переговоров согласились, чтобы 30-го числа все было в исправности.

После полудня я откровенно разъяснил эти неприятности майору Бартлоту и Моунтенею Джефсону; я упомянул о том, чем миссионеры нам обязаны, и выразил мнение, что для нас существеннее всего как можно скорее выбраться из округа, истощенного голодом. Здесь так мало теперь продовольствия, что правительство принуждено 60 дневных порций распределять на 146 человек, так что местные офицеры ходят на охоту за носорогами; нам придется делать то же самое, чтобы сколько-нибудь поберечь свой рис.

Если же правительство на 146 человек своих людей может распорядиться только шестидесятью порциями, то чего же ожидать от них нам, с нашими 750 человеками! Поэтому я просил товарищей сходить к мистеру Биллингтону и доктору Симсу, налегая преимущественно на первого из них (потому что второй, не будучи избран членом нашего главного штаба, может быть, слишком обижается на нас за это), и откровенно выяснить ему наше положение.

Часа через полтора они вернулись с вытянутыми лицами. Полная неудача. Бедный майор! Бедный Джефсон!

В настоящее время управляет округом Либрехтс, который был моим сослуживцем на Конго, в Болобо. Мы с ним обедали сегодня, и майор вместе с Джефсоном рассказали ему в подробности историю их утреннего визита. Мы ничего не утаили от него, тем более что он и сам знал это не хуже нашего. Он вполне согласен с нами. Неотложность всеми признана.

– Я предлагаю, – сказал Джефсон, – требовать немедленной выдачи «Генри-Рида»!

– Нет, друг Джефсон, торопиться не нужно! Дадим время мистеру Биллингтону одуматься. Он, вероятно, не откажется признать, что его миссия многим мне обязана, и не затруднится уступить мне свой пароход за цену, вдвое большую той, которую платит ему областное начальство. Кто существует по милости других, тот обязан быть милостивым. Завтра я к ним обращусь официальным порядком и предложу им самые выгодные условия. Если же они и тогда не согласятся, подумаем о других способах.

23 апреля. Все утро был сильно занят. Соседние туземцы приходили возобновить знакомство; только в 10 часов я освободился.

Нгальима очень пространно и скучно рассказал, сколько всяких обид он терпеливо перенес и как он никогда не жаловался на наносимые ему оскорбления. С некоторого времени белые очень переменились, стали гораздо повелительнее; полагая, что это не предвещает ничего доброго, он и другие старшины ушли подальше от станций и на базары больше не являются; от этого и провианта стало совсем мало, и все вздорожало.

После такой сочувственной беседы со старыми приятелями я прочел Бартлоту и Джефсону записку касательно моих прежних заслуг перед внутренней миссией.

– Напомните все это господам миссионерам и потом, во имя доброй приязни, христианского милосердия и человеколюбия, просите мистера Биллингтона позволить мне месяца на два нанять у него «Генри-Рида» на самых выгодных для него условиях.

Бартлот все еще не мог переварить мысли, что его красноречие пропало даром. Он попросил позволения попытаться еще раз.

– Сделайте одолжение, майор! И дай Бог успеха!

Он отправился в миссию, и с ним Джефсон в качестве свидетеля. Вскоре я получил записку совершенно в духе майора: все его доводы ни к чему не привели; он, впрочем, спорил преимущественно с Биллингтоном, а доктор Симс по временам только вставлял кое-какие замечания.

Лейтенант Либрехтс, извещенный об этом, поспешил ко мне.

– Это дело, – сказал он, – затрагивает государственные интересы, и правительство обязано вмешаться!

Деревня в нижнем течении Конго

Этот чиновник, один из лучших в Конго, вполне оправдывает то высокое мнение, которое я выражал о нем в одном из прежних своих сочинений. Он со всевозможным рвением принялся улаживать это дело и взялся доказать мистеру Биллингтону, как тот неосновательно поступает, отказывая нам в содействии в такую трудную для нас минуту и притом при таких обстоятельствах, в которых мы решительно не вольны. Весь день Либрехтс сновал между той и другой партией, расспрашивал, объяснял, доказывал и, наконец, после двенадцатичасовых усилий, добился того, что Биллингтон согласился получить за сдачу внаем парохода по две с половиною тысячи франков в месяц.

24 апреля. Делал смотр своей экспедиции. Налицо 737 человек и 496 карабинов; при перекличке не оказалось 57 человек и 38 ремингтоновских ружей. Что касается топоров, серпов, заступов, котелков, копий, то в течение двадцатидневного перехода мы растеряли их более пятидесяти процентов!

Некоторые из людей, оставшие по болезни, еще, может быть, придут; но если столько народа не побоялось убежать, находясь почти за 5 000 км от своей родины, то что было бы, если бы мы пошли с востока. «Твоя экспедиция растаяла бы по дороге, – говорят мне на это с горьким цинизмом занзибарские старшины. – Это люди, взятые из Занзибара с плантаций корицы и гвоздики, настоящие скоты: в них ничего нет мужественного, они терпеть не могут труда и не знают цены деньгам, у них нет ни родных, ни жилищ. У кого есть семья, тот ни за что не сбежит, потому что после этого ему будет стыдно показаться соседям».

Все это очень верно, в нашем караване есть сотни носильщиков, у которых нет другого ремесла, как забрать свое жалование за четыре месяца вперед да и улизнуть при малейшем благоприятном случае. На сегодняшнем смотре мне удалось насчитать у нас никак не больше ста пятидесяти человек вольных людей, все остальные – либо осужденные преступники, либо невольники.

Д. С. Джемсон предложил свои услуги, чтобы настрелять гиппопотамов; их мясо сколько-нибудь поможет нам поддержать людей, получающих в сутки только по 450 г рису. Для офицеров и для моих гостей-арабов у меня еще есть в запасе штук тридцать коз.

Соседние старшины навезли мне в подарок пятьсот суточных порций провианта. И за то спасибо!

Капитан Нельсон со своими дровосеками заготавливает топливо для пароходов. Завтра отправляю на пароходе «Стенли» майора Бартлота и доктора Пэрка с их отрядами, они высадутся повыше Уампоко и пойдут на Мсуату. Нужно всеми мерами стараться удалять с озера моих людей, куда голод окончательно не вывел их из повиновения.

25 апреля. «Стенли» отплыл, увозя 153 человека команды и двух командиров.

Я был в Киншасе, навестил своего бывшего секретаря Суинберна, ныне агента компании Сандфорда, основанной с целью добычи слоновой кости. Так как остов их маленького корабля «Флорида» почти готов, то Суинберн очень любезно предложил мне им воспользоваться. Сам он, впрочем, не думал пускать его в ход до конца июля, потому что тогда только должен приехать барон Роткирх с винтом и машинами. Я спешу принять его предложение и высылаю в Киншасу часть своих людей, чтобы ускорить постройку деревянного спуска на воду.

Наш механик, Джон Уокер, чистит и готовит «Генри-Рида» к плаванию по верхнему Конго.

27 апреля. Тринадцать занзибарцев и один суданец, отставшие на пути, вернулись к отряду; но они распродали ружья и почти всю свою утварь!

28 апреля. Тронулись из лагеря. Идем сухим путем в Киншасу, где я хочу лично распорядиться спуском на воду «Флориды».

29 апреля. Киншаса. Лагерь расположился под тенью баобабов. Пришли пароходы «Стенли» и «Генри-Рид», приведшие на буксире пароход «Вперед».

30 апреля. Спустили «Флориду». 200 человек отлично протаскили ее по наклонному помосту, а спустив на воду, отвели к пристани голландской фактории и там прицепили к «Стенли», который поведет ее на буксире.

Я вручил каждому из моих офицеров инструкцию, сообразно которой они должны распределять людей на нашей маленькой флотилии. Далее в инструкции было указано:

«Каждый из офицеров лично отвечает как за поведение своего отряда, так и за исправность оружия и снарядов.

Им предлагается почаще осматривать патронташи и записывать их содержимое в памятную книжку, чтобы люди не смели продавать боевых снарядов туземцам и арабам.

За легкие проступки допускается подвергать самому легкому телесному наказанию, и то как можно реже. Предоставляю это на совесть каждого и предлагаю всемерно стараться не раздражать людей, избегать мелочных придирок или излишней требовательности.

Я, со своей стороны, всегда был снисходителен: примите за правило, чтобы на каждое наказание приходилось три прощения. Прошу господ офицеров постоянно иметь в виду, что наши люди исполняют труд крайне тяжелый, климат чрезвычайно зноен, выюки тяжелы, переходы утомительны, а пища однообразна и часто недостаточна. В подобных условиях человеку свойственно становиться раздражительным; поэтому наказания должны быть налагаемы с крайней осмотрительностью и только в тех случаях, когда мера терпе-

ния переполняется. Тем не менее дисциплину необходимо соблюдать, особенно в интересах общего благосостояния.

О важных провинностях, могущих влиять на судьбу экспедиции, прошу доводить до моего сведения, я буду судить сам.

Во время плавания каждый из офицеров своим чередом будет исполнять ежедневные обязанности: наблюдать за раздачей пищи, за чисткой корабля, за тем, чтобы не было ссор и драки, за которой могут последовать и удары ножом, смотреть за правильной раздачей корма животным и за ежедневным их поилом. За более подробными инструкциями рекомендую обращаться к майору Бартлоту».

От Стенли-Пуля до Ямбуи

Дни проходили довольно быстро. С раннего утра перед глазами тянулись леса, тысячи островков, поросших деревьями, и громадные каналы стоячей воды, блестящей на солнце, словно потоки ртути. Мы приближались то к правому берегу, то к левому, то вступали в русло более глубоких вод и таким образом избегали однообразия, которое было бы неминуемо, если бы мы шли ровно посреди реки, т. е. в таком расстоянии от берегов, чтобы нельзя было рассмотреть подробностей.

Я спокойно сидел на кресле-качалке, в каких-нибудь двенадцати метрах от берега, и с каждым поворотом винта глазам моим представлялись все новые бесконечные сочетания этих деревьев, кустов, все новые массы зелени, лиан, цветов и бутонов. Правда, свойства и особенности этих растений большею частью не были мне известны, те или другие части берегов казались неинтересными, но часы пролетали незаметно, а по временам внимание развлекалось появлением какого-нибудь обитателя воздуха или воды.

Эта чудная панорама ярко-зеленых лесов с неподвижными ветвями и листьями, эта почти непрерывная кайма роскошных, густолиственных кустарников, усеянных крупными мотыльками, бабочками, всевозможными насекомыми, эти громадные пространства воды, блестящей и совершенно спокойной, – гораздо дольше останутся в памяти, нежели картины той же природы под ударами тропической грозы, которая налетала почти каждый вечер и нарушала ее мирную прелесть.

Дождливый сезон длится здесь два месяца, с 15 марта до 15 мая. Всякий день после двух часов пополудни небо начинало хмуриться, солнце пряталось за черные тучи, молнии бороздили наступавшую тьму, гром разрывал облака, дождь обрушивался и лился в тропическом изобилии; и в этом печальном тумане природа мало-помалу исчезала в ночных потемках. Невозможно было бы выбрать время, более благоприятное для нашего плаванья по великой реке. Воды были как раз ни слишком низки, ни чрезмерно высоки, нечего было опасаться, что суда попадут на затопленный материк или сядут на мель.

Мы почти постоянно держались в расстоянии двенадцати метров от левого берега, и на протяжении 1 600 км нам довелось непрерывно любоваться растительностью, с которой по густоте листвы, по разнообразию оттенков, по обилию и благоуханию цветов не может равняться ни одна флора в мире.

Бури налетали большею частью уже вечером или к ночи, когда наша флотилия давно стояла на якоре. Москиты, слепни, мухи цеце и прочие несносные насекомые на этот раз казались мне далеко не так докучливы, как во время прежних моих путешествий; большая часть нашего пути была уже пройдена, прежде чем появились – и то в малом количестве – представители этих проклятых полчищ.

Гиппопотамы и крокодилы вели себя безукоризненно; туземцы оказались скромны, умеренны и охотно отдавали нам своих коз, кур и яйца, бананы, а мы им за это выдавали «векселя», по которым они должны были получать деньги с Роз Труппа, плывшего вслед за мною в расстоянии двух-трех дней пути.

Здоровье мое было хорошим и даже превосходным по сравнению с прошлыми походами; а мои товарищи, – потому ли, что они действительно были увлечены делом, или потому, что не хотели обращать внимание на мелочи, – гораздо реже жаловались, чем спутники моих прежних экспедиций.

1 мая. «Генри-Рид», имея на буксире два меньших судна, отплыл во главе флотилии, увозя Типпу-Тиба, 96 человек его свиты и родственников и 35 человек наших людей. За ним тронулся «Стенли», ведя на буксире «Флориду», на них 336 человек, шесть ослов и множество всякой поклажи. Полчаса спустя «Мирный» со 135 пассажирами весело тронулся в

путь; но едва наши друзья успели прокричать нам «до свидания», едва наша корма вступила в борьбу с быстрою волной, как руль сломался. Капитан скомандовал остановиться, якоря упали в очень неровное дно, а течение в этом месте сильное – до шести узлов в час. Пароход весь задрожал, до верхушек своих мачт; якорные цепи стали щепить палубу, и так как не было никакой возможности вытащить якоря, завязшие между глыбами камня, пришлось рубить канаты и возвращаться к пристани в Киншасу. Капитан Уитли и наш механик Давид Чартерс немедленно принялись за работу, и в 8 часов вечера руль был исправлен.

На другой день все шло вполне благополучно, и мы догнали наш остальной флот у Кимпоко, в верхнем углу озера Стенли.

3 мая. Впереди пошел «Мирный», но «Стенли» не преминул перегнать нас и пришел к месту условленной стоянки на полтора часа раньше нашего. «Генри-Рид» явился позже всех из-за ошибки капитана.

Наш «Мирный» положительно с норовом: идет он прекрасно в течение нескольких минут и вдруг начнет как будто задыхаться, а через полчаса опять старается. Паровик у него заменен системой змеевиков, а двигатели, помещенные в цилиндрических барабанах у кормовой части, должны вращаться неистово, прежде чем успеют сдвинуть его с места. Он доставит нам немало хлопот.

Как только мы останавливаемся на ночь, что почти всегда бывает в 5 часов вечера, каждый из офицеров делает переключку своим людям и посылает их за дровами на завтрашний день; эта работа очень трудная, и длится она иногда до поздней ночи. Некоторая часть носильщиков (для «Стенли» 50 человек) отправляется на поиски за сухим лесом, который они перетаскивают к пристани, и тут еще двенадцать человек их товарищей рубят эти бревна на поленья в 75 см длины. Для «Мирного» и «Генри-Рида» достаточно половины этого числа рабочих. Затем поленья переносятся на корабль, и таким образом на следующее утро ничто уже не задерживает отплытие.

Проходит несколько часов, прежде чем «ночная тишина» водворяется вокруг нас: на берегу горят костры, треск ломающихся деревьев, удары топоров, скрип расщепляемых поленьев оживляют первую вечернюю вахту.

4 мая. Наш негодяй-пароход продолжает нас озадачивать. Это, конечно, один из самых медлительных кораблей, какие когда-либо осмеливался сдавать строитель. Мы на целые километры отстаем от других. Каждые три четверти часа мы должны останавливаться, чтобы смазывать его, иногда также для прочистки цилиндров или чтобы вызвать давление, вымести с решеток остатки угля и золу; едва только удастся нам поднять давление до одной атмосферы, как через пять минут она уже упала до одной трети, потом до четверти, а потом все наши усилия клонятся уже к тому, чтобы помешать этой старой калоше идти вниз по течению со скоростью одного узла в час. Семь дней мы из-за нее потеряли на озере Стенли и еще восьмой провозились из-за сломанного руля. Право, это очень скучно.

5 мая. Остановились у пристани Мсуата, где майор и доктор Пэрк ждут нас уже четыре дня. На берегу возвышаются кучи заготовленного для нас топлива; майор и доктор накупили кукурузы и лепешек из кассавы.

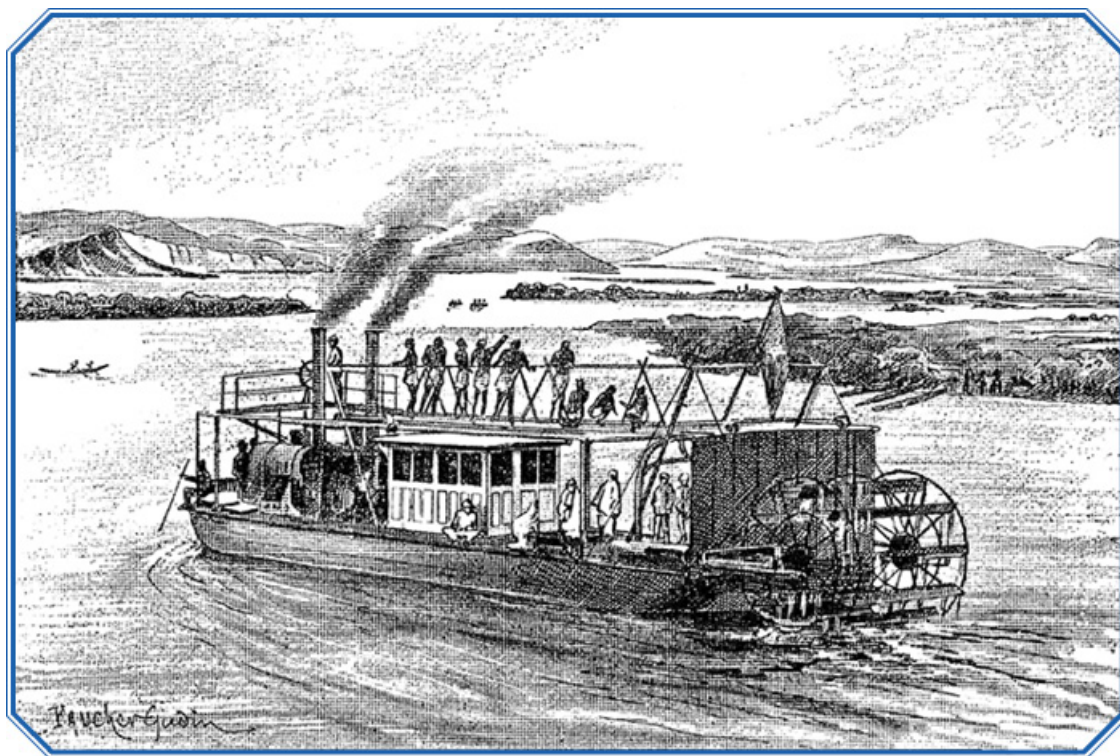
6 мая. Майору Бартлоту я отдал приказание отвести свой отряд к устью Ква и дожидаться парохода «Стенли»; пароход же сначала должен пойти в Болобо, высадить там своих пассажиров, а затем вернуться к устью Ква и подобрать майора с его людьми. Сам я пока останусь в Болобо организовывать сызнова экспедицию. Но 7 мая я издали увидел «Стенли» неподвижно стоящим у левого берега, неподалеку от Чумбири, и немедленно поспешил к нему; оказалось, что он наткнулся на подводный камень и потерпел серьезную аварию. Нижняя обшивка была пробита в четырех местах, несколько заклепок выскочило, другие расшатались.

Тотчас мы созвали машинистов с остальных пароходов; наши шотландцы, Чартерс и Уокер, оказали при этом важные услуги; пришлось болтами прикреплять к наружной стенке корабля деревянные пластинки или заплаты, вырезывая их из старых масляных бочек, – работа чрезвычайно трудная и потребовавшая столько же терпения, сколько искусства. Сначала изготовляли пластинки, промазывали их суриком, обтягивали куском грубого полотна, которое также промазывали суриком. Вода в трюме поднялась уже на шестьдесят сантиметров, а в обшивке пришлось буравить отверстия для пропуска болтов; машинист стоял по пояс в воде, что ослабляло удары резцов.

Когда все было готово для заделки отверстия, в реку спускали водолаза, у которого в одной руке была пластинка из толя, подбитого полотном и пропитанного суриком, а в другой – конец бечевы, пропущенной через скважину обшивки. Он ощупью отыскивал пробоину, продевал в нее конец бечевки, а машинист старался поймать ее изнутри. Захватив конец бечевки, машинист осторожно тянул ее до тех пор, пока заплата становилась на место; тогда в отверстие вставлялись винты, и машинист закреплял их гайками. Многие часы провели мы над этой длинной и скучной работой; к вечеру удалось исправить главную аварию стального киля, но прошло 8 и 9 мая, прежде чем корабль мог отправиться в дальнейшее плавание.

10 мая. «Стенли» догнал нашего убогого ленивца, потом догнал и «Генри-Риду»; несколько часов спустя «Мирный» опять задумался, и вскоре ничем нельзя было сдвинуть его с места; давление падало все ниже; волей-неволей пришлось стать. В эту минуту выражение лица Чартерса было для нас интереснее всего в мире, и мы ожидали из его уст как бы решение своей судьбы. Чартерс, человек небольшого роста, очень веселый, никогда не отчаивается. «Ничего, не пугайтесь, все пойдет ладно!» – говорил он, пока я бесился, видя себя прикованным к берегу.

На следующий день мы тронулись в путь ранним утром, твердо решившись на сей раз отличиться. С час времени «Мирный» оправдывал наше доверие, потом начал проявлять утомление. Пары быстро истощались, и пришлось бросить якорь. В 10 часов стало ясно, что дело непоправимое, и я послал Уарда на вельботе к «Генри-Риду» пригласить его на помощь.

Пароход «Стенли»

Пароход пришел в 8 часов вечера и остановился в 50 м от нас. Целый день мы только и делали, что глядели в бурые воды потока, в котором застряли, — как раз посередине русла, между берегом и островком. По временам из воды выглядывали гиппопотамы, бревна, поросшие мхом, травы, обломки деревьев.

22 мая. «Генри-Рид» привел нас на буксире в Болобо. Нечего сказать, триумфальное шествие!

В области Уянзи о голоде почти не слыхали, а Болобо — одна из лучших пристаней на реке как по обилию съестных припасов, так и по их разнообразию. В этой-то местности, где наши люди позабывали свои скудные порции, до крайности сокращенные после отъезда из Люкунгу, я решился исполнить свое намерение — разделить наши силы на две колонны.

Наша флотилия не в силах была сразу перевезти экспедицию к верхнему Конго; я рассудил, что нужно сначала перевозить наиболее крепких и надежных людей, а остальные пусть останутся в Болобо под командой Уарда и Бонни до тех пор, пока «Стенли» вернется из Ямбуи. «Скорее! Скорее!» — понукает Англия, и нужно идти вперед со всею поспешностью, какую допускают обстоятельства. Я рассчитывал, что арьергард может последовать за мною не позже, как через шесть или семь недель.

Я выбрал 12 человек, наиболее слабых из нашей команды, и решил оставить их в Болобо вдоволь откармливаться превосходным местным хлебом и рыбой, которую здесь легко добывать. Пароход «Стенли» отправился обратно к устью Ква, за майором Бартлотом, доктором Пэрком и 153 людьми.

Кому же поручить командование второй колонной? Кто мог занять этот пост, значительнейший из всех после моего? Общее мнение указывало на майора Бартлота. По слухам, он уже предводительствовал отрядом в тысячу человек и проводил его от Коссеира на Красном море до Кенэ, что на берегу Нила; он отличился и в Афганистане и во время суданской

кампании. Если эти слухи были справедливы, то вряд ли я мог бы избрать офицера, более его пригодного для такого поручения.

Впрочем, будь у меня налицо другой офицер, равный ему по чину, я бы не назначил на это место Бартлота, страстно желавшего идти в первой колонне. Тем не менее, когда я достаточно обдумал и взвесил способности и степень опытности остальных его товарищей, юношеская отвага которых была слишком хорошо мне известна, я был вынужден предупредить Бартлота, что по совести не могу поручить ни одному из наших юнцов этого поста, принадлежавшего ему по праву старшинства, личной репутации и опытности.

– Будь у нас другое транспортное судно, такое, как «Стенли», вы непременно пошли бы с нами, майор! – говорил я ему, стараясь как-нибудь приободрить его, потому что молодой человек очень приуныл. – Я вам оставлю всего 125 человек и как можно меньше поклажи. Все остальное пойдет водой. Если вы знаете кого-нибудь, кто бы лучше вашего годился на это дело, я бы с удовольствием назначил его. Я надеюсь, что вы не слишком будете принимать к сердцу эту неприятность. Да и что же тут такого? Провести арьергард к намеченной цели – точно такая же заслуга, как идти впереди всех. Если Типпу-Тиб выполнит свои обязательства, вы можете выступить через шесть недель и, конечно, догоните нас; силою обстоятельств мы будем подвигаться очень тихо: нам предстоит идти напролом через столько препятствий!

По дороге, проторенной нами, вы легко можете идти вдвое скорее нашего. Если же Типпу-Тиб обманет, вы тем свободнее можете распоряжаться своими движениями. У вас будет столько дела, что время пролетит незаметно. А в утешение помните, майор, впереди вам будет еще довольно возни, могу вас уверить, и для вас я приберегу самое важное. Но поговорим о настоящем: кого вы желаете взять себе в помощники?

– Кого вам угодно.

– Нет, сами выбирайте кого-нибудь, с кем вы могли бы обмениваться мыслями и надеждами. У всякого свой вкус, знаете ли.

– Ну, так я выбираю мистера Джемсона.

– Джемсона – отлично. Я вам дам еще Роз Труппа, славный малый, насколько я понимаю, а также Уарда и Бонни. Трупп и Уард говорят по-суахильски, они вам будут очень полезны.

Итак, 15 мая мы покинули Болобо со всем нашим флотом, и с нами 511 человек из состава экспедиции да Типпу-Тиб и 90 душ его родни и подчиненных.

Недавняя починка «Мирного» заметно улучшила его ход, и мы 10 мая прибыли в миссию баптистов в Люколеле. «Стенли» пришел несколькими часами позднее. Миссионеры оказывали нам благодушное гостеприимство, за которое мы им глубоко признательны. Мы провели здесь целый день и занимались покупкой съестных припасов.

24 мая. Экваторвиль – станция, принадлежащая компании Сандфорда. Ее представитель здесь – Глэв, очень умный молодой англичанин родом из графства Йорк. Тут же мы видели капитана фон Геля, только что воротившегося из неудачной экспедиции: он с пятью солдатами из племени хауса пытался пробраться вверх по течению Мобанги, дальше, чем это удалось сделать миссионеру Гренфелю несколько месяцев назад.

30 мая. Достигли цветущего поселения Бангала с гарнизоном из 60 солдат и двумя крупновскими пушками. Здесь устроен кирпичный завод, который до нашего приезда успел уже изготовить 40 000 кирпичей превосходного качества. Эта станция делает величайшую честь Центральной Африке.

В Бангале еще не было голодовки. Поселение владеет 130 козами и двумя сотнями кур; офицеры во всякое время достают свежие яйца. Рисовые поля зеленеют на пространстве пяти гектаров. Служащие пьют пальмовое вино, настойку из бананов и пиво, приготовляемое из тростника и притом чрезвычайно крепкое, как я узнал по собственному опыту.

Я приказал майору отправиться с Типпу-Тибом и его людьми прямо к Стенлеевым порогам, предварительно распорядившись высадкою с судов тридцати пяти занзибарцев и заменю их суданцами, чтобы ни один из носильщиков не узнал, что водопады всего в нескольких днях пути от Ямбуйи.

Если не считать некоторых странностей в поведении парохода «Стенли», который от времени до времени таинственно исчезал в извилинах протоков под предлогом удобнейшей добычи топлива, мы без всяких задержек шли до впадения Арувими в Конго и 12 июня очутились на моей старой стоянке, напротив селения басоков.

Племя басоков – то самое, к которому принадлежал наш Барути, по прозванию Порох; в 1883 г. Карема взял его в плен еще ребенком. Сэр Френсис Уинтон привез его в Англию, чтобы привить ему цивилизованные привычки. Из рук сэра Френсиса он попал ко мне и очутился теперь, после шестилетних странствий, в виду своей деревни и своих соплеменников. Заметив, как он пристально и внимательно засматривается на родные места, я уговаривал его подать голос басокам и пригласить их к нам. В прежние времена я немало старался расположить к себе этих детей лесов, но это мне никогда не удавалось; хотя я считаю, со временем это вполне достижимо.

Я долго раздумывал, почему лесные жители всегда бывают более дики, трусливее живущих на открытых местах. Подходишь к ним одинаково: показываешь какие-нибудь блестящие безделушки самых ярких цветов или бусы ослепительных оттенков, по целым часам расточаешь им любезности, улыбаешься ласково, всячески ободряешь – и все понапрасну! Приходится укладывать все это добро в тюки и убирать до более благоприятного времени. Это оттого, что лес – единственное прибежище своих сынов. Против опасений, возбуждаемых чужестранцем, против всех опасностей и зол, им приносимых, у туземца одна защита – лес с его неизведанными глубинами.

Когда дикарь отваживается переступить за пределы лесов, один вид приближающегося «чужого» заставляет его пятиться до тех пор, пока он не очутится под родимой тенью; тут он в последний раз оглянется на непрошеного гостя и пропадает в чаще, как бы желая этим сказать: «Ну, теперь прощай, я дома!» На открытых равнинах туземец всегда отыщет какой-нибудь холмик, дерево, наконец, курган термитов, с вершины которых он может высмотреть пришельца и составить себе понятие о его намерениях. В лесу же только и возможны случайные встречи: каждый встречный незнакомец – вероятный враг, и цель его во всяком случае остается тайной.

Пейзаж в Конго

Барути долго звал своих земляков – и вот их челноки зашевелились и направились к нам с несносной медлительностью; наконец они приблизились. Он узнал некоторых гребцов и закричал им, что бояться нечего. Он стал расспрашивать их об одном из соседей, которого назвал по имени. Дикари позвали этого человека, крича изо всех сил своих здоровенных легких; тот отозвался с другого берега, и мы видели, как он сел в челнок и поплыл в нашу сторону. То был старший брат Барути; последний осведомился, как он поживал за эти годы, что они не виделись. Брат таращил на него глаза и, не узнавая его, бормотал свои сомнения.

Тогда Барути назвал ему имя их отца, потом имя матери. Лицо его брата оживилось сильнейшим любопытством, и он очень ловко подвел свой челнок к пароходу.

– Коли ты мне брат, скажи мне что-нибудь, чтобы я узнал тебя!

– У тебя на правой руке шрам. Помнишь крокодила?

Этого было довольно. Широкоплечий молодой туземец испустил радостный крик и зычным голосом оповестил о своей находке всем соплеменникам на отдаленном берегу. В первый раз мы увидели, как Барути заплакал. Его брат, позабыв свои страхи и опасения, причалил к кораблю и принялся сжимать его в своих объятиях. Видя такую радость, и другие челноки подплыли поближе.

Вечером я предоставил Барути на выбор, оставаться у своих или следовать за нами; по моему мнению, ему следовало сопровождать нас, так как его существование далеко не было безопасно в таком близком расстоянии от арабов, находившихся у Стенлеевых порогов.

Мальчик, казалось, был того же мнения; он отказался воротиться к родителям и к своему племени, но дня через два по прибытии нашем в Ямбуйю он забрался ночью в мою палатку, стащил мое винчестерское ружье, пару револьверов Смита и Вессона и изрядный запас патронов к ним, захватил с собою серебряные дорожные часы, пedomетр, также серебряный, небольшую сумму денег и превосходный кожаный пояс с внутренними карманами; забрав все это, он сполз в челнок и поплыл вниз по течению, вероятно, к своим родственникам. Мы больше никогда его не видели и даже не слыхали о нем. Мир ему!

14 июня. Мы поравнялись с Ямбуйей, деревушками, расположенными по левому берегу Арувими на 145 км выше слияния этой реки с Конго.

Ямбуя

Две тысячи сто километров отделяют нас от моря. Прямо перед нами те селения, в которых мы намереваемся разместить людей и грузы, ожидаемые из Болобо и Леопольдвилья: 125 человек и около 600 вьюков громоздких вещей. Мы охотно и хорошо заплатим за позволение расположиться тут, но в случае нужды готовы водвориться и насильно, если не получим позволения. В 1883 г., посетив этот край для исследования, я понапрасну старался расположить к себе туземцев.

Ныне мы преследуем цель в высшей степени важную. Думая о будущем, мы обращаем мысленные взоры к отдаленным портам на Ниле и на Альберта-Ньянце, где люди тревожно всматриваются во все пункты горизонта, ожидая обещанной им помощи. Гонцы из Занзибара, конечно, оповестили уже их о нашем прибытии. Но между ними и нами простирается громадная страна, которую и наилучшие географические карты обозначают лишь пустым местом. Глядя на эти темные леса (начиная от Болобо, громадные деревья тянутся непрерывной стеной, за исключением только тех мест, где в могучую реку вливаются ее притоки), каждый из нас думает свои собственные думы.

Мне все представляется мой «идеальный правитель»: он ободряет свой гарнизон, поощряет свое храброе воинство; его рука простерта в ту сторону, откуда должно прийти подкрепление.

Вдали чудятся мне также полчища Махди: они идут с дикими воплями и криками: «Аллах! Аллах!» И батальоны воинов, пылких и фанатичных, повторяют этот крик другим воинам, а потом он передается несметной толпе дикарей, жаждущих крови³.

Капитаны каждого отряда раздают боевые снаряды и получают приказ развести пары на своих судах, мы приступаем к первому и важнейшему подготовке нашего похода к Альберта-Ньянце.

15 июня. В 6 часов утра «Мирный» бесшумно снялся с места и стал рядом со «Стенли»; когда он совсем приблизился, я попросил офицеров подождать моих сигналов и, медленно переплыв реку поперек, попробовал успокоить туземцев и рассеять их опасения, став неподвижно у берега, между тем как толпа, собравшаяся в кучу над высоким обрывом метров на 15 выше нас, смотрела на нас с изумлением и любопытством. Наш переводчик объяснялся с ними совершенно свободно, так как все население нижнего Арувими говорит на одном языке.

Обменявшись с нами в течение целого часа разными приветствиями и дружелюбными фразами, несколько смельчаков согласились сбегать с высокого побережья к самой реке. Едва заметный поворот руля толкнул наш пароход к берегу, и мы провели еще час в уговорах и любезностях, с одной стороны, и в отказе и отговорках – с другой. Наконец нам удалось выменять ножик на кучку стекляшек. Ободренный этим первым успехом, я попросил позволения остановиться у них в деревне на несколько недель: мы предлагали вознаградить их за такую уступку тканями, бисером, железом и проволокой; за этими переговорами они продержали нас еще час.

³ Стенли называет туземцев тропической Африки дикарями, поскольку в его время так называли всех представителей «нецивилизованных» народов. Никакой связи со степенью развития общества здесь нет. Собранные самим Стенли этнографические материалы вместе с материалами других путешественников со всей очевидностью показывают, что народы тропической Африки ко времени экспедиции Стенли стадию дикости, являющуюся начальным этапом развития всего человечества, уже давно прошли. Они знали земледелие и скотоводство, плавили и обрабатывали железо. У них еще не развились денежные отношения, но процветал обмен. Кое-где уже возникли раннеклассовые государства; в Буганде даже складывалось феодальное общество.

Было 9 часов, горло у меня пересохло, солнце палило. Я дал знак пароходу «Стенли» подходить вместе со мною. При втором сигнале, как было между нами условлено, пароход внезапно дал сильнейший свисток, который, между двойными стенами высокого леса, произвел величайший эффект.

Оба корабля подошли к пристани, занзибарцы и суданцы с проворством обезьян вскарабкались по крутому обрыву, но не успели они еще достигнуть его вершины, как все обитатели деревни скрылись.

Ямбуйя представляет собою не что иное, как несколько деревушек, образовавших целую улицу конических шалашей, построенных над высоким обрывом, откуда открывается далекий вид на реку Арувими, как вниз, так и вверх по течению. Наши отряды разошлись по назначенным им квартирам и поставили часовых у выхода каждой тропинки. Часть людей послана за материалом для деревянного частокола и за дровами для лагерных костров, другая часть отправлена осмотреть местность и освидетельствовать, как велики обработанные пространства.

После полудня двое туземцев из селения ниже Ямбуйи явились к нам с таким доверием, которое ясно говорило в нашу пользу. То были бабуру, к которым относятся все мелкие племена, расположенные между низовьями Арувими и порогами Стенли. Они продали нам бананов, получили за них хорошую цену и приглашение приходить опять.

На другой день мы разослали часть людей в поле накопать маниока, часть нарядили ставить ограду; дровосеков послали за дровами для пароходов. Везде кипела оживленная деятельность.

В лесах наши люди захватили несколько туземцев и, поведя их некоторое время по лагерю, отпустили восвояси, подарив им на прощанье по пригоршне бус и постаравшись уверить в нашем добром расположении.

19 июня. На «Стенли» оказалось достаточно топлива на шесть дней обратного плавания к Экваторвилю, и он отплыл, увозя мои письма к Комитету по оказанию помощи.

У нас остался еще пароход «Мирный», и с часу на час ожидали со Стенлеевых порогов «Генри-Рида», который должен был его конвоировать; по смыслу инструкций, данных майору Бартлоту, ему следовало прийти 19-го числа.

В такой стране, в лесах которой бродят людоеды⁴, а поблизости водопадов Стенли тысячами рыщут охотники за рабами, можно предполагать всякие несчастья в тех случаях, когда подолгу не получаешь известий о событиях, подлежащих скорому и точному исполнению. Майор Бартлот прошел место впадения Арувими в Конго 11-го числа; под его начальством «Генри-Рид» повез Типпу-Тиба и его свиту в такой пункт, из которого гарнизон, под командою англичанина, был недавно насильственно вытеснен.

Правда, арабский вождь вел себя до сих пор прилично и, по-видимому, чистосердечно, обещал тотчас по приезде к Стенлеевым порогам доставить в Ямбуйю 600 человек носильщиков; мне не хотелось думать, чтобы он был причиной опоздания нашего товарища. Однако же майор должен был прийти к порогам 13-го, а к вечеру 14-го числа вступить в воды Арувими, чтобы 16-го прибыть к нам в Ямбуйю, предполагая, конечно, что он не позволил себе иначе распределить свое время и вообще как-либо поступить вопреки моим, данным ему, приказаниям.

Между тем, настало уже 21-е число! Мои офицеры утешали себя мыслью, что случилось какая-нибудь пустячная задержка – в африканском быту их так много! – но я то и дело

⁴ У отдельных племен, как маньема и азандэ, людоедство действительно имело место, но носило только религиозно-ритуальный характер. Жертвой людоедства обычно становился плененный на войне враг. Охотой на людей с целью добыть мяса эти племена не занимались. Подобный ритуал был связан с первобытным представлением о том, что способности и характер человека зависят от пищи, которую он ест. Например, маньемы полагали, что съев сердце, печень и мозг врага, они приобретают его смелость, мужество и ум.

выходил на крутой берег и с зрительной трубой в руках вглядывался в дальние пункты низовья.

22 июня. Беспокойство мое настолько усилилось, что я отдал лейтенанту Стэрсу письменное приказание посадить на «Мирный» 50 человек его лучших людей, взять с собою пулемет Максима и с утра 23-го числа отправиться на поиски за «Генри-Ридом», а в случае если не оправдаются различные предположения, тут же мною изложенные, плыть дальше, до самых Стенлеевых порогов. По достижении этой станции, если он увидит наш корабль у пристани, спросить его сигналами; если же он на них не ответит, попытаться овладеть им, а если и это не удастся, поспешить возвращением ко мне в Ямбуу.

Но в 5 часов вечера занзибарцы подняли радостные крики: «Огэ! Огэ!» Ничего дурного не случилось. Бартлот жив и здоров, Типпу-Тиб не овладел пароходом, суданцы не бунтовали, туземцы не нападали на лагерь врасплох, «Генри-Рид», за который мы были ответственны перед миссией, не напоролся ни на какое подводное бревно, не затонул и находится вообще в таком же исправном состоянии, как и в момент отплытия с озера Стенли.

Но нужно сознаться, что подобные тревоги действуют на человека изнурительно, особенно в Африке.

Майора задерживали самые простые случайности: несогласие с туземцами, пререкания с Типпу-Тибом и его людьми и т. д.

Через два дня пароходы «Мирный» и «Генри-Рид» набрались топлива и были отосланы обратно, и мы на долгие месяцы порвали последнее звено, соединявшее нас с цивилизованным миром.

В тот же день я вручил майору Бартлоту следующее письмо, с которого мистер Джемсон, его помощник, снял копию:

«Майору Бартлоту и пр. пр. 24 июня 1887 г.

Милостивый государь!

Так как вы старший из офицеров нашей экспедиции, то вам по праву принадлежит командование важным постом в Ямбуе. Общая польза требует, чтобы вы приняли на себя этот пост, тем более что отряд ваш состоит из суданских солдат, более пригодных для гарнизонной службы, чем занзибарцы, которые в пути могут быть полезнее.

Пароход «Стенли» отплыл из Ямбуи 22 июня, направляясь к озеру Стенли. Если ничего особенного не случится, он 2 июля будет в Леопольдвиле. В течение двух дней он успеет принять груз пятисот тюков, оставленных на попечение Дж. Роз Труппа, который будет их конвоировать. Полагаю, что 4-го «Стенли» тронется в путь вверх по течению и прибудет в Болобо 9-го числа. Так как топливо будет заготовлено заранее, то 125 человек, которые поручены Уарду и Бонни и находятся теперь в Болобо, сядут на пароход и могут тотчас следовать далее; 19-го пароход зайдет в Бангалу, а 31-го прибудет сюда. За обмелением реки он может несколько задержаться в пути, но я питаю величайшее доверие к искусству его капитана и потому полагаю, что вы, наверное, можете рассчитывать на его прибытие раньше 10 августа⁵.

Отставание людей и грузов и является как раз причиной, заставляющей меня назначить вас командиром поста. Но так как я вскоре ожидаю сильного подкрепления⁶, несравненно более многочисленного, чем та передовая колонна, которая во что бы то ни стало должна

⁵ Он прибыл только 14 августа – напоролся на подводный чурбан и запоздал.

⁶ 600 носильщиков от Типпу-Тиб.

идти вперед на помощь Эмину-паше, я надеюсь, что вы будете задержаны не более нескольких дней после последней отправки парохода «Стенли» к Стенли-пулю.

До прибытия людей и груза вы направите свою деятельность, свою опытность на командование постом. Хотя место стоянки избрано удачно и лагерь защищен достаточно, но неприятелю смелому и отважному не составит особого труда овладеть им, если командуемый отрядом допустит послабление дисциплины или не выкажет должной бдительности и энергии. Поэтому, вверяя вам охрану наших интересов, я питаю убеждение, что не ошибся в своем выборе.

Данное вам поручение имеет для нашей экспедиции существенное значение. Люди, находящиеся под вашим начальством, представляют более третьей доли всего нашего персонала. Товары, которые вам привезут, послужат нам для меновой торговли в междуозерной области; не менее драгоценны для нас боевые снаряды и съестные припасы. Потеря этих людей и этого багажа была бы для нас убийственна: лишая нас средств подать помощь другим, она принудила бы нас и самих взывать о помощи; поэтому надеюсь, что вы не пожалеете трудов на поддержание порядка и дисциплины, на охрану ваших оборонительных средств в таком виде, чтобы неприятель не имел возможности прорваться, как бы он ни был отважен.

Советую вам окопаться рвом в 180 см шириною и 90 см в глубину, который, начинаясь у ложбины близ колодца, огибал бы весь частокол. Лагерь будет укреплен еще надежнее, если к воротам с востока и запада вы приделаете такие же платформы, какая уже есть у южных ворот. Не забывайте, что опасаться осады следует не только со стороны туземцев, но также и арабов с их приверженцами, которые могут воспользоваться всяким случаем, чтобы затеять ссору, а потом и подраться.

Генри Мортон Стенли во время
своего первого путешествия

Отсюда мы выступим прямо на восток и по компасу будем по возможности направляться к юго-востоку. Нет сомнения, что на некоторых переходах будем вынуждены отклоняться от прямого пути. Во всяком случае мы имеем в виду попасть в Кавалли или его окрестности, к югозападному углу озера Альберта. Тотчас по прибытии мы устраиваем укрепленный лагерь и, спустив наш катер на воду, направимся в Киборо, в Униоро, дабы

синьор Казати⁷ – если он еще там – указал нам, где Эмин. Если паша жив и недалеко от озера, мы завяжем сношение с ним; дальнейшие наши действия и движения будут зависеть уже от его намерений. По всей вероятности, мы останемся при нем недели две и затем возвратимся в лагерь тем же путем.

Обдирая кору с деревьев и обрезаая ветки, мы оставим по себе довольно следов пройденного нами пути. При равенстве остальных условий мы пойдем теми дорогами, которые направляются к востоку. На перекрестках мы будем рыть ямы в несколько сантиметров глубиной, поперек тех дорог, которыми не пойдем. Насколько окажется возможным, я буду прибегать к рытым значкам.

Если Типпу-Тиб вышлет сполна всех людей, которых он мне обещал, т. е. 600 носильщиков, и если «Стенли» благополучно доставит тех 125 человек, что остались в Болобо, полагаю, что вы сочтете себя в силах вести колонну со всеми пожитками, которые привезет «Стенли», и с теми, что я оставляю в Ямбуйе. Весьма желательно, чтобы вы двигались неукоснительно по нашим следам. Тогда вы наверное нагоните нас. Не сомневаюсь, что вы будете находить наши бомы⁸ нетронутыми; постарайтесь так направлять вашу колонну, чтобы вам можно было воспользоваться ими по пути. Лучших значков вам нечего желать; и если случится, что в течение двух дней вы не встретите ни одной бомы, это будет означать, что вы сбились с дороги.

Может случиться и то, что Типпу-Тиб пришлет людей не в достаточном количестве для переноски всех имеющихся тяжестей. Тогда придется вам решать, которыми из вещей лучше пожертвовать. Если так, то изучите внимательно следующее расписание:

- 1) прежде всего необходимо сохранить боевые снаряды и в особенности патроны;
- 2) во-вторых – бусы, проволоку, звонкую монету, ткани;
- 3) личные пожитки;
- 4) порох и капсули;
- 5) европейские консервы;
- 6) медные прутья, употребляемые в Конго;
- 7) сухую провизию: рис, бобы, горох, просо, сухари.

Сначала, разрешив вопрос насчет веревок, мешков, инструментов (например, заступов и т. п.), без которых нельзя обойтись, – между прочим наблюдайте, чтобы у вас никогда не было недостатка в топорах и серпах, – подсчитайте, сколько люди в состоянии захватить мешков с провиантом. Быть может, довольно будет половинного количества медных прутьев. Впрочем, чтобы не лишать себя слишком многих вещей, лучше совершать ежедневно половинные переходы и возвращаться каждый раз за остальным грузом.

Когда пароход «Стенли» окончательно будет уходить из Ямбуйи, не забудьте написать рапорт обо всем, что произойдет в лагере в мое отсутствие, и адресуйте его на имя мистера Уильяма Мэкинсона, через фирму Грэй, Даус и К°, 13, Остен-Фрайерс, Лондон. Вы упомяните, когда я выступил к востоку, и к этому прибавите все, что вам случится услышать обо мне, и ваши собственные предположения на мой счет, и что вы сами намерены предпринять. Пошлите ему точную копию с этого приказа, дабы он мог судить, насколько ваши действия и проекты правильны и благоразумны.

⁷ Униоро – государство вахумов на восточном берегу озера Альберта. Возглавлял его в то время вахума-мукама Каба-Реги. Казати – итальянский путешественник, агент Эмин-паши у Каба-Реги. Его задачей было подготовить возможное отступление паши через Униоро. В конце концов Каба-Реги заподозрил Казати в шпионаже и заставил покинуть свою страну.

⁸ Бома, или зериба, – простейшее, наскоро возведенное сооружение для защиты каравана на стоянке. Зерибой называется также загон для скота.

Ваш теперешний гарнизон состоит из 80 ружей и от 40 до 50 сверхштатных носильщиков. Через несколько недель «Стенли» привезет вам еще 50 ружей и 75 носильщиков под командой Роз Труппа, Уарда и Бонни.

Я даю вам в помощники мистера Джемсона. Что касается Роз Труппа, Уарда и Бонни – они вам подчиняются. В обыкновенных вопросах защиты, управления лагерем или передвижениями – вы единственный начальник. Но когда дело коснется разрешения более важных и существенных вопросов, прошу вас советоваться с мистером Джемсоном. По прибытии Роз Труппа и Уарда благоволите и их почтить вашим доверием и предоставьте им свободно выражать свои мнения.

Полагаю, что ясно выразился насчет всего, что считаю полезным. С туземцами поступайте сообразно тому, как они поведут себя относительно вас. Пусть они спокойно возвратятся в свои жилища. Если посредством мягкого обхождения и любезности, с помощью мелких подарков медью и проч. вам удастся войти с ними в дружеские сношения – тем лучше. Не упускайте случаев приобретать сведения касательно местного населения, топографии окрестностей и т. д. и т. д.

Честь имею быть вашим покорным слугою,

Генри М. Стенли, начальник экспедиции».

Майор удалился, чтобы прочесть эту инструкцию, потом попросил мистера Джемсона снять с нее несколько копий.

25 июня. Весь лагерь обнесен частоколом и почти весь ров уже вырыт. На одном конце надзирал за рабочими Бартлот, на другом – Джемсон. Нельсон раздавал европейские припасы с редким беспристрастием. Пэрк, наш веселый доктор, с улыбкой и с такой же тщательностью, как при хирургической операции, мастерила дверь. Вечером я записал о нем в своем дневнике: «Вот, наверное, самый лучший товарищ». Джемсон прилежно снимал копии с депеш, а Стэрс лежал в постели больной желчной лихорадкой.

Один из суданских солдат – «невинный, как ягненок, щиплющий травку перед норой лисицы», – переступил за пределы наших укреплений с намерением пошарить по окрестностям, и ему распорол копьём живот. Вот уже второй смертный случай из-за мародерства, и, конечно, этот случай не последний. Если поставишь суданца на часы, а к нему подойдет товарищ и попросит хорошенько, то часовой пропустит его куда угодно; тот отправляется на все четыре стороны, не подозревая ни малейшей опасности; и если его не положат на месте, то он возвращается с распоротым животом и с печатью бледной смерти на лице. Если занзибарца пошлют рубить деревья либо копать маниок, то он, поработав несколько, бросает инструмент и просит позволения на минуту отлучиться; в эту минуту в его пустой голове мелькнет какая-нибудь фантазия, и он отлучается уже не на шутку; приходится его вычеркнуть из списка.

26 июня. Я составил для офицеров авангарда следующую записку:

«Послезавтра, 28 июня 1887 г., мы намереваемся выступить в поход. Отсюда до цели нашего путешествия насчитывается 885 км по птичьему полету. Проходя ежедневно по 15 км, мы через два месяца достигнем озера Альберта.

В 1871 г., во время поисков Ливингстона, моя экспедиция в 54 дня прошла пространство в 579 км, следовательно, она шла по десяти с половиною километров в день.

В 1874 г. моя экспедиция поперек Африки прошла такое же расстояние – 579 км – от Багамои до Виньята в 64 дня, делая в день по 9 км.

В 1874–1875 гг. та же экспедиция прошла от Багамои до озера Виктории 1 158 км в 103 дня, по 11 км на каждый переход.

В 1876 г. та же экспедиция от озера Уимба до Уджиджи, 579 км, прошла в 59 дней, т. е. по 9,8 км в день.

Следовательно, если отсюда до Кавалли, на протяжении 885 км, идти по 9,6 км в день, мы придем на место 30 сентября.

По всей вероятности, на предстоящем нам пути страна наполовину или более того будет такою же, как и здешняя местность: валежник, леса, изборожденные извилистыми тропинками, посредством которых сообщаются между собою разбросанные части туземных племен, а между ними проходят другие, соединительные, тропы.

Туземцы будут вооружены копьями, ножами, луками, стрелами и щитами.

Так как нам придется проходить быстро, большую часть туземцев мы будем заставлять врасплох. Они не будут иметь возможности сплотиться и выставить против нас значительные силы, не имея на то времени. Мы будем иметь дело с такими противниками, которые будут действовать лишь под влиянием непосредственного гнева. На такие нападения офицеры могут живо давать отпор, наблюдая, чтобы ружья всегда были заряжены, а носильщики чтобы не отходили в стороны. Ни под каким предлогом не допускать снимать оружие, носимое на боку.

Порядок выступления назначается следующий:

На рассвете бьют «зарю».

Первым подает сигнал трубач суданского отряда № 1.

Вторым подает сигнал на рожке горнист отряда № 2 под командой лейтенанта Стэрса.

Третьим трубит трубач отряда № 3, капитана Нельсона.

Четвертым – барабанщик отряда № 4, капитана Джемсона.

Офицеры позавтракают кофе с сухарями пораньше и присмотрят за тем, чтобы люди хорошенько поели перед походом.

В 6 часов утра выступают вперед 50 пионеров, вооруженных карабинами, топорами и серпами, под моим личным предводительством.

За нами следует, в 15 минутах расстояния, главный корпус под начальством дежурного офицера; он будет строго придерживаться тропы, проложенной нами и отмеченной значками на деревьях, зеркалами, царапинами и иными приметам.

Колонна составит из носильщиков и всех вообще людей, как больных, так и здоровых, не назначенных в арьергард. Шествие замыкает дежурный офицер, наблюдающий неуклонно за движением колонны.

Арьергард составит из 30 человек под начальством офицера, особо назначаемого на каждый день. Он защищает колонну от нападений с тыла. Люди арьергарда несут только свои личные пожитки. Они наблюдают, чтобы не было отсталых. Отстающих нужно гнать вперед во чтобы то ни стало, ибо каждый оставленный позади неминуемо погибнет.

Впереди главного корпуса люди, несущие палатки, личные пожитки и штаба, непосредственно следуют за командующим офицером. Этот офицер обязан быть постоянно настороже, дабы подавать сигналы идущим позади; он во всякое время должен быть готов к принятию приказаний с фронта и к передаче их следующим.

Авангард освещает пролагаемую им дорогу посредством зеркал; он рубит мешающие лианы, а по прибытии в лагерь, не теряя времени, приступает к устройству бомы, т. е. ограды из валежника и колючих растений. Сразу по прибытии на место каждый из отрядов помогает устройству этого важного оборонительного средства. Лагерь только тогда считается готовым, когда обнесен древесными стволами и валежником. Люди, не занятые устройством бомы, должны ставить палатки.

Бома должна образовать круг с двумя входами, тщательно замаскированными грядою кустарника в 5 м длины.

Нормальный диаметр лагеря должен равняться 75 м. Палатки и багаж располагаются внутри круга, имеющего в поперечнике 60 м.

Означенные указания относятся к переходам по местам опасным и имеют в виду лишь обычные затруднения, могущие возникнуть при внезапном нападении со стороны туземцев.

Авангард зорко наблюдает за всем, что происходит впереди колонны. Если с фронта видны будут серьезные затруднения, имеющие значения более важные, чем обычные демонстрации враждебных туземцев, особые гонцы предупредят главный корпус об угрожающей опасности.

Каждый раз, как на то представится возможность, мы будем занимать покинутые селения, дабы запастись свежими припасами, но и такие селения предварительно будем укреплять. Офицерам рекомендуется постоянно иметь в виду, что все чернокожие солдаты, суданцы, сомали и занзибарцы, от природы склонны к легкомыслию и беззаботности и потому любят идти вразброд, что столь же неосторожно, как и безрассудно. Я утверждаю, что этим путем теряется по крайней мере столько же народу, как и в открытой войне. Поэтому офицеры отвечают за жизнь своих людей. Тот из офицеров, который посвятит себя строжайшему выполнению правил и станет наблюдать, чтобы и ночью все совершалось согласно предписаниям, окажет мне наиболее важные услуги.

Прибыв на место стоянки, если это окажется брошенная деревня, офицер озаботится прежде всего о квартирах и постарается, чтобы все отряды были размещены в одинаковых условиях; затем он приступит к истреблению всех жилищ, которые окажутся вне занятого лагерем круга. Он употребит деревянные и всякие другие материалы, добытые поблизости, для защиты своего участка против ночных нападений, против копий или огня.

Вначале некоторые указания даст авангард, но и каждый из офицеров не упустит лично удостовериться в положении дел, не ожидая отдельных приказаний касательно мелочей. Он должен считать себя отцом своего отряда и действовать, как прилично разумному вожаку.

Во всех таких стоянках по деревням лейтенант Стэрс озаботится расстановкой часовых на ночь у каждого входного пункта; каждый отряд сам удовлетворяет свои частные потребности.

В первую неделю мы не будем совершать слишком длинных переходов, пусть офицеры и люди постепенно втягиваются в дело; но, пройдя одну четвертую долю пути, расстояния будут ежедневно увеличиваться, и на половине дороги я надеюсь, что мы будем совершать удивительно большие переходы. В свое время и в своем месте будут издаваться дальнейшие инструкции.

Подписал: Генри Стенли, начальник экспедиции. Ямбуйя, 26 июня 1887 г.»

Сомалиец

Завершаю эту главу выпискою из моего дневника.

27 июня. Ямбуя. Наши люди просили дать им обещанный суточный отдых, который пришлось откладывать до тех пор, пока пароходы уйдут, а лагерь окончательно укрепитя. Впрочем, оставалось еще много и других дел, и понадобилось перестроить отряды.

После стоянки в Болобо у нас перебивало много больных, и следовало отобрать наиболее слабых, чтобы все четыре действующих отряда выступили в наилучших условиях. Понадобилось также пронумеровать пионерские инструменты. Из сотни серпов у нас оста-

лось только 26, из сотни топоров – 22, из сотни ломов – 61, из сотни заступов – 67. Все остальное раскрадено, распродано или просто кинуто по дороге. Какая скука присматривать за этим небрежным народом!

Завтра выступаем в числе 389 человек и устремляемся в неизвестное пространство. Один туземец назвал мне несколько племен или родов, но касательно их численности, сил, расположения я в полнейшем неведении. Вчера мы проделали церемонию «обмена крови» с одним из вождей Ямбуи. Так как командиром поста остается майор, то ему и пришлось это сделать; по правде сказать, это чрезвычайно противная операция, но майор выдержал ее молодцом. На кровь, льющуюся от пореза, насыпают щепотку грязной соли, и все это надо слизнуть. Вождь исполнил это как приятнейшую обязанность.

Майор, оглянувшись на нас, заметил насмешливые лица товарищей и поморщился.

– Ради обеспечения мира, майор! – сказал я.

– Хорошо, – молвил Бартлот и преодолел свою брезгливость.

Эти сыны лесов не возбуждают моих симпатий. Они подлы и злы, а лгут еще охотнее, чем обитатели открытой равнины. Я не верю ни единому их слову, не могу положиться ни на какие их уверения; впрочем, все еще надеюсь, что, узнав их поближе, с ними можно сойтись.

Майор сделал хороший подарок вождю и за это получил в дар от своего «нового брата» двухнедельного цыпленка и колпак, сплетенный из мочалы и украшенный перьями. Так часто обещанных десяти цыплят и козы мы еще не видали. А между тем пролилась кровь одного из наших суданцев, и об этом никто не проронил ни слова. Так мало в нас темперамента или так мы равнодушны к потере человека, что, когда у нас убили крепкого, здорового молодца, стоящего десяти туземцев, мы и не помышляем о возмездии; напротив того, ласкаем убийц. Ведь у них и козы, и рыба, цыплята и яйца, и мало ли еще разных вещей, которые нам хотелось бы купить! И еще сколько недель продлится такое положение дел!..

Сегодня в ночь идет дождь, и завтрашний поход будет утомителен. Стэрс так разболелся, что не может двигаться, а все-таки ему хочется сопровождать нас. Небезопасно брать с собою человека в таком положении; правда, если дело кончится смертью, то умирать в джунглях не тяжелее, чем в лагере. Доктор Пэрк очень встревожил меня предположением, что это брюшной тиф. По-моему, это скорее желтуха. Мы понесем его в гамаке, и я надеюсь, что он еще поправится.

От Ямбуи до водопадов Панга

В африканских странах дорогой считается в большинстве случаев тропа, которая от длительного пользования становится гладкой и твердой, как асфальт. Вследствие туземного обычая ходить всегда «гуськом» эта тропа никогда не бывает шире тридцати сантиметров, и если она давно проложена, то похожа на извилистый и глубокий желоб, с накоплением пыли и назема бока все больше приподнимаются, пешеходы накидывают по сторонам ветки и камешки, а в дождливое время года дождевые потоки еще глубже бороздят колею.

Всякая проселочная дорога наших стран, в среднем выводе, бывает на треть короче этих тропинок, которые извиваются подобно ручью на равнине. Как бы то ни было, мы не теряем надежды тотчас по выступлении из лагеря напасть на такую тропу, так как во время моих четырех предыдущих экспедиций в Африке мне удавалось следовать подобными дорожками на протяжении нескольких сот километров. Отчего бы им не быть и здесь? Ямбуи образует скопище маленьких деревушек, а у местных жителей могут быть соседи и с восточной стороны, так же как и с западной и южной.

Мы выступили из ограды. Отряды за отрядами по порядку вытянулись вдоль пути, по одному человеку в ряд. Впереди каждого отряда свой вожатый, свой барабанщик, свой трубач и пятьдесят человек передовых, обязанных действовать сечкой и топором, рубить прутья, срезать кору на древесных стволах для обозначения пути, сшибать тростник, устранять или обрубать ветки, могущие мешать проходу наших сотен нагруженных носильщиков, валить целые деревья и накладывать их поперек ручьев, сооружать насыпи и бомы из ветвей и валежника вокруг каждой импровизированной стоянки, в которой мы ночуем после дневного перехода.

Если не окажется тропинки, авангард сам прокладывает ее, выбирая места, где заросли менее густы, и поспешно врезываясь в них, так как ничего нет утомительнее, как стоять на месте под жгучим солнцем с тяжелой ношей на голове. Если кустарник неудобный, сплошной, непроницаемый, сквозь него прорубают туннель. Проворнее! «Чап а чап!» – как у них говорится, иначе в рядах терпеливых носильщиков раздастся зловещий ропот.

Ловкий и смысленый народ должен у нас идти в дровосеки: в их рядах не сдобровать ленивому или разине; лучше будет, если такой «гой-гой» бросит свою сечку и взвалит себе на плечи ящик или тюк. Да и то ему надо держать ухо востро: три сотни выжидающих тотчас выйдут из терпения, им некогда стоять и нужно притом каждый миг быть настороже, оглядываясь то вправо, то влево, потому что стрелы бывают отравленными, а удары копьем часто смертельны! Они глазами должны рыться в лесной мгле, всеми чувствами прислушиваться.

Но мне нечего бояться ротозеев или «гой-гоев» – я выбрал людей все молодых, сильных; их члены гибки, тело подвижно. Мои триста молодцев питают величайшее презрение к старикам и толстякам; этим последним таки порядочно достается от насмешливых товарищей, языки которых пронзают, как шпаги; и, опасаясь таких насмешек, всякий норовит как можно бодрее взмахнуть наточенной сечкой; острый топор так и сверкает в воздухе, подрезая деревья или стесывая со ствола широкую полосу коры; дровосеки прорубаются через кустарник, косят тростник, и следом за ними поспешает караван, вьющийся на протяжении полутора километров.

– Ну, дорогой майор, расстанемся тут. Не забывайте нашего обещания, и мы скоро увидимся опять!

– Будьте спокойны; здесь не застряну! Только бы мне дожидаться наших людей из Болобо, тогда ничто меня не задержит.

– Отлично! Да сохранит вас Бог! Не падайте духом! Теперь с вами, друг Джемсон!

Капитан Нельсон также подходит и обнимается с ними на прощанье; после этого я иду на свое место впереди колонны, а капитан становится в арьергарде.

Колонна остановилась в конце поселений или, лучше сказать, на рубеже дороги, назначенной на днях Нельсоном,

– Куда теперь пойдем, вожатый? – спрашиваю я у этого сановника, так как идущий впереди каравана у них всегда считается главным начальником. На нем костюм вроде древнегреческого и на голове каска легконогого Ахиллеса.

– Туда, прямо к восходящему солнцу.

– А сколько часов до ближайшего селения?

– Одному Богу известно.

– Ты знаешь эти места? Бывал в других деревнях?

– Нет. Зачем мне бывать?

Вот и все, что известно наиболее сведущему из нас.

Трогаемся в путь. Будем идти какой-нибудь тропинкой вдоль реки, покуда не нападем на настоящую дорогу.

«Бисмиллях!» – восклицают пионеры; нубийские трубачи играют «в поход», и через несколько минут голова колонны исчезает в чаще густой поросли за пределами последней лужайки ямбуйских поселений.

Это было 28 июня 1887 г. Вплоть до 5 декабря, т. е. в продолжение ста шестидесяти дней кряду, мы шли лесами, кустарниками, джунглями и не видели ни одного местечка, поросшего зеленой травой, хотя бы величиною с пол небольшой комнаты. Один километр за другим, в непроходимой чаще бесконечных лесов, с тою лишь переменной декорации, что местами кусты и деревья пониже, местами повыше и толще, смотря по возрасту деревьев, по силе и свойству подлеска и, наконец, смотря по степени отенения от гигантских шатров, превышающих своими размерами остальную растительность.

Большое военное каноэ на реке Конго

Я должен посвятить несколько глав описанию этого длинного похода и сопровождавших его событий, ибо он впервые представил взорам цивилизованного человека громадную страну, совершенно неизвестную с тех пор, как «воды собрались в одно место и образовалась суша». Обещаю читателю быть кратким, хотя до весны настоящего 1890 г. ни один папирус, ни одна рукопись, книга или брошюра не сообщали ни малейшей подробности об этой стране ужасов.

При температуре 30° в тени караван наш подвигался по тропе, едва заметной и часто терявшейся в густой тени кустарника. Мы шли очень медленно, через каждые три или четыре минуты останавливаясь из-за перепутанных лиан; сечки и топоры пятидесяти пионеров непрерывно были в деле, постоянно то рубя, то срезывая. На каждые сто метров порядочной дороги приходилось средним числом сто метров затруднительного пути.

В полдень, миновав Ямбуйские пороги, мы пришли к тому изгибу реки Арувими, который виден был с нашей стоянки; отсюда, за 6 или за 7 км выше нас, виднеется другой порог, кипучие волны которого сверкают на солнце. Ниже их на реке показалась целая флотилия плывущих челноков. Жители Ямбуи, очевидно, всполошили своих соседей. Когда около четырех часов пополудни мы подошли ближе, то увидели, что на островках по эту сторону водопада теснятся женщины и дети племени янкондэ, которых мы видели в первый раз. Вооруженные туземцы почти на сотне лодок, расположенных по реке в определенном порядке, приблизились к нашему берегу и, следя за всеми движениями нашего каравана, по мере того как он мелькал в просеках или скрывался в чащах, стали издеваться над путниками, осыпая их насмешками и вызовами.

Вдруг передовой отряд вышел на широкую просеку или аллею, метров шесть в поперечнике и около 300 м длиной, в конце которой показались сотни три туземцев янкондэ; они что-то показывали жестами, кричали, и у всех в руках было по натянутому луку. Мне никогда еще не случалось в Африке встретить что-либо подобное. Пионеры остановились. Что это значит? Эти язычники прорубили нам прямую и широкую дорогу к своему поселку, а сами, очевидно, приготовились драться! Не зевать!

Хворостом и ветвями, срубленными для расчистки дороги, туземцы завалили с обеих сторон входы в лес так, чтобы принудить нас непременно проходить по этой аллее. Вскоре пятьдесят пар глаз рассмотрели, что эта великолепная дорога густо усажена палочками длиной в 15 см, заостренными с обоих концов и наполовину воткнутыми в землю, но так искусно прикрытыми зеленью, что мы приняли их сначала за обрезки веток, срезанных для расширения пути.

Я велел выстроить поперек дороги 24 человека в два ряда; переднему ряду приказал вырывать палочки, а заднему – прикрывать работающих и стрелять, как только неприятель спустит свой первый заряд стрел. Затем еще 12 пионеров послали мы лесом, по обеим сторонам дороги, и велели им проникнуть в селение. Едва мы подвинулись на двадцать метров по очищенной от палочек дороге, как в деревне показались столбы дыма, а по направлению к нам посыпался дождь стрел, ни в кого, впрочем, не попавших. Наши стрелки ответили. Передовые поспешили повыдергать остальные палочки, мы пошли скорым шагом и вступили в деревню одновременно с фланговыми. Весь караван бросился в атаку, пробежал насквозь через всю деревню, объятую пламенем, и, продолжая отстреливаться, остановился в каком-то предместье, в восточном конце местечка, которое еще не успели поджечь.

У реки схватка была более ожесточенная. Одного залпа из наших ружей было бы достаточно для устрашения неприятеля, потому что дикари вообще очень чувствительны к шуму; к несчастью, на сей раз шум не только напугал их, но имел и роковые последствия, потому что несколько туземцев едва не поплатились жизнью за свои глупые насмешки. Я виню в

этом ямбуйцев: наверное, они наговорили своим соседям какого-нибудь ужасного вздора, если эти несчастные решились задержать военную силу в 400 карабинов.

Было девять часов вечера, когда арьергард вошел, наконец, в лагерь. Дикари прибегли к своей обычной тактике и всю ночь старались тревожить нас на разные лады. То они закидывали к нам отравленные стрелы и копья, которые, вертикально падая, втыкались внутри нашей ограды, то раздавались внезапные крики, вой, рычание, угрозы; по временам с разных сторон трубили в рога, как бы собираясь учинить генеральную атаку.

Человек, не знакомый с хитростями лесных сатиров, мог бы подумать, что восходящее солнце озарит полную нашу погибель. Во время прежних моих путешествий я уже познакомился с некоторыми из их приемов, но эти язычники показали мне новые хитрости. Я окружил лагерь часовыми, приказав им хранить абсолютное молчание и смотреть в оба.

Утром оказалось, что один из наших людей едва не погиб. Его одеяло и циновка с обеих сторон были насквозь пробиты копьями, которые, воткнувшись в землю, не задели его самого, но пригвоздили к постели. Двое других слегка ранены стрелами.

Наутро, поискав минут десять, мы нашли тропинку, которая сначала вывела нас на широкую поляну, заключавшую по меньшей мере двести гектаров обработанной земли, засаженной маниоком, а потом к небольшой деревне Бахунга, расположенной в семи километрах к юго-востоку от Янкондэ; тут мы могли, наконец, отдохнуть. Мне не хотелось изнурять людей, они еще не привыкли к ходьбе, и после такого длинного переезда водою я предпочел исподволь приучить их к переходам, имея в виду, как много и долго еще им предстоит идти.

30 июня. Мы попали на дорожку, соединяющую четырнадцать отдельных селений, расположенных, однакоже, в ряд. Все они окружены плантациями маниока, превосходно обработанными; но, несмотря на это, легко было заметить следы недавнего бедствия. Жилища конической формы, вроде четырехугольной, заостренной вверх колокольни. Обгорелые столбы, разрушенные жилища, а местами пометки на деревьях несомненно доказывали, что тут проходили арабы или маньемы, а может быть, брат Типпу-Тиба.

На следующий день мы прошли через другие деревни в том же роде, соединенные между собою очень хорошо проложенной дорогой. Между ними уцелели участки первобытного леса. Вдоль дороги видны были рытые ямы, употребляемые для ловли крупных зверей, ловушки и западни на разную мелкую дичь, на кроликов, белок, обезьян, крыс. В ближайших окрестностях каждой деревни натканы были колышки, наподобие уже описанных мною, требовавшие величайшей осторожности со стороны всех, кроме европейцев, обутых в длинные сапоги. Да и нам приходилось остерегаться, так как иногда эти колышки, воткнутые вкось, могут проткнуть самую прочную кожу и занозить ногу своими ужасными колючками, что очень опасно и чего следует всемерно избегать.

В тот день нам суждено было познакомиться с еще одним важным неудобством путешествия по лесам. Через каждые 50 м поперек пути валялись старые толстые деревья; так как диаметр такого дерева приходился нам по плечо, нам было чрезвычайно трудно переваливать через него наших ослов, и многие из людей тяготились этой новой церемонией, так что, повторив ее от двадцати до пятидесяти раз, люди, не привычные к лесным походам, начинали роп- тать.

В 3 часа пополудни мы сделали привал у небольших болотистых прудов, покрытых кувшинками; на этот раз мы расположились нарочно подальше от населенных мест, потому что трое из наших людей получили уже раны на ногах от вышеописанных ловушек.

На следующее утро за три часа до рассвета лагерь был разбужен зловещим воем; с разных сторон по лесу раздавались звуки рогов. Мало-помалу эти звуки смолкли и слышались голоса двух человек: они переговаривались между собою так явственно и громко, что

многие – в том числе и я – старались взглянуть в окружавшую нас глубокую тьму и рассмотреть ночного оратора и того, другого, который изображал его отголосок.

Первый говорил: «Чужеземцы, куда вы идете?»

А наперсник подхватывал: «Куда вы идете?»

Первый: «Эта страна не хочет принять вас».

Второй: «Не хочет принять вас».

Первый: «Все будут против вас».

Второй: «Против вас».

Первый: «И все будете убиты».

Второй: «Будете убиты».

Первый: «Ах – ах – ах – ах – а-а!»

Второй: «Ах – ах – а-а!»

Первый: «О-ох – о-ох – о-ох – о-ох – о-о!»

Второй: «О-ох – о-ох – о-о!»

Это было выполнено так смешно и так удачно, что в лагере все разразились неудержимым хохотом, и притом таким дружным, что голоса в лесу сконфузились и замолчали. Все снова погрузилось в ночную тьму.

Вполне убедившись в том, что тропинка, ведущая к прудам, проложена вовсе не людьми, и зная при этом, что назавтра нашим людям нечего есть, я был сильно озабочен и тем и другим, а потому 2 июля с рассветом послал 200 человек пионеров за маниоком в те селения, в которых мы побывали третьего дня. Они исполнили это поручение так, что еще раз убедили меня в своей совершенной умственной несостоятельности, и что из 389 человек, меня сопровождавших, вряд ли половина вернется в Восточную Африку. Теперь они в полной силе молодости, владеют усовершенствованным оружием, экипированы заново, каждому дано по десяти патронов.

Будь они хоть сколько-нибудь осторожны и осмотрительны, все почти могли бы живыми и здоровыми завершить кампанию; но они до такой степени ненадежны, безрассудны и легкомысленны, что не обращают ни малейшего внимания на приказы и распоряжения начальства, если за этим не присматривать постоянно, а для такого присмотра мне понадобилась бы сотня английских офицеров, не менее умных и преданных, чем мои четыре товарища. Эти дикари самым бессмысленным образом разбредаются по сторонам, рискуют жизнью из-за сущих пустяков, и пока какое-нибудь исключительное бедствие не проучит их, никакими доводами не убедишь их в том, что они поступают как безумные.

В одно время с фуражирами вернулся в лагерь отряд пионеров, посланных мною по тропинке с целью узнать ее общее направление; они пришли, захватив в лесу шестерых туземцев, расставлявших силки для дичи. Туземцы принадлежали к племени бабали; кожа их была светло-шоколадного цвета.

Мы попытались выведать от них, куда, собственно, ведет тропинка; но они говорили: «У нас только одно сердце, пусть и у вас не будет по два», что означало: не любезничайте с нами, коли вы намерены причинить нам недоброе. Как и все туземцы, они настоятельно уверяли нас, что не едят человеческого мяса, не то что племена бабанда, бабали, бабуква, занимающие берега Арувими выше Янкондэ и слывущие людоедами.

Вскоре после того доктор Пэрк, наблюдая летавших вокруг него пчел, рассказывал другому офицеру, что они здесь вполне безобидны; в эту самую минуту одна из них села к нему на шею и жестоко его ужалила в наказание за клевету. Он шутя стал рассказывать мне этот случай, но тут другая пчела ужалила его чуть ли не в то же самое место, так что он вскрикнул от боли.

– Клянусь Юпитером, кусаются, да еще как!

– Вот видите ли, – отвечал я, – и выходит, что век живи – век учишься!

Раздав маниок и приказав отварить клубни непременно в трех водах, я назначил ровно в час дня снова выступить в поход. В четыре часа мы расположились на ночлег.

На другой день мы покинули тропинку и с помощью компаса пошли через кустарник под тенью исполинского леса. Я шел в колонне в третьем ряду, вслед за проводником, и таким образом имел возможность руководить людьми. Дабы идти по возможности ровнее, хотя бы и медленно, я приказал своим саперам, чтобы каждый из них на ходу быстрым взмахом отрубал ту лиану или тот куст, который мешал ему пройти, и тотчас шел бы дальше; двое старших обязаны были делать пометки на деревьях как можно явственнее; для этого они почти через каждые 10 м срезали кору на древесных стволах, притом всегда на одинаковой высоте; а так как, по всей вероятности, арьергард пойдет по нашим следам только через два месяца, я велел делать пометки по крайней мере в ладонь шириною.

Мы чуть не в такт погребального марша вступали впервые в неизведанные дебри этих дремучих лесов. По иным местам мы подвигались не более 400 м в час; в других, более или менее открытых, могли проходить до 1 500 м. С 6 часов 30 минут утра до 4 часов пополудни, т. е. за шесть или семь часов ходьбы (так как нужно же было употребить хоть один час на полдник и отдых), мы сделали только 9 км; между тем, в других местностях Африки, по обыкновенным торным тропам можно в этот срок пройти от 20 до 30 км. Поэтому для нас было очень важно по возможности придерживаться селений не только для того, чтобы запастись съестным, но также и затем, чтобы воспользоваться местными тропами. Впоследствии увидим, насколько это удалось.

В 4 часа пополудни мы все еще шли, встречая на пути в течение дня болота и речные притоки, бухты и тинистые отмели, топи и трясины, лужи, подернутые зеленою плесенью, глубиной по колена и такие вонючие, что нас тошнило, узкие запруды, заросшие водорослями и длинные, как каналы.

Только что мы миновали эти вредоносные места, как в лесу внезапно так стемнело, что я с трудом мог различать буквы на своем компасе. Ветер, сначала издали шуршавший в вершинах, перешел в глухой рев и, быстро приближаясь, разразился, наконец, громовыми раскатами бури, которая гнула, вертела и ломала сучья и потрясала гигантские стволы. Не желая останавливаться в болоте, мы спешили дальше, невзирая на возрастающую темноту; но когда хлынул дождь, поневоле пришлось остановиться, наскоро расставить палатки на колючем валежнике и поспешить, с помощью топоров и сечек, расчистить почву для ночлега.

Холодный дождь падал тяжелыми каплями, и каждая капля расходилась по легкой бумажной одежде наших людей широким пятном величиною в пятифранковую монету. Они дрожали от холода, зубы их стучали. Гром гремел, молния пламенными зигзагами врезывалась в темноту.

Дождливая ночь в джунглях

Было уже с лишним 9 часов вечера, когда весь караван собрался на место ночлега, но развести огни невозможно было из-за дождя; мы жались друг к другу, сидя на корточках, озябшие, промокшие, брызги проливного дождя обдавали нас, и мы дышали ядовитыми испарениями, подымавшимися из почвы. Наконец в 3 часа ночи можно было зажечь несколько десятков костров, люди ожили от тепла и с радостью расположились вокруг пылающих пирамид, чтобы напечь горьких корней маниока и положить конец своему продолжительному посту.

4 июля. Мы направились к северо-востоку; через час ходьбы услышали вдалеке хор поющих туземцев. Передовые побежали разузнать, в чем дело; вскоре раздались ружейные выстрелы, и шум как будто приблизился. Я поспешно собрал людей первого отряда: они сложили в кучу свои вьюки и построились в качестве стрелков. Прибежали гонцы от наших разведчиков и рассказали, что, придя на берег реки, они увидели подплывающую большую пирогу, а в ней толпу стоящих дикарей с натянутыми луками; дикари обдали их градом стрел, а наши отвечали залпом из ружей.

Мы снова пустились в путь; к 8 часам достигли берегов Арувими, в ту самую минуту, когда длинная цепь челноков обогнула мыс противоположного берега и скрылась за ним. Они второпях позабыли захватить одну маленькую пирогу, привязанную у берега, а в ней живую козу.

Река была спокойна, порогов не видать; желая хоть немного поберечь силы моих людей, я велел принести составные части нашего стального вельбота, и мистер Джефсон со своим отрядом, специально заведовавший им, тотчас приступили к работе. Через час «Аванс» был свинчен и спущен на воду. Кроме всего экипажа, он принял 10 человек больных и 50 вьюков. Разобранный по частям, он занимает 44 носильщика. Следовательно, таким образом у нас освободилось 94 человека на подмогу остальным, да еще четверо тех, кото-

рые должны были постоянно нести лейтенанта Стэрса, все еще очень больного. Джефсон со своими матросами переплыли реку, взяли козу и привезли ее к нам.

«Аванс» поплыл вверх по течению Арувими, а колонна должна была придерживаться берегов как для прикрытия вельбота, так и для сокращения работы. Отсутствие правильной и разнообразной пищи, малая питательность той, которая доставалась нам с таким трудом, крайняя необходимость подвигаться быстро, невзирая ни на какие препятствия, – все это неминуемо должно было подрывать силы даже наиболее крепких людей. Нужно было всемерно стараться избавлять их от излишнего труда и по возможности облегчать его.

5 июля. Двигаясь рядом с вельботом, мы прошли 10½ км. Ширина реки в этой части от 500 до 600 м; побережье несколько более открыто, но иногда приходилось пробираться сквозь непроходимые чащи джунглей и прорубать туннели через лианы, перепутанные ветви, бамбуки и тростники.

В 2 часа 30 минут мы пришли к деревне Буканда. Никакой тропинки в нее не было: просто из лесу мы попали в молодую рощу, в которой туземцы сделали просеку. Хижины построены посередине поля, близ реки, из чего я заключил, что, не имея дорог и не ведая еще воздушных шаров, здешние обитатели сообщаются друг с другом только водою.

Не удивительно, что мы так обрадовались этому селению: с самого 2-го числа караван питался исключительно маниоком, нарытым на соседних плантациях. Еще несколько дней такого воздержания, и нам пришлось бы совсем плохо.

Вельбот пришел только к вечеру. Он был задержан, во-первых, порогами, а во-вторых, встречей одиннадцати челноков; само собою разумеется, что хозяева их не остались победителями и бежали, оставив на месте несколько пирога, которые Джефсон озабочился привести к соседнему острову. Он говорил, что одна из этих пирога, выдолбленная из громадного дерева, вместимостью не уступит нашему вельботу, что нам надо подражать туземцам и воспользоваться речным путем для перевозки возможно большого числа людей, вещей и съестных припасов, ибо что же как не трудность перетаскивания провизии подвергла нас вчера настоящей голодовке.

В этой чужой стране мы всем чужие и лишь ощупью пробираемся в этих дебрях. Поэтому Джефсон отправился с двойным числом матросов, из которых половина должна привести пирогу.

Нечего и говорить, что задолго до нашего прибытия жители покинули Буканду; их окончательные хижины были к нашим услугам, равно как и поля маниока. Это не было похоже на то, что я испытал во времена прежних странствий по Африке: обыкновенно женщины скрывались под прикрытием нескольких мужчин, а воины оставались по местам, вооруженные копьями и щитами, которые служат эмблемою собственности. Здесь же и куры обратились в бегство. Очевидно, изучать этнологию в этом краю будет затруднительно.

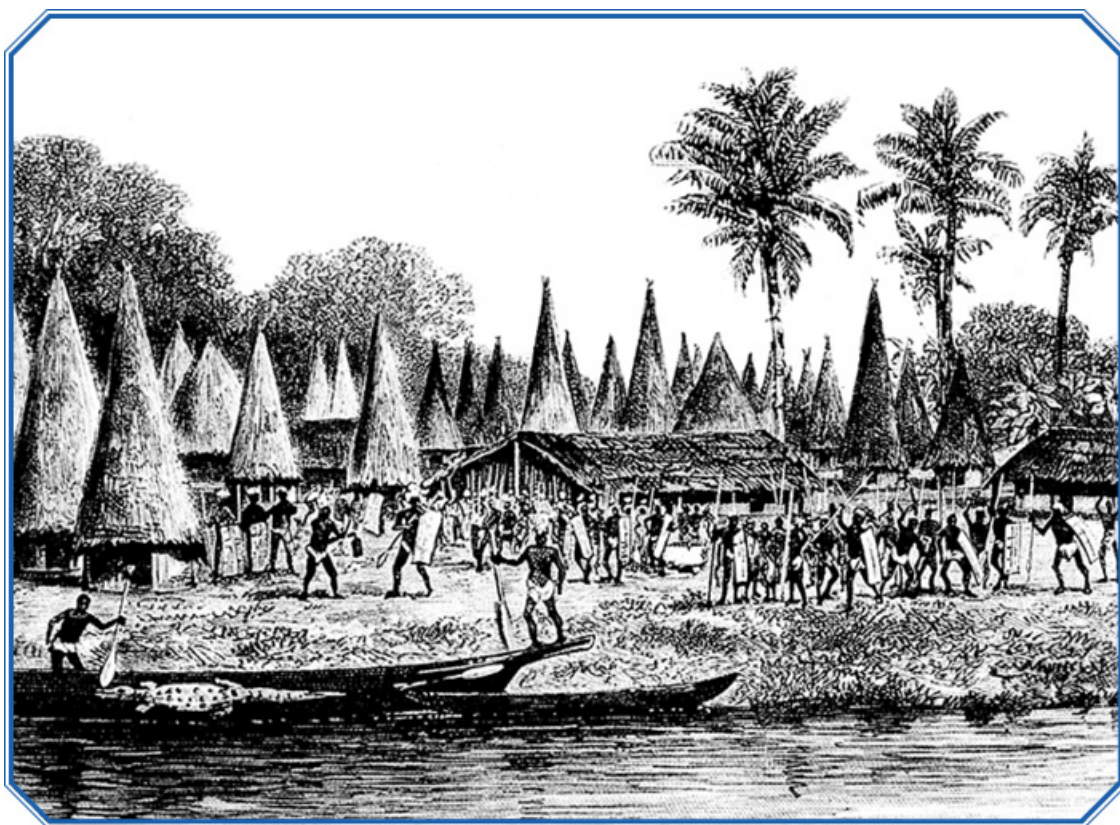
6 июля. В полдень караван, обильно снабженный съестными припасами, выступил из Буканды, а через два часа мы снова приступили к устройству лагеря. Первая половина дня была посвящена чистке и починке ружей, так как у многих уже сломались курки.

Мы понемногу освоились с дремучим лесом. Знаем, что в туманные, сырые утра люди зябнут и потому бывают унылы; нужна нравственная бодрость, чтобы заставить их сняться с лагеря, преодолевать холод, сырость, идти в тумане по вязкой почве, погружаться по пояс то в тину, то в воду и пересиливать тоскливое чувство, возбуждаемое сумрачной мглой, отсутствием света, тепла и почти постоянным отсутствием солнца. Небо заволочено густыми облаками, река тускло-серая, печальная. Температура понижается до +22°, даже до +20°C, а если судить по общему впечатлению, можно думать, что она еще на 10° ниже.

Нечистот в этих деревушках бывает очень много, и они сваливаются по берегу реки. В этих гудах скопляются и навоз, и разный сор, сметаемый с улиц и из жилищ, кожура маниока, иногда кожа спелых бананов и целые кучи устричных раковин. Не будь у меня дру-

гих, более важных, предметов для описания, я бы охотно написал главу об этих компостах, а также о нравах и обычаях туземцев. Подобно Суэну, который по нескольким костям мог нарисовать целого мамонта, жителя давно прошедших веков, я взялся бы рассказать историю данного племени, изучив его кухонные остатки. Вонючие кучи привлекали представителей многих семейств насекомых. Отрады муравьев сновали взад и вперед в стройном стратегическом порядке, которому могли бы позавидовать местные дикари; мухи жужжали мириадами; бесчисленные бабочки, при виде которых Джемсон пришел бы в умиление, гонялись одна за другой, восхищая взор своими чудными оттенками; над ними целыми тучами вились мотыльки.

7 июля. Колонна вступила в селение Бакути после семичасового медленного перехода и ценою непрерывной работы пионеров. Я сел на вельбот; с обеих сторон берега возвышаются над водою на 2 м и выше; повсюду заметны следы прежних поселков, которые легко распознать, несмотря на пышную лесную растительность, заменившую деревни и нивы. Очевидно, что лет двадцать назад война или какие-нибудь повальные болезни истребили жителей. До сих пор мы встретили только одного крокодила и одного гиппопотама, из чего я сделал заключение, что в этой области нет пастбищ.

Селение на Арувими

Наши гребцы с такою легкостью идут вверх по течению Арувими, что, слушая с реки, как наши дровосеки выбиваются из сил, медленно протаскивая наш караван сухим путем, я еще пуще сожалею о моих 15 вельботах! Скольких трудов, скольких мучений избегли бы мы с их помощью!

9 июля. После семи часов такого же изнурительного пути пришли к поселениям племени бакока. Люди имеют вид измученный и постаревший. У многих ноги поранены этими отвратительными колышками, и от заноз начинают образовываться гнойные нарывы, крайне

мучительные; другие жалуются на странную ломоту в членах. Стэрс поправляется медленно.

Мы проходили через множество заброшенных полей. Экспедиция могла бы целые недели питаться маниоком, на который никакие хозяева не заявили бы претензий. Такие переселения вызваны, очевидно, междоусобными войнами. Деревни бакоков окружены заборами с очень низкими проходами.

На другой день прошли мимо четырех деревень, сильно укрепленных частоколом, а 10-го караван подошел к порогам Гуэнгуэрэ. Семь обширных селений тянутся вдоль уступов, захватывая некоторое пространство берега по эту и по ту сторону водопадов. Все население бежало внутрь страны, на противоположный берег, или попряталось по островам, унеся с собою свои богатства, за исключением самой обыкновенной посуды, табуретов, скамеек, стульев со спинками и некоторых других предметов второстепенной важности. Ограды и хижины в исправном виде. Одно из этих поселений состоит из 210 остроконечных хижин и двух квадратных сараев, где происходят общественные сборища и помещаются кузницы. Поселок выстроен на высоком мысу, на двадцать метров возвышающемся над уровнем реки. Отсюда чудный вид на широкую реку, темное серебро которой выступает особенно рельефно между ярко-зелеными стенами высоких, лесистых берегов.

Лейтенант Стэрс почти выздоровел от своей желтухи; остальные товарищи совершенно здоровы, несмотря на то, что мы питаемся листьями маниока и некоторых овощей, более или менее дикорастущих, мелко изрубленных и превращенных в хлебцы или печенье. Но сегодня доктор угостил нас блюдом из мелких птичек, которые тысячами гнездятся по громадным деревьям вдоль селения.

11 июля. 10-го прошли всего полтора километра, чтобы дать время матросам протащить обе лодки через пороги до верхнего водопада и предоставить некоторый отдых колонне. На другой день мы сделали 11 км и прошли благополучно несколько порогов; река повернула на восток, что было для меня особенно выгодно. Удаляясь от Гуэнгуэрэ, мы видели, как туземцы спешили по домам, снова занимая свои деревни. Такой способ действия был для меня во всех отношениях приятен: мы не потеряли времени на переговоры и бесполезные пререкания, туземцев мы побеспокоили всего на одни сутки. И если бы все караваны, идущие этими местами, вели себя так же миролюбиво, как мой, очень вероятно, что туземцы, подстрекаемые между прочим и естественным любопытством, не бегали бы от чужеземцев, а спешили бы с ними познакомиться.

Наши люди нашли чем поживиться и с собою захватили порядочно. Обработанных земель здесь довольно много. Особенно хороши здесь рассаженные вдоль всех заборов бананы; близ деревень повсюду садики, наполненные огородными культурами. Наши люди наташили в лагерь курительного табаку, десертных тыкв и немного кукурузы. Но говядина, увы, продолжала блистать своим отсутствием.

Водяных птиц мало, только нырки, орлы-рыболовы да зимородки. Издали до нас доносился писк пары ибисов. Стаи попугаев свистели и кричали на все лады, точно желали пробудить дремучий лес от тяготеющего над ним безмолвия; в этом помогали им козодои, цапли и мелкие ткачики. Насекомых, мух и мотыльков было бесчисленное множество.

12 июля. Пустились в путь в 6 часов 30 минут утра; караван вышел по обыкновению раньше, чем вельбот и конвоирующая его пирога; но как ни тихо мы шли водой (не более 3 км в час), мы все-таки вскоре перегнали его.

В 10 часов утра мы встретили молодого туземца, спускавшегося вниз по реке на каком-то обломке пироги. Он с большой легкостью перепрыгнул к нам на вельбот и начал болтать очень мило. Он сказал, что ему пятнадцать лет, а зовут его Бакуля.

Через час мы вступили в нижнюю оконечность длинного изгиба реки; по обоим берегам ее рассыпано множество деревень. Юный проводник, свалившийся точно с неба, мимо-

ходом называл нам их поочередно: Банданги, где мы остановились для полдника и отплыли дальше в 2 часа пополудни, Ндумба, затем длинный ряд деревень, населенных племенем баналийцев. Все хижины были пусты. В течение одного часа гребцы довели нас до другого конца речного изгиба.

Мы вышли на берег в числе 40 человек, но все-таки чувствовали себя ничтожной горстью людей в этом просторном и безмолвном городке. Я насчитал тут до 13 селений, из которых в одном оказалось 180 хижин. Если положить на все протяжении речного изгиба 1 300 хижин и в каждом жилище предположить только по 4 обитателя, то наберется 5 200 человек населения.

Авангард наших пешеходов пришел в 5 часов 30 минут, и вслед за тем разразилась сильнейшая гроза с молнией и страшными раскатами грома – как и следует ожидать в этой атмосфере, до того насыщенной парами, что даже солнца почти не видать из-за вечного сероватого тумана. И в небесах, и повсюду кругом, на леса, на деревни, на реку стремглав летели пламенные стрелы молнии, бороздившей густые, тяжелые, медлительные тучи, которые так давно скоплялись над нашими головами и вот, наконец, разразились дождем. Однако этой бешеной энергии сосредоточенного электричества было недостаточно для того, чтобы очистить атмосферу и дать людям полюбоваться синевой небес и наслаждаться благодетельными лучами солнца. Мы четыре часа кряду были свидетелями этой ужасной суматохи, но мы сами были в безопасности в жилищах баналийцев и о судьбах каравана не беспокоились; наши люди занимали Банданги на другом конце изгиба и каждую минуту стреляли, чтобы дать нам знать, что все благополучно; мы же, более бережливые на средства, отвечали им только звуками рогов.

Такое многочисленное народонаселение, конечно, не может обойтись без обработанных полей; и точно, мы нашли маниок, бананы, кукурузу, сахарный тростник и огороды. Я велел стоять тут лагерем до 15-го, тем более что грозовым ливнем слишком вымочило почву.

В 9 часов вечера я услышал голос Нельсона, который заказывал котлетку и кофе! Я заключил из этого, что арьергард присоединился к нам. Котлетами на сей раз послужили нам лепешки из кассавы, пара печеных бананов, блюдо вареных овощей да чай или кофе. Невозможно было достать ни козы, ни курицы, никакой дичи, четвероногой или пернатой. Мы видели до сих пор двух крокодилов, одного гиппопотама, но ни слона, ни буйвола или антилопы, ни даже кабанов, хотя помет их встречается очень часто.

Иначе и быть не могло при том шуме и гаме, которые производил караван: пионеры кричали, перекликались, топоры стучали, листва шелестела, сучья хрустели, падающие деревья ломались с треском и грохотом, а люди на ходу голосили на все лады, – разговоры, хохот, споры, жалобы и восклицания не прекращались ни на минуту. В густом подлеске шагу нельзя было ступить без борьбы с лианами и всякой растительной путаницей, которую подрезывали ножами, рубили топорами и сечками, так что если бы даже люди шли молча, одного шума, производимого истребительными инструментами, было бы достаточно, чтобы напугать и разогнать зверей. Впрочем, лесная чаща была так густа, что если бы они и были в нескольких шагах от нас, мы не могли бы разглядеть их в непроницаемой массе зелени.

Я воспользовался досугом, чтобы посетить острова поблизости от Банданги. На одном из островов оказались громадные кучи устричных раковин, из них одна имеет 18 м длины, 3 м ширины и 1 м высоты. Можно себе представить, какие здесь пикники задавали себе древние туземцы и сколько же времени прошло с тех пор, как тут вскрыли первую устрицу! На обратном пути я заметил в другом месте слой таких же раковин, уже на целый метр затянутый наносной землей.

Юный Бакуля поведал мне много интересного. Внутри материка к северу живут бабуру, резко отличающиеся от других племен. Вверх по реке, на расстоянии 30 дней ходьбы, обитают карлики высотой в 60 см и с длинными бородами. Бакуля побывал однажды у поро-

гов Панга, где река образует водопады высотой с самые высокие деревья. Племена левого берега называют реку Арувими «Люи», между тем как у бабуру правого берега река известна под именем «Люали», и т. д. и т. д. Бакуля оказался необыкновенно хитрым мальчиком: он чистокровный людоед и с величайшим наслаждением поел бы человеческого мяса. Но он превосходно играл роль и по врожденному гаерству сумел вести себя вполне прилично в новой среде, куда попал совершенно случайно; если бы все туземцы придерживались политики этого мальчика, наше путешествие в этой стране могло бы быть очень легким и приятным. Я полагаю, что они все так же искусны и хитры, как Бакуля, но таких отважных мало.

Из деревни вождя Бамби, племени баналийцев, мы тронулись в путь водой и сухим путем 15-го числа и направились к селениям бунгангетов. Утро туманно и пасмурно, тяжелые облака нависли низко. Я смотрел на темную реку, бесшумно катившую свои воды между двух зеленых стен, служивших ей высокими и неприступными оградами, и думал, что эта местность благоговейно ожидает трубного гласа цивилизации, которая и ее призовет в свою очередь послужить общему делу человечества.

Я сравнивал выжидательный характер этого момента с той глубокой тишиной, которая предшествует рассвету, когда вся природа спит, когда теряешь сознание времени, когда бурные страсти кажутся потухшими, а безмолвие так полно, что кажется, будто слышишь биение собственного сердца, и мысли самые сокровенные как будто слишком громко звучат в душе. Когда на востоке начинает сереть и белеть, заря занимается и в воздухе чувствуется дыхание невидимой жизни – все тогда проникается светом, все пробуждается, дышит, поет и вся природа выходит из своего оцепенения. Но здесь еще ничто не шевелится: дремучий лес остается недвижим и река все так же беззвучно протекает мимо. Подобно спящей красавице, африканская природа спит с незапамятных времен, но не стареет, она стара, невероятно стара, а все-таки она спящая красавица-дева.

Путешествие по реке в Экваториальной Африке

Трудно себе представить, какие громадные пространства плодородной земли могла бы эта страна предоставить обработке. Правда, по берегам реки население довольно густое, но земля далеко не везде обработана. Лес немного расчищен в ближайших окрестностях поселков, насажено несколько гектаров маниока; иногда в лесу сделана просека в виде кратера, более или менее обширного, среди которого ютятся дрянные хижины, обитаемые дикарями, – и только.

Плывя на вельботе, я только и мог развлекаться нанесением на бумагу верхнего течения Арувими, направление которого до тех пор не было известно, а наводить об этом справки не было никакой возможности, так как туземцы при нашем приближении спасались бегством напоподобие крыс, залезающих в норы.

До каких пор позволительно было отклоняться от намеченного пути? Следуя течению реки, удобно было перевозить больных и слабосильных и облегчать труд здоровых; можно было водой перевозить наши пожитки и съестные припасы, изобилующие по берегам; но вознаградят ли нас все эти выгоды за громадный крюк, обусловленный длинным изгибом реки? Делая многочисленные зигзаги, она отклоняется от 70 до 90 км к северу от нашей настоящей дороги. Это много; но, принимая во внимание количество заболевших людей и всеобщее изнурение, я подумал, что если бы даже река зашла до 2° северной широты, все же несравненно лучше идти ее извилами, чем опять углубляться в лес.

Температура воздуха в туманные утра была около +24°C, а над поверхностью воды +25. Какое счастье дышать чистым воздухом реки после душной и спертой атмосферы наших лагерных стоянок по лесам!

16 июля. Наша флотилия, состоящая из «Аванса», большой пироги и четырех челноков, подобранных в разных местах по пути, приняла 74 человека и 120 вьюков. Теперь половина наших носильщиков избавлена от тяжестей, так как они освободились от таскания составных частей стального вельбота и служат носильщиками только через день, а в остальное время идут с пустыми руками. Мы прошли мимо устья одного большого притока и, пройдя еще два километра, остановились на ночлег.

Температура повысилась до +34,5°, вследствие чего вскоре пошел проливной дождь, по обыкновению предшествуемый громом и молнией. Хотелось бы мне знать, сколько сантиметров воды упало на землю в эти девятнадцать часов непрерывного ливня. Немногие из нас могли уснуть. Наконец 17-го, в час пополудни, наши люди принялись выжимать одеяла и одежду для просушки, и веселое оживление снова вернулось к нам. Туземцы, зная, что мы от них так близко, видно, натерпелись страху; если бы они знали, какими мы обладаем сокровищами, как выгодно они могли бы сбыть своих коз и кур.

В 3 часа пополудни пешая колонна расположилась лагерем против поселения на низовьях Марири. Не довольствуясь своими огромными деревянными барабанами, распространявшими тревогу на 15 км, туземцы подняли такой крик, что мы расслышали их еще за два километра до стоянки. Отсутствие всяких других звуков придавало их голосам особую силу.

Сомали, исправные и полезные слуги в таких краях, как Массай или выжженный солнцем Судан, никуда не годятся в сырых местностях. Пять человек отказались оставаться гарнизоном в Ямбуе и настоятельно хотели идти со мной. С тех пор, как мы начали двигаться водой, я приказал им поступить в гребцы, если они сумеют владеть баграми и веслами; но в самом скором времени они начали быстро уставать и под конец плыли уже в качестве простых пассажиров. Высадившись на сушу, после двухчасового плавания вверх по течению, они до того устают, что не способны даже устроить себе шалаш для защиты от сырости и дождя. А так как они отъявленные воры, то занзибарцы не подпускают их к своим хижинам. Всякий день приходится заботиться о том, чтобы им выдали порцию съестного, сами они так ленивы, что лучше будут голодать, чем потрудятся протянуть руки за бананами, которые растут над их головами.

Каное аборигенов на реке Конго

18 июля. Мы остановились на 16 км выше устья верхнего Марири; суда прошли все расстояние в 4 часа 15 минут, а сухопутная колонна не пришла даже вечером.

19 июля. Наши матросы в течение 2 часов 30 минут прорубали дорогу до верхнего уступа порогов верхнего Марири.

На возвращение в лагерь им понадобилось всего 45 минут. Расчищая дорогу, мы шли вдоль берега приблизительно тем же шагом, каким идет обыкновенно наш караван, из чего я заключил, что по лесу можно бы подвигаться почти по 10 км в день. Возвратясь к месту привала, я велел колонне построиться сызнова и провел ее до конца проложенной нами тропы. Вельбот и челноки благополучно проведены наверх порогов; разведчики добыли съестных припасов в деревне на три километра выше лагеря, а на другой день авангард ее занял.

Два часа спустя несколько туземцев Марири подплыли в челноке и предложили нам купить провизии. Бакуля служил переводчиком. Мы купили двух кур, а к вечеру они привезли еще трех; то была первая наша торговая сделка на Арувими, кончившаяся удачно. Марири, довольно важный пункт, богатый бананами, расположен напротив той деревни, где мы остановились. Двое из наших людей, Чарли № 1 и Муссабен Джума, не вернулись на ночевку. С самого выступления из Ямбуи мы еще ни одного человека не теряли.

Никаких особенных событий не произошло, но с этого дня начался для нас ряд неудач. Полагая, что эти двое пропавших попали в руки к туземцам, утром, на переключке, я обратился к людям с увещаниями и сказал им целую проповедь на этот счет. Через тринадцать месяцев мы узнали, что Чарли № 1 и Муссабен Джума просто бежали и им удалось добраться до Ямбуи; там они сплели целую историю о претерпеваемых нами войнах и несчастьях, а офицеры передали эти слухи письменно Комитету, и наши друзья в Европе переполошились. Если бы я знал, что двум гонцам удастся такой контрмарш, я, конечно, поспешил бы доставить майору Бартлоту самые точные сведения, а также послал бы ему карту того маршрута, которым, как мы полагали, он должен был воспользоваться через месяц.

За порогами Марири первый переход привел нас к обширному поселению южного Мупэ – нескольким деревням, расположенным среди живописных плантаций. Имена местных вождей – Мбаду, Алимба и Мангруды.

22 июля. Дежурный офицер доктор Пэрк имел несчастье отклониться от реки и направиться по лесу не в ту сторону. Напав на тропинку, он пошел по ней, и тут встретил женщину с девочкой, у которой были большие глаза и темная кожа. Женщина указала ему дорогу к реке, и ее отпустили. Очевидно, под ее влиянием жители северного Мупэ, на правом берегу, согласились вступить в сношения с нами и продали нам два яйца и дюжину кур.

В этом месте речное русло состоит из сплошного твердого камня кирпичного цвета; порогов много, но они довольно мелки и не очень затрудняли передвижение. Берега иногда возвышаются над водой на 12 м и выше, и на обнаженных обрывах резко были выражены горизонтальные пласты, местами похожие на обвалившиеся плиты.

У здешних прибрежных жителей, по-видимому, существует обычай в знак миролюбия лить на голову гостя воду пригоршнями. Подходя к лагерю, они издали начинали кричать: «О, мономпотэ (сын океана)! Мы голодаем, и нет у нас ничего съестного, но вы найдете много припасов, если пойдете дальше, вверх по реке». На это мы отвечали: «Мы тоже голодаем и не можем идти дальше, пока вы не накормите нас». После этого они кидали нам початки отличной кукурузы, бананов и сахарного тростника. Эта церемония послужила прологом к дальнейшим сношениям, во время которых эти невинные дикари оказались такими же ворами и мошенниками, как и самые плутоватые вьянзи на Конго. Туземцы Мупэ принадлежат к племени бабэ.

Мы очень легко выменивали сахарный тростник, кукурузу и табак на старые коробки от сардинок, патронов, сгущенного молока и варенья. За курицу мы давали бумажный платок. Они показывали нам коз, но продавать их отказывались; козы составляют здесь, кажется, исключительно собственность вождей племени. По части тканей им только и понравились бумажные материи ярко-красного цвета. Мы видели в их руках медные монеты, а на дне одного челнока заметили обломок шпаги длиной 22 см такого образца, какие носят пехотные офицеры. Интересно бы узнать историю этой шпаги и проследить, через сколько рук она прошла, с тех пор как вышла из оружейного завода в Бирмингеме. Нет сомнения, что так или иначе соседи здешних дикарей имели сношения с суданцами. Но наше незнание местного языка и крайняя пугливость наших новых приятелей ограничились нашими разговорами несколькими знаками приветственного и торгового характера.

Нравы и одежда здешних жителей мало отличаются от таковых племен, населяющих область верхнего Конго. Головной убор состоит из сплетенных прутьев, украшенных перьями красного попугая, или представляет шапочку из обезьяньей шкурки серого или черного цвета с висящим позади хвостом. Украшения на шее, на руках и вокруг щиколотки большей частью из гладкого железа, реже медные, из латуни совсем не встречаются. «Сэн-ненэ» выражает у них дружелюбное приветствие, так же как в Маньема⁹, Урегга и Уссонгора, за Стенлеевыми порогами. Очень изящны их весла, имеющие форму продолговатого листка и тонко отделанные.

Цвет кожи бабэ скорее желтый, нежели черный. Когда видишь толпу бабэ на противоположном берегу, то их трудно отличить от красноватой почвы, что зависит, впрочем, и от кампешового порошка, который они мешают с маслом и употребляют для украшения своего тела; но отчасти этот светлый оттенок определяется и тем, что они живут в тени. Бакуля никогда не натирался этим порошком, а кожа у него гораздо светлее, чем у большинства наших занзибарцев.

24-го авангард, под предводительством Джефсона, сделал великолепный переход в 14 км, на протяжении которых они прошли через 17 потоков и заливов.

⁹ Маньема – многочисленное племя банту, населявшее среднее течение Луалабы, – первым попало под удар арабов-работорговцев. Значительную часть маньемов истребили, а мальчиков этого племени арабы оставляли при себе, воспитывая из них... охотников за рабами и слоновой костью.

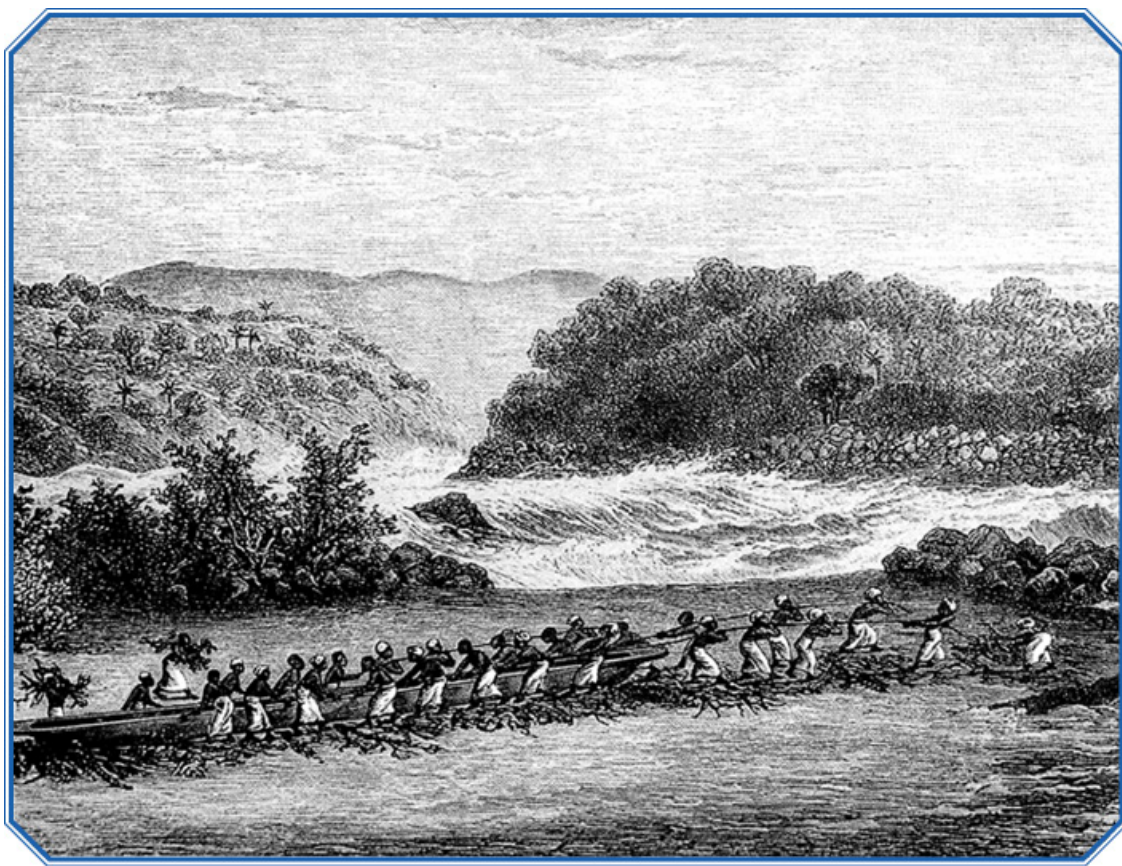
В этот день с Джефсоном было два приключения. Шел он весело и бодро вперед, согласно побуждению своей прямолинейной натуры, и, направляя пионеров, шагал через колючие джунгли, не опасаясь уколаться или порвать свое платье, как вдруг провалился и исчез в слоновой яме, как могло бы случиться и с юным толстокожим, которое, резвясь и играя, пролагало бы себе путь через лес, давя, ломая и сокрушая на ходу бамбуки и древесные побеги, и вдруг исчезло бы из глаз своей заботливой мамы. К счастью, Джефсон очень ловок; он так хорошо вывернулся и так быстро подоспели к нему на помощь, что это падение не причинило ему никакого вреда.

Это приключение только позабавило нас в лагере, и сам Джефсон охотно над ним смеялся.

Пустившись снова по лесу впереди всех, он внезапно очутился лицом к лицу с туземцем высокого роста и с копьем в руке. Они оба так были поражены неожиданностью своей встречи, что остановились и не произнесли ни звука; опомнившись, друг наш с воинственной отвагой древнего богатыря бросился на дикаря, но тот, вырвавшись из его рук, побежал прочь, как бы спасаясь от льва, и устремился с крутого обрыва к маленькой бухте, а Джефсон за ним. Глинистая почва тут мокрая и скользкая, и храбрый командир «Аванса» с разбега упал головой вниз; сила падения была так велика, что он в одно мгновение сполз в этом виде до самого края воды. Когда ему удалось вскочить на ноги, он увидел, что сын лесов уже переплыл реку, на противоположном берегу остановился и с изумлением взирал на «белолицего», явившегося перед ним так неожиданно, когда он только о том и думал, чтобы забрать дичь из расставленных силков.

Место, выбранное нами для ночлега, с незапамятных времен должно было служить любимым местопребыванием слонов. Оно находится у поворота реки, где встреча быстрых течений производит сильнейший водоворот. Выше этого пункта река течет широко, спокойно, величаво; ниже – несколько островов делят ее на причудливую сеть протоков.

25-го капитан Нельсон повел караван. Я удержал Джефсона при себе, дабы он помог провести через эти опасные проливы длинные и узкие пироги, нагруженные нашими сокровищами, и присмотрел бы за увальнями, входящими в состав экипажа. «Аванс» пошел первым и стал на якорь выше водоворота; его матросы бросили с борта конец каната гребцам, которые, ухватившись за него, понемногу притянулись к вельботу и таким образом привели пироги в более спокойные воды. После этого мы гребли изо всех сил, чтобы выбраться вверх по бурному течению.

Перетаскивание волоком каное в обход порогов

В 11 часов утра «Аванс» стал рядом с авангардом каравана, поджидавшего нас на высоком берегу Ренди в широкой бухте с ленивыми и темными водами, которые как бы нехотя выступают из мрачной глубины леса.

В час дня перетаскивание волоком кончили и караван вновь пустили в путь; между тем мы приготовились к новой борьбе с утесами и с быстринной ужасных порогов, известных у нас под названием «Осиных порогов» со времени следующего происшествия. Эти пороги растянулись на протяжении более трех километров. Выше их расположены деревни, ставшие знаменитыми из-за трагических происшествий, о которых будет сказано ниже; в настоящее время мы стремились туда в надежде найти там приют и съестные припасы. В продолжение первых 30 минут все шло хорошо.

Течение, быстрое и опасное, местами перебивалось крупными волнами. Я был на руле. С правого борта гребцы работали изо всех сил, с левого – часть матросов хваталась за нависшие ветви, двое отталкивались шестами, а двое других, стоя на передней палубе, держали наготове багры, чтобы хвататься за стволы молодых деревьев, мимо которых мы плыли. Мы подвигались медленно, пробираясь между берегом и островками по узкому рукаву, громожденному громадным подводным утесом, выставлявшимся из воды множеством вершин около одного метра в поперечнике; но мы твердо решились переплыть его, будучи уверены, что в случае крушения тут меньше шансов утонуть.

Горячо взявшись за дело, мы уже вступили в самый опасный проток, протянув руки к веткам, за которые была возможность ухватиться; но как только мы взялись за них, на нас накинута целый рой обозленных ос, со всех сторон облепивших нас; они жалили нас в лицо, руки, шею – словом, всюду, куда могли проникнуть. Вне себя от бешенства и боли, тщетно отбиваясь от этого легиона врагов, окруженные предательскими утесами, отбрасы-

ваемые бурными волнами, увлекаемые в водовороты, мы так работали руками и ногами, «когтями и зубами», что в несколько минут очутились за 100 м от ужасного места и прикрепили суда к деревьям; тут мы остановились отдохнуть, собраться с мыслями, пожаловаться на боль, порадоваться своему извлечению и обменяться воспоминаниями и мнениями об относительных достоинствах разных жалящих насекомых, пчел, слепней и ос.

Один остряк, обращаясь к моему слуге-немцу, сказал: «Вы на днях уверяли, что в этих гнездах из серой бумаги должно быть много меда, ну, как же вам понравился сегодняшний мед? Горьковат, не правда ли?» Все рассмеялись; веселое расположение духа снова вступило в свои права. Опять принялись за работу и через час приплыли к деревне, только что занятой караваном. Люди на челноках, следовавших за нами, издали видели баталию, происшедшую между нами и осами, и, из предосторожности переплыв реку поперек, пошли вдоль правого берега. Сомали и суданцы, поручив себя Аллаху, вошли в проток и были страшно искусаны осами.

Они вознаградили себя тем, что потешались над занзибарцами, которыми командовал Уледи, – тот самый Уледи, о котором говорилось в моей книге «Таинственный материк».

– Что ж это, Уледи, – сказал я ему, – ты сегодня осрамился, разве достойно храброго быть побежденным осами?

– О господин, – отвечал он, – храбрость тут ни при чем. Осы злее самых жестоких людей.

Здесьнее поселение на левом берегу называется Бандейя; напротив его живет племя буамбури. К северу от буамбури, на один день пути, обитают абабуа и мабодэ, у которых хижины строятся уже не конические, как у приречных племен, а квадратные, со шпиком на крыше; стены тщательно замазываются, а к переднему фасаду приделывают глиняные веранды.

26-го мы дневали, чтобы отдохнуть и оправиться от лихорадочного состояния, вызванного укусами ос; командир вельбота особенно пострадал от них. На следующий день нас посетил вождь племени буамбури. Он принес в дар цыпленка, которому от роду не минуло еще и одного месяца; мы отказались от такого подарка со стороны человека, который жаловался на свою бедность. На нем было ожерелье из трав, к которому подвешены два небольших клыка, тщательно сточенные и полированные, а головным убором служила шкурка обезьяны с длинной шерстью. Мы с ним обменялись дружелюбными приветствиями, и караван выступил дальше.

28-го стали лагерем против Мукупи, местечка, состоявшего из восьми деревень.

Мы захватили в плен двух туземных геркулесов, которые удивили нас следующими сообщениями: к востоку от места, называемого Панга, к которому мы скоро придем, есть большая вода, по имени Но-Ума, окружность которой равняется нескольким дням пути. Среди этой воды виднеется остров, населенный таким множеством змей, что туземцы боятся туда ходить. Из этого озера берет начало Непоко, приток реки Нуэлле, – как называют здесь Арувими. Через несколько дней пути мы установили, что озеро это фантастическое, а Непоко впадает в большую реку с западного, т. е. правого, берега.

29 июля. Мы расположились лагерем на правом берегу, напротив Май-Юи, целого ряда селений, окруженных бананами. Жители не очень дичились нас. Должно быть, они получили о нас благоприятные сведения. Торговля началась самым любезным образом; у наших людей было достаточное количество медной монеты, бус, медной проволоки и разной другой заморской дряни. Но с прибытием колонны цены поднялись, потому что спрос на местные товары был велик. Нас предупредили, что других поселений не будет вплоть до Панги, которая отсюда за девять дней пути по лесу.

На другой день у нас опять базар; для облегчения покупок мы роздали своим людям некоторое количество мелких вещей, служащих здесь вместо денег. Но ценность этих пред-

метов значительно понизилась в течение ночи: за прут из желтой меди длиной в метр, а толщиной в телеграфную проволоку давали всего только три початка кукурузы. В Бангале за этот самый прут можно купить провианту на 5 дней. А здесь, в этой глуши, за четыре прута насилу уступали одного плохого цыпленка. Ни медных монет, ни бус совсем больше не принимали. Наши люди отощали, но, невзирая на перспективу девятидневного поста, никто и не думал вернуться через Осиные пороги для добывания провизии.

Как мы ни уговаривали туземцев, они оставались глухи к нашим увещаниям. Тогда наши стали втихомолку сбывать свои патроны за бананы и пр. За один патрон им давали початок кукурузы, за жестяную коробку – два початка. Туда же пошли сечки, топоры, ножи. Нам угрожало полное разорение. Я погнал прочь всех туземцев и приказал одному из своих занзибарских великанов взять живьем из челнока вождя Мугвайс одного из главных его невольников; туземцам же объявил, что если они не хотят честно торговать, как в первый день нашего прибытия, мы уведем пленника с собой, а за провиантом сами отправимся за реку.

Прождав понапрасну ответа на этот ультиматум целый вечер, мы на рассвете 31-го числа сели на суда в сопровождении двух отрядов и высадились в Май-Юи; фуражиры, разосланные во все стороны, набрали съестных припасов на десять дней.

Вечером 1 августа авангард расположился против Мамбанги. Матросы претерпели несколько неудач. По неосторожности суданцев их пирога опрокинулась. Один из рулевых, занзибарец, вопреки моим формальным приказаниям, направил свой челнок под самый берег, намереваясь проскочить под громадными древесными ветвями, которые нависли над рекой на 15 м. Увлекаемый быстринной, он задел челноком за подводную ветку, и лодка перевернулась, погубив при этом много дорогих вещей и, между прочим, шесть ружей и целый тюк с ожерельями, из которых каждое обошлось нам в 5 франков.

2 августа у нас был смертный случай – первый за 36 дней после выступления из Ямбуи. Принимая во внимание все лишения и непосильные труды, доставшиеся нам на долю, я еще дивился тому, что наше положение не хуже. Все мы давно нуждались в отдыхе, но караван спешил вперед, в надежде найти на том или другом берегу какой-нибудь поселок, достаточно снабженный съестными припасами, чтобы прокормить нас дней пять.

Достигнув большой деревни, по всем признакам заброшенной по крайней мере полгода назад, мы располагали тут переночевать, как вдруг я услышал какие-то крики и необычное движение. В одной из хижин нашли человеческий труп, уже в значительной степени разложившийся; потом нашли другой, третий... Мы поспешили снова собрать свои пожитки и поскорее вышли из этого селения мертвецов, из боязни захватить ту страшную болезнь, которая, по-видимому, принудила жителей разбежаться из своих зачумленных жилищ.

Один из наших несчастных ослов, не находивший корма в этой стране деревьев и джунглей, лег на землю и околел. Остальные тоже очень страдают от недостатка трав в нескончаемых лесах.

Устье реки Нгюкы, северного притока Конго, который в этом месте оказался до 16 м шириной, приходилось как раз против нашей вечерней стоянки.

3-го на горизонте показались два холма: один на востоке-юго-востоке, другой еще немного восточнее. Мы остановились у нижней оконечности речного изгиба, внутри которого находятся два острова. На одном из них – о радость! – мы нашли двух коз и, конечно, тотчас же зарезали их, одну – для офицерского стола, а другую – на бульон для больных. Будь у меня сотня коз, сколько бы сохранилось человеческих жизней, которые постепенно погасали.

4-го достигли, наконец, водопадов Панга, или Нэпанга, о которых столько слышали от юного туземца Бакули.

Эти водопады 10 м высоты, но они кажутся вдвое выше по причине чрезвычайно отлогой покатости, начинающейся далеко выше уступов. Весь водопад имеет до 1½ км протяжения и представляет первое действительно серьезное препятствие на пути нашей флотилии; он низвергается по гнейсовым утесам четырьмя отдельными каскадами, из которых наибольший имеет 60 м ширины. Он служит естественной охраной для туземцев, населяющих большой остров Нэпанга, имеющий около полутора километров длины, 300 м ширины и расположенный в 600 м ниже водопадов.

На острове 3 деревни, заключающие до 250 хижин конического типа. Несколько деревень расположились по берегам реки. Туземцы здесь питаются почти исключительно бананами, хотя у них есть и маниоковые поля.

Один злополучный занзибарец, должно быть решивший как можно скорее разорить нас, приближаясь к Нэпанге, опрокинул свой челнок и потопил два ящика патронов к пулемету, пять ящиков медной монеты, три ящика с белилами, один с бусами, один с тонкой медной проволокой, несколько патронташей и семь карабинов.

В этой местности все дико; одинокий гиппопотам, завидев нас, погнался за нами и чуть было не настиг, но получил тяжелую смертельную рану. При нашем приближении куры разлетелись во все стороны и попрятались в джунглях. Козы также оказались крайне дикими. Впрочем, нам удалось-таки изловить двенадцать коз, что подало мне надежду спасти несколько больных. Невода и верши туземцев доставили нам немного рыбы.

Три дня сряду фуражиры шарили по островам и по деревням обоих берегов и в конце концов набрали 110 кг кукурузы, 18 коз, столько же кур и несколько бананов. И это все, что они могли достать на 383 человека! Они исходили множество поселков, но видно было, что и у самих туземцев не много запасов. По слухам, туземцы теперь воюют с другим племенем – энгуэддэ и, вместо того чтобы обрабатывать свои поля, питаются грибами, корнями, травами, рыбой, улитками, гусеницами, стеблями бананов, изредка разнообразя эту странную диету кушаньем из человеческого мяса, когда удастся поразить копьем врага.

Дальнейшее пребывание в таком месте не представляло никакого удовольствия, и потому мы немедленно занялись переноской судов. Для этой цели отряду Стэрса поручено было проложить дорогу и для большого удобства наложить поперек пути круглых обрубков; отряды № 3 и № 4 тянули бечевой челноки; отряд № 4 перенес «Аванс» целиком, не разбирая его, и шествовал в такт под звуки дикой музыки и песен. Вечером 6 августа, после утомительной работы, мы стали лагерем по ту сторону больших водопадов Панга.

От водопадов Панга до лагеря Угарруэ

За три километра от последнего ночлега мы заметили на острове, посреди реки, нечто вроде маленькой крепости и деревню, стоявшую так низко, что она казалась нам совсем вровень с водой.

7-го мы отправились осматривать это местечко, что оказалось очень трудным предприятием по причине чрезвычайной быстроты течения, стремящегося к Панге по довольно крутому и опасному склону. Островок этот первоначально был, вероятно, подводным рифом, который лишь несколькими плоскими вершинами выставлялся из уровня самых высоких вод; впоследствии все неровности поверхности были засыпаны землей, очевидно, привезенной с берегов. Длина островка – 60 м, ширина – от 20 до 30 м. Рыбаки выстроили на нем десятков шесть конических хижин, окруженных забором из досок очень легкого дерева и из сломанных челноков. В настоящее время уровень воды был всего на 15 см ниже самого низкого пункта острова.

В этот день, во время перехода от водопадов Панга к порогам Неджамби, случилось неприятное происшествие. Бестолковый лоцман так глупо направил пирогу под нависшие ветви прибрежных деревьев, что она опрокинулась на самой быстрине потока. Таким образом, мы лишились еще двух ружей и ящика с порохом. Эти занзибарцы до того беспечны и так небрежно относятся к перевалам через пороги, что я просто чувствую, как старею под бременем всех этих тревог. Все неудачи, все утраты, понесенные нами, коренятся единственно лишь в упорном пренебрежении этих людей к исполнению отдаваемых мною приказаний. На суше они отбиваются от товарищей, разбредаются по лесу и больше не возвращаются, значит, либо убежали, либо туземцы подстрелили их. У нас недостает уже восьми человек и семнадцати карабинов.

8-го караван перетащил челноки через пороги Неджамби и стал лагерем в нескольких километрах ниже Утири. На другой день мы пришли в селение, построенное совсем иначе, нежели принято на нижнем Арувими. Хижины очень низкие, но крыши у них со щипом; каждый домик окружен прочной и высокой оградой из стволов одного дерева, принадлежащего к семейству мареновых и грубо расщепленных на доски длиной в 180 см, шириной в 23 и толщиной в 10 см. Между двумя рядами таких домов идет улица, шириной по меньшей мере в 6 м. Если бы человек двенадцать отважных людей, вооруженных ядовитыми стрелами, засели в оградах этих хижин, они наделали бы много бед неприятелю, хотя бы вооруженному карабинами.

10 августа мы дневали, но фуражиры, разосланные по трем направлениям, достали пищи только на два дня. Один из них, по имени Хальфан, ранен в горло деревянной стрелой. Самое место раны еще раз доказало, что наши люди и не думают беречься: он шел и «зевал» по верхам, разыскивая бананы, а дикарь, не потрудившись даже спрятаться, на расстоянии 6 м всадил ему в горло отравленную стрелу.

Укол был самый маленький, как будто от иголки; однако, несмотря на все старания доктора, через несколько дней последствия этой раны оказались смертельными.

11-го числа наши матросы провели весь день в борьбе с быстротою на страшных порогах, растянувшихся на 8 км: тут вода кипит вокруг рифов и бурлит между множеством скалистых островков. Пешая колонна шла по торной тропинке до Энгуэддэ, куда и прибыла 12-го числа. Так как перевал через эти пороги занял у нас целый день, пришлось опять рассылать фуражиров, которым на этот раз удалось достать изрядное количество бананов. 13-го мы направились к Ависиббе, или Авейтебе, поселению, состоящему из пяти деревень, из которых две расположены у верхнего конца мелкого притока Руку.

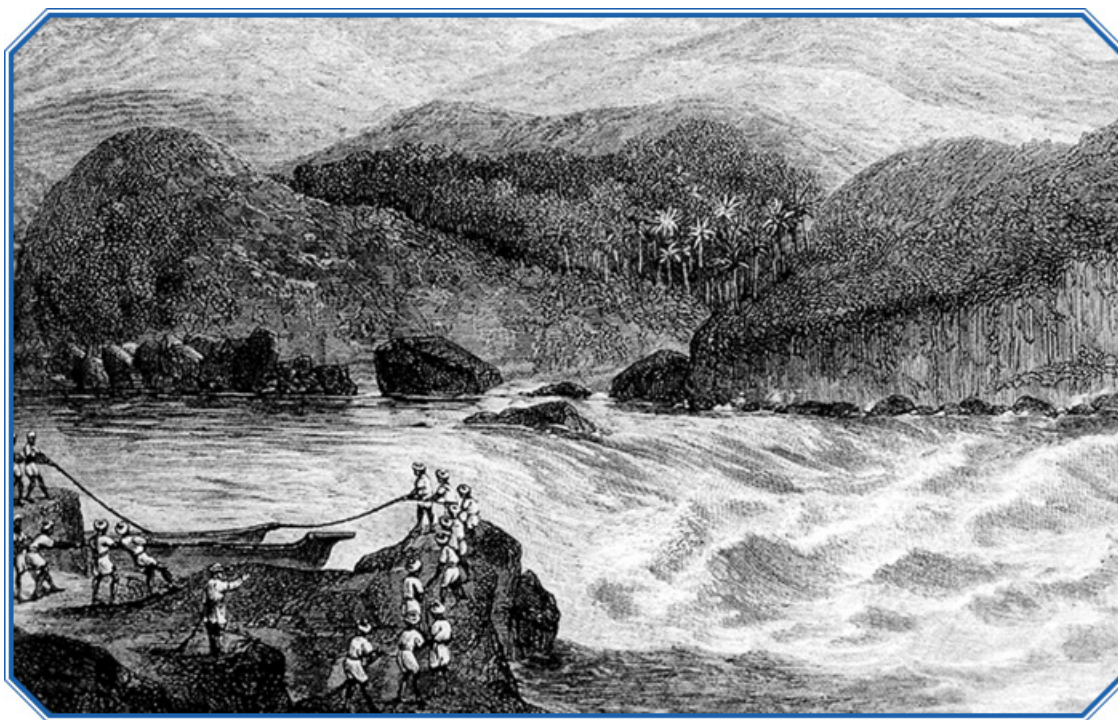
Флотилия пришла первой. Широкая прямая улица тянется между двумя рядами низких хижин, обнесенных деревянным частоколом. Банановые рощи обещают богатую поживу. За ними высится все тот же нетронутый дремучий лес. От устья притока до конца просеки этот первобытный лес образует стену толщиной в 100 м; другая стена высокоствольных деревьев, не более 50 м ширины, отделяет селение от вод Арувими. Покуда люди направлялись к челнокам на другой берег мелкого притока, наши матросы тщательно осматривали окрестность и искали по дворикам и хижинам, не укрылись ли где дикари, либо с карабином на плече фуражировали на плантациях.

На биваке нам пришлось произвести дознание об убийстве. Накануне в Энгуэддэ один из занзибарцев пал от пули, которую, может быть, пустил в него один из товарищей. Перед началом суда я просил двоих офицеров с 40 человеками команды снова переправиться через приток и исследовать юго-западный его берег, чтобы узнать, нельзя ли достать там припасов на завтрашний день.

Мой маленький военный совет собрался, и мы уже снимали допрос со свидетеля, как вдруг нас поразили звуки необыкновенно усердной пальбы. Лейтенант Стэрс взял 50 человек и отправился в ту сторону скорым шагом. Мне казалось, что девяноста усовершенствованных ружей будет вполне достаточно, и я снова занял свое судейское место. Однако пальба продолжалась с ожесточением, и слышался непрерывный ружейный огонь наших разведчиков.

Тогда доктор, Нельсон и я поспешили к берегу. Первым попался мне на глаза лейтенант Стэрс; он был в разорванной рубашке, кровь ручьем лилась у него из раны на левой стороне груди, в области сердца. Подле меня слышался шум, как бы от дождя, падающего на листья, — это были стрелы, осыпавшие нас градом. Я поручил нашего бедного друга заботам Пэрка и побежал присоединиться к своим. Застал я их лежащими во всевозможных положениях и без всякого толку стреляющими в какие-то подозрительные кусты на противоположном берегу; очевидно, там и скрывались искусные неприятельские стрелки, но ни одного из них не было видно.

В то время как наши люди на пироге переплывали приток, туземцы, наиболее отважные из всех, до сих пор нами встреченных, внезапно осыпали их стрелами. Чтобы по мере возможности избежать ядовитых стрел, наши люди постарались укрыться в пироге и в то же время изо всех сил гребли назад, к нашему берегу. Достигнув его, они схватили ружья и принялись стрелять как попало. Лейтенант Стэрс, подоспевший на помощь, организовал более правильную пальбу, но тут в него самого попала стрела, которую он выдернул, командуя отступлением. Пятеро других из наших также ранены. Пока я выслушивал это донесение, какая-то тень мелькнула между двумя кустами. Я выстрелил; в ответ на это послышался не то стон, не то какое-то завывание. Минуты через две стрелы перестали летать. Я поручил отряду наших наилучших часовых наблюдать противный берег и привести обратно в лагерь остальных людей.

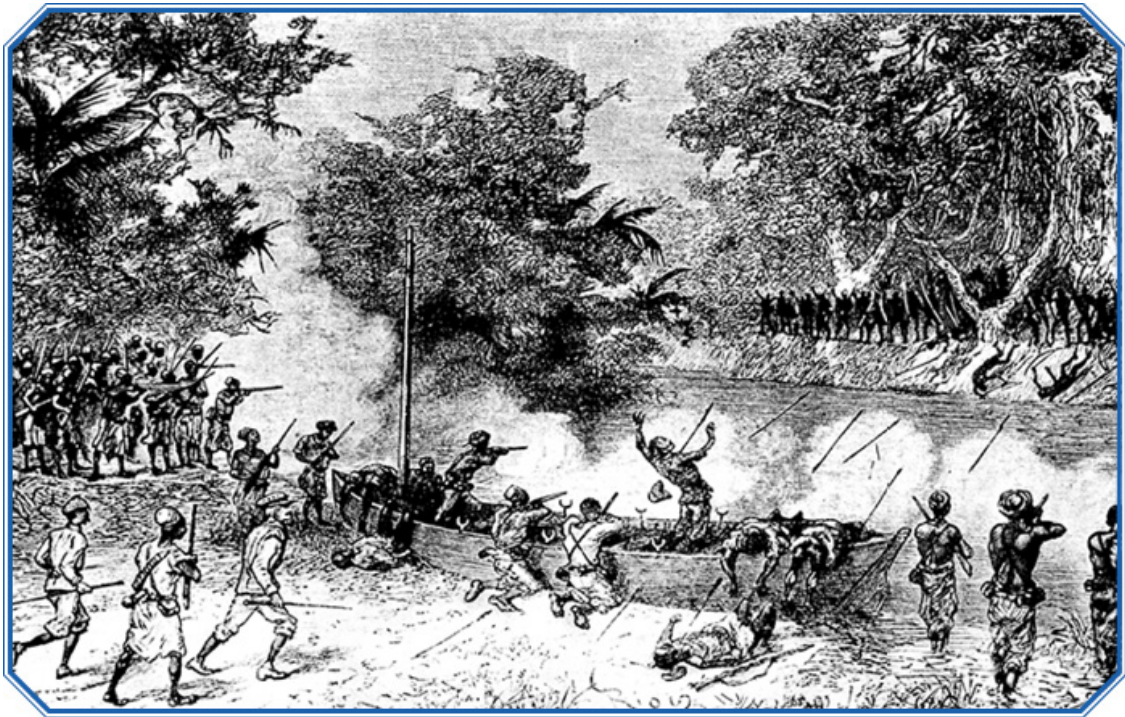

Пороги и бурное течение реки

Вечером разведчики привели нам семь коз, найденных в лесу. Они отыскиали брод через приток и стреляли по небольшой толпе дикарей, шедших на помощь своим собратьям, а может быть, возвращавшихся после перестрелки с нами.

14 августа утром два отряда стрелков снова переправились через приток, чтобы отомстить врагам, наделавшим нам столько бед. Другой отряд, под начальством капитана Нельсона, углубился в лес. Через несколько минут мы услышали ружейный залп, потом другой, потом непрерывную стрельбу, которая доказывала, что неприятель защищается отчаянно. У нас в авангарде были превосходные стрелки; но в такой тущобе мудрено причинить серьезные потери хитрым дикарям, владеющим столь опасным оружием, постоянно держащимся в засаде и совершенно не сознающим ужасной силы наших смертоносных зарядов, которые градом сыпались в подлесок.

Из трехсот зарядов, выпущенных в этот день, только четыре достигли цели. С нашей стороны также четверо ранены стрелами, только что пропитанными каким-то веществом, цвета копаловой камеди. Мне принесли труп одного дикаря. Его длинные и густые волосы охвачены были железным обручем; на шее у него было ожерелье из шариков того же металла, перемешанных с обезьяньими зубами. Его собственные зубы были обточены и заострены. Два ряда шрамов украшали его грудь и живот. Он не подвергался обрезанию. На шее другого дикаря, лежавшего на пристани, было ожерелье из человеческих зубов; на голове у него была блестящая железная повязка, надо лбом и на руках такие же украшения, а вокруг левого предплечья для защиты тела от повреждения тетивой лука – толстый валик из хлопка, зашитого в козью кожу.

Перестрелка близ Энгуэдде

Вытеснив дикарей из всех их засад, наши люди отправились добывать провизию и к вечеру принесли в Ависиббу столько бананов, что каждому досталось по восьмидесяти штук, что составляет четыре суточных порции.

Стрела вонзилась в грудь лейтенанта Стэrsa на 32 мм ниже сердца, рана была длиной в 5 мм и шла в глубину на 38 мм. Остальные были ранены в кисти рук, в предплечья, в мягкую часть спины. В то время нам неизвестны были свойства того странного вещества, в которое дикари обмакивают кончики своих стрел; не знали мы и того, что в свежем и в сухом виде вещество это действует различно. Доктор только и мог сделать, что спринцевать раны водой да вычищать их как можно лучше. Опытные люди нашего каравана уверяли, что этот яд извлекается кипячением индийского каучука.

Другой сведущий человек, из туземцев, говорил, что он извлекается из одной породы аронника, который толкут и потом кипятят. Этот отвар сливают и снова варят до тех пор, пока жидкость не сделается густой, как сироп, затем ее мешают с жиром; она имеет острый запах, напоминающий запах *Assafetida*. Наши люди утверждали, что против этого яда не устоят слоны и другие крупные животные, – это сильно беспокоило нас. Впрочем, я считал, что это преувеличено. Учитывая, что ранки неглубоки и более похожи на уколы булавками, мы не отчаивались в положении нашего друга Стэrsa и девяти других израненных.

Стрелы туземцев – из темного дерева, длиной в 60 см или около того, очень тонки, острые концы их подвергают медленному отвердению путем длительного прогрева их в горячем воздухе над очагом хижины. С другого конца в стреле надрезают продольную щель, в которую вставляют листок, для большей правильности полета. На 12 мм выше заострения, тонкого, как игла, расширенная часть вырезывается сердечком длиной в 5 см и с внутренней стороны покрывается мелкими зарубками. Эти-то головки стрелы и обмакиваются в клейкое вещество, о котором говорилось выше. Другие, виденные мной, бывают покрыты слоем чего-то черного, в свежем состоянии напоминающего шведский деготь, но с очень неприятным запахом. Приготовленные таким образом концы стрел обвертываются

зелеными листьями, связываются в пучки и тогда уже вкладываются в колчан, где помещается их до ста штук. Мелочная заботливость, с какой дикари обвертывают каждый наконечник своих стрел, заставляла нас крепко призадумываться, и беспокойство за раненых все увеличивалось.

Лук длиной в 90 см, из темного и чрезвычайно твердого дерева. Тетивой служит широкая лента из тростника, тщательно отполированного. Пробуя стрелять из такого лука, в первый раз на расстоянии двух метров, я насквозь пробил деревянной стрелой жестяную коробку с крышкой. Выстрелив вверх, я видел, как стрела пролетела выше самых высоких ветвей и упала по ту сторону дерева, стоявшего от меня за 180 м. Оружие это нешуточное, и нет сомнения, что на близком расстоянии и вследствие сильного толчка, сообщаемого этим луком, стрела может насквозь пробить грудь человека. В расстоянии 120 шагов я промахнулся в птичку всего на 3 см.

15 августа в полдень первая колонна, под начальством дежурного Джефсона, выступила за ограду деревень Ависибба. Один из пленников сказал, что несколько выше по реке мы встретим еще три водопада. Согласно данным мной инструкциям, мистер Джефсон должен был следовать берегом и к 2 часам 30 минутам пополудни сделать привал, выбрав для этого удобное место. Я же со своей флотилией, состоявшей теперь из «Аванса» и четырнадцати пирог, оставался на месте, покуда капитан Нельсон с арьергардом очистит лагерь. Так как лодки подвигаются быстрее пешеходов, я рассчитывал все-таки опередить их и, пройдя водой с час, стать на якорь и подождать Джефсона. Эти распоряжения были в точности переданы и растолкованы всем старшинам.

Так как на утренней перекличке пятерых не досчитались, то следовало бы предупредить всех, что выступление назначено в полдень. Пропавшие возвратились в 10 часов утра. Такая неисправимая привычка отлучаться без спроса приводила меня в отчаяние, и я их хорошо обругал. Собственно говоря, мне пора было бы привыкнуть к этому, потому что занзибарцы, несмотря на мои внушения, продолжали вести себя с полнейшею беззаботностью; с их стороны это была не храбрость и не отсутствие опыта, но решительно неспособность помнить, что опасность угрожает каждую минуту, и забвение того, что уже происходило в этом смысле.

У зверей бывает инстинкт, постоянно заставляющий их быть настороже; но эти люди не одарены, по-видимому, ни инстинктом, ни разумом, ни понятием, ни памятью. Это существа вполне безмозглые. Как ни убеждаешь их опасаться многочисленных врагов, притаившихся всюду, как ни грозишь им, ничто не помогает; нет возможности им втолковать, что надо быть осторожнее, помнить о деревянных острых кольях, натканных по дорогам, о людоедах, прячущихся за широколиственным бананом, о хитром дикаре, притаившемся под древесными корнями или за поваленным стволом, о капканах, утыканных острыми рогатками и прикрытых свежими листьями. Никогда никакой опасности они не предвидят.

Внезапно осыпанные стрелами, они постыдно бегут, лезут прятаться куда ни попало, испуская жалобные вопли; если бы туземцы вздумали их преследовать, занзибарцы со страху едва ли могли бы оказать какое-нибудь сопротивление. Стоит только дикарю выкинуть какую-нибудь отважную штуку, и они в ужасе отступают. На походе они норовят своротить с тропинки в чащу, чтобы арьергард не подгонял их; но тотчас возвращаются и с криками бегут к нам, если завидят дикаря с копьем. В одиночку или вдвоем они охотно отправляются мародерствовать по деревням, но при встрече с хозяином хижины они скорее побросают ружья, чем вздумают пустить их в дело. Любо взглянуть, с какой гордой осанкой они рыщут по банановым плантациям, но едва слышат свист летящей стрелы, как у них душа уходит в пятки, и они разом покоряются судьбе.

По дороге они любят отставать, иногда на 5 км растягивая колонну, а встретив туземца, только и способны ощущать страх, без всякой мысли о самозащите. Из числа 370 человек,

находившихся в ту пору в нашем лагере, смело можно сказать, что в глазах двухсот пятидесяти ружья им представлялись чем-то вроде дубинки, тяжелой и неудобной, которая только на то и годилась, чтобы выменять на нее несколько початков кукурузы, а еще охотнее они променяли бы свои карабины на легкие трости, если бы только смели это сделать.

Накануне несколько старшин, подстрекаемых своими приятелями-занзибарцами, пришли ко мне целой гурьбой просить, чтобы я дозволил им одним ходить за провиантом, без этих офицеров, которые, по их словам, ужасно им надоедали, постоянно приставая со своей командой: «В ногу! В ногу!»

«Правда, – отвечал я, – это дело нелегкое. Что же, посмотрим, как вы управитесь сами. Плантация отсюда в расстоянии одной четверти часа, ступайте, но через час приходите все назад».

Не успели они выйти из лагеря, как уже позабыли все свои обещания и разбрелись как попало. Будь это стадо баранов без сторожевой собаки или выводок поросят, то и они не больше сбились бы с пути, чем эти люди. Только через 14 часов мои 200 фуражиров вернулись домой, пятерых недоставало: забрели, сами не зная куда, и вернулись лишь на другой день.

Но это было только вначале! Далее последовали несравненно худшие дни, после которых, благодаря пережитым страданиям и самым жестоким урокам судьбы, из этих людей образовались настоящие римляне.

Удостоверившись в том, что в Ависиббе не осталось больше ни одного из моих лен-тяев, мы поплыли вверх по Арувими со скоростью $1\frac{1}{2}$ узла в час и в 2 часа 45 минут, выбрав благоприятное местечко, остановились для ночлега. Но тщетно мы дожидались Джефсона и его людей: несколько раз стреляли из ружей, сам я снова садился в лодку и плавал взад и вперед по реке, осматривая берега в зрительную трубу. Все было понапрасну, никаких следов привала, ни малейшей струйки дыма, который, подобно туману, расстилается по лесу в тихую погоду, ни выстрела, ни звука трубы, ни человеческого голоса. Я подумал, что, вероятно, караван нашел торную дорогу и прошел дальше, к водопадам.

16-го мы опять поплыли против течения; миновали селения Мабенгу и пришли к глубокому, но узкому притоку, впадающему с юга в Невву, как здесь называют Арувими. Через час мы достигли порогов Мабенгу. Против места нашей стоянки, на противоположном берегу, виднелось огромное поселение Итири. Вельбот возвращался к притоку и там искал следы наших людей, но, ничего не найдя, пришел обратно; тогда я послал его еще раз назад, почти до Ависиббы; он вернулся только в полночь без всяких известий об отсутствующих.

Жилища, орудия, оружие, украшения и музыкальные инструменты туземцев

17-го я послал к Ависиббе экипаж «Аванса» в сопровождении нашего стрелка Саат-Тато (означает «Три часа») и шести разведчиков; я приказал им пройти на тропинку, замеченную нами мимоходом и ведущую внутрь леса, там искать следы каравана и, обнаружив их, догнать колонну и привести ее к реке. По возвращении вельбота лоцман донес мне, что люди нашли следы за 10 км отсюда, т. е. за 3 часа ходьбы, из чего я заключил, что мистер Джефсон повел своих людей к югу, вместо того чтобы взять направление на восток, север и восток-северо-восток, согласно течению реки; Саат-Тато, конечно, теперь отыщет их, и назавтра все соберутся.

В это время на флотилии дела были в таком положении: нас, европейцев, было три с тремя молодыми слугами; из нас один, лейтенант Стэрс, нуждался ежеминутно в услугах доктора, а Пэрк ушел вместе с Джефсоном; один из людей умер от дизентерии в Ави-сиббе, другой умирал теперь, предварительно впад в идиотизм; 29 человек – более или менее опасно больных плевритом, дизентерией и неизлечимым малокровием; 8 человек были ранены ядовитыми стрелами, из них один, Хальфан, задохнулся от своей раны в горло, другой, Саади, казался в опасном положении – раненая рука его, страшно воспаленная, причиняла ему сильнейшую боль.

Большая часть матросов, разделенных на три отряда, разослана в три разные стороны в поисках пропавшей колонны; я начинал опасаться, как бы колонна не зашла слишком далеко, желая, может быть, напрямик достичь речного берега гораздо выше, между тем как мы оставались у нижнего конца дуги, образуемой рекой. Жители Итири, на другом берегу, дивясь нашему бездействию, по-видимому, собирались напасть на нас; а на нашем берегу, на 3 километра ниже по течению, многочисленные обитатели Мабенгу тоже могли нас потревожить, тем более что всех сколько-нибудь годных людей я разослал по лесам искать наших 300 заблудившихся человек. Но, как говорит поэт, мужчине не подобает предаваться отчаянию: пусть он до самой смерти думает о более достойном, и даже под сжатым кулаком угрожающего врага.

Выписываю из своего дневника от 18 августа:

«Желал бы я знать, что бы о нашем положении подумал Теннисон, автор вышеприведенных благородных слов. Еще недавно у меня под начальством было 370 человек; мы были обильно снабжены съестными припасами, боевыми снарядами, медицинской помощью, пользовались некоторыми удобствами; нынче у меня всего 18 человек, способных совершить дневной переход, – все остальные исчезли, как сквозь землю провалились... Ах, хоть бы я знал, где искать их!

Если 389 человек отборной команды, какой мы были в момент выступления из Ямбуи, до сих пор не могут добраться до озера Альберта, то как же майор Бартлот со своими 250, из которых некоторые и тогда уже были калеками, проложит себе дорогу через эти нескончаемые леса. В течение 44 дней мы почти ежедневно шли по 8 часов в сутки, и если бы делали по 3 км в час, мы давно были бы на берегу озера; но пришлось каждый шаг прорубаться сквозь кусты, и вместо того чтобы отдыхать теперь на берегах озера, мы едва прошли одну треть пути. Что делать? Предаваться отчаянию? Тогда, значит, ложись и жди смерти, откажись от борьбы и оставь всякие мечты о будущем!

Наши раненые что-то долго не поправляются. До сих пор никто еще не умер, но ни один не годен ни на какое дело.

В 8 часов утра опять пошел дождь – это уже пятый дождливый день в нынешнем месяце. И без того довольно всяких печалей, а тут еще эти вечные ливни! Минутами так и кажется, что приближается конец света, и вот сейчас вселенная разрушится. Разверзлись «хляби небесные»... И так густо падает этот дождь, что мы постоянно погружены в потемки.

Вспомните о неисчислимом количестве листьев в этом огромном лесу, вообразите, что с каждого из них в течение минуты падает от десяти до двадцати капель воды; из пресыщенной влагою почвы подымается сероватый пар; весь воздух наполнен водяными шариками и обрывками листьев. А когда налетает смерч, и, клоня древесные вершины, крутя стволы, вырывая ветви и стараясь вырвать с корнями каждое дерево, ураган с ревом и воем мчится по прогалинам, тогда ливень обрушивается целым потоком. Вой ветра и жалобные лесные стоны не способствуют успокоению духа, а треск и падение этих гигантов – еще того меньше. Но эти впечатления переходят в ужас, когда гром грохочет по лесу, повторяемый бесчисленными отголосками, молнии сверкают пламенными языками и над самой головой разражаются многократные и оглушительные громовые удары.

В Европе даже на поле сражения бывает меньше перипетий – и вот уже десять часов, как это продолжается!

Невольно сомневаешься, настанет ли когда-нибудь дневной свет. Судя по лицам наших людей, они на это не надеются. Утомление, страх, отсутствие друзей, голод, дождь и буря производят на них совершенно подавляющее впечатление. Они сбиваются в кучу, залезают под вороха банановых листьев, прикрывают головы щитами, одеялами, циновками, брезентом от палаток, иной раз даже седлами, жаровнями и сковородами; все их существо проникнуто безмолвной тоской. Несчастные ослы, приложив уши к спине и закатив глаза, лежат, вытянув спину; петухи, с гребешками на сторону и в неподвижных позах, своим жалким видом довершают общую картину отчаяния.

Казалось, что все великолепие земного мира окончательно поблекло.

Как оно вновь возникло, во всей славе своей, и как дети земли снова приняли свою благородную осанку, как озера и реки вернулись в берега и как солнце еще раз явилось из хаоса и оживило землю, я этого не сознавал. Я так настрадался, что, обессилев, впал в глубокий сон, в полное забытие, восстанавливающее силы».

19 августа. О караване ни слуху ни духу. Разведчики вернулись, не отыскав следов. Двое раненых очень плохи, они мучаются, по-видимому, нестерпимо.

20 августа. Все нет известий. Молодой Саади, раненный стрелой 14-го числа, впал в столбняк; судя по этому, яд, употребляемый дикарями, должен быть растительного происхождения. У Хальфана шея и позвоночный столб совсем не сгибаются. Я делаю пациентам впрыскивания морфия, но, невзирая на двойную дозу, т. е. полугранами, это их мало облегчает. Стэрсу не хуже и не лучше вчерашнего; рана у него болит, но аппетит есть, и он может спать. Я ему, конечно, не говорю, в каком положении остальные.

Как же это, однако! Неужели из трехсот человек и трех офицеров ни одному не пришло на ум, что они сбились с дороги и что лучшее средство найти ее – вернуться в Ависиббу и идти берегом?

21 августа. Хальфан и Саади умерли после ужасной агонии, один в 4 часа утра, другой в полночь. Хальфан слабел с каждым днем. Может быть, оттого, что ядовитое вещество на стреле было сухое, рана его казалась неопасной, она снаружи зажила и даже не казалась несколько воспаленной; но так как бедняк был ранен в горло, он все жаловался, что ему ужасно больно и трудно что-либо глотать, даже ту кашу из банановой муки, которой мы пытались кормить его. 18-го числа горло у него свело, голос почти пропал, голова свесилась, живот подвело, и на лице застыло выражение страдания и тревоги.

Вчера несколько раз с ним делались легкие судороги; я сделал ему два подкожных впрыскивания морфия, но, с непривычки обращаться с этим средством, я не посмел употреблять его в сильных дозах. Саади был ранен в правое предплечье – самый пустячный укол, как бы от вязальной спицы; один из товарищей высосал ему рану, а я промыл ее теплой водой и забинтовал. Но на четвертый день с утра на него напал столбняк, и мы ничем не могли вывести его из этого ужасного состояния. Впрыскивания морфия позволили ему только подремать немного, но потом припадки возобновились, и после ста одиннадцати часов мучений он скончался. Я имею причины думать, что стрела была отравлена только накануне битвы, т. е. 13-го. Третий умер в полдень от дизентерии; это уже четвертая смерть на здешней стоянке.

В 5 часов вечера пропадавшие, наконец, возвратились; они тоже довольно натерпелись, но преимущественно от беспокойств. У них тоже трое умерло: Маруф, раненный в плечо в тот же день, как и Саади, умер от столбняка в ночь на 19-е, сутками прежде товарища, – быть может, оттого, что утомление на переходах ускорило действие яда. Другой, раненный в печень стрелой с железным наконечником, умер от внутреннего кровоизлияния; еще один умер от дизентерии, тотчас после того проливного дождя, о котором я упоминал выше. С 14-го числа мы потеряли восемь человек, кроме того, у нас на руках осталось еще несколько

еле живых, не считая двух раненых, пришедших с пропадавшей колонной. Их раны сильно воспалены и выделяют гной.

Лейтенант Стэрс держит себя молодцом и даже как будто поправляется, невзирая на то, что столько смертных случаев в лагере, несомненно, должны производить удручающее впечатление на его нервы. Доктор вернулся, и я от этого чувствую громадное облегчение. Созерцание страданий для меня нестерпимо, а стоны больных не доставляют ни малейшего удовольствия. Я бы охотно с ними возился, только при условии, что могу их вылечить. Для 60 из наших 363 человек в настоящую минуту гораздо полезнее было бы лежать в госпитале, чем продолжать скитальческую жизнь в дикой стране, где отдых и порядочная пища так редко выпадают на нашу долю.

Еще несколько дней такой омерзительной жизни, ухода за больными, созерцания предсмертных мучений пораженных столбняком, прислушивания к их глухим стонам, этого общего отчаяния, голодовки, тревоги о необъяснимом отсутствии друзей и товарищей, предположений о возможной гибели трехсот человек – и я сам не выдержу и свалюсь. Я сознавал, как отчаяние постепенно овладевало мною. Величайшей страстью моей жизни было, мне кажется, стремление к успеху в подобных предприятиях, а между тем вот уже несколько дней как я сомневаюсь в возможности конечного успеха дела.

Джефсон и Пэрк еще не передавали мне своих впечатлений, но люди их отряда откровенно признаются, что словно из ада вырвались.

22-го мы перенесли лагерь к верхним порогам Мабенгу. День 23-го числа употребили на перевал через пороги.

Отчет о приключениях колонны во время ее странствий убедил меня, что берега Арувими в его порожистых частях гораздо меньше обитаемы туземцами, нежели приречные части низовьев. Наши разведчики открыли внутри лесной страны обширные поселения; они нашли в лесу множество торных дорог, ведущих от реки к поселкам, но побережье мало заселено. Однако же от самого Утири мы напали на береговую тропу, которая нам пришлось очень кстати. 24-го числа, пройдя несколько километров, караван остановился у богатых плантаций бананов, ниже порогов Авугаду. 25-го мы перевалили через них и провели ночь в лесу, в более защищенном месте, очевидно, посещаемом рыбаками. 26-го колонна сделала порядочный переход, а мы, чтобы не отстать, должны были долго и упорно идти на веслах, но зато река была, как зеркало, тиха и спокойна; оба отряда соединились у одного из самых обширных селений племени авиджили, расположенного напротив впадения притока Непоко.

Эта река, о которой впервые говорил нам доктор Юнкер, переходивший через нее гораздо выше, низвергается с высоты 12 м в Арувими, имеющую здесь название Итири. Каскады Непоко расположены по уступам сланцев. Устье реки, шириной в 360 м, за порогами тотчас суживается до 220 м.

На довольно значительном протяжении этих уступов туземцы вбили колья, к которым прикрепляют большие корзины, формой похожие на воронки, для ловли рыбы, увлекаемой быстринной на пороги. Воды Непоко шоколадного цвета; воды Итири напоминают чай с молоком.

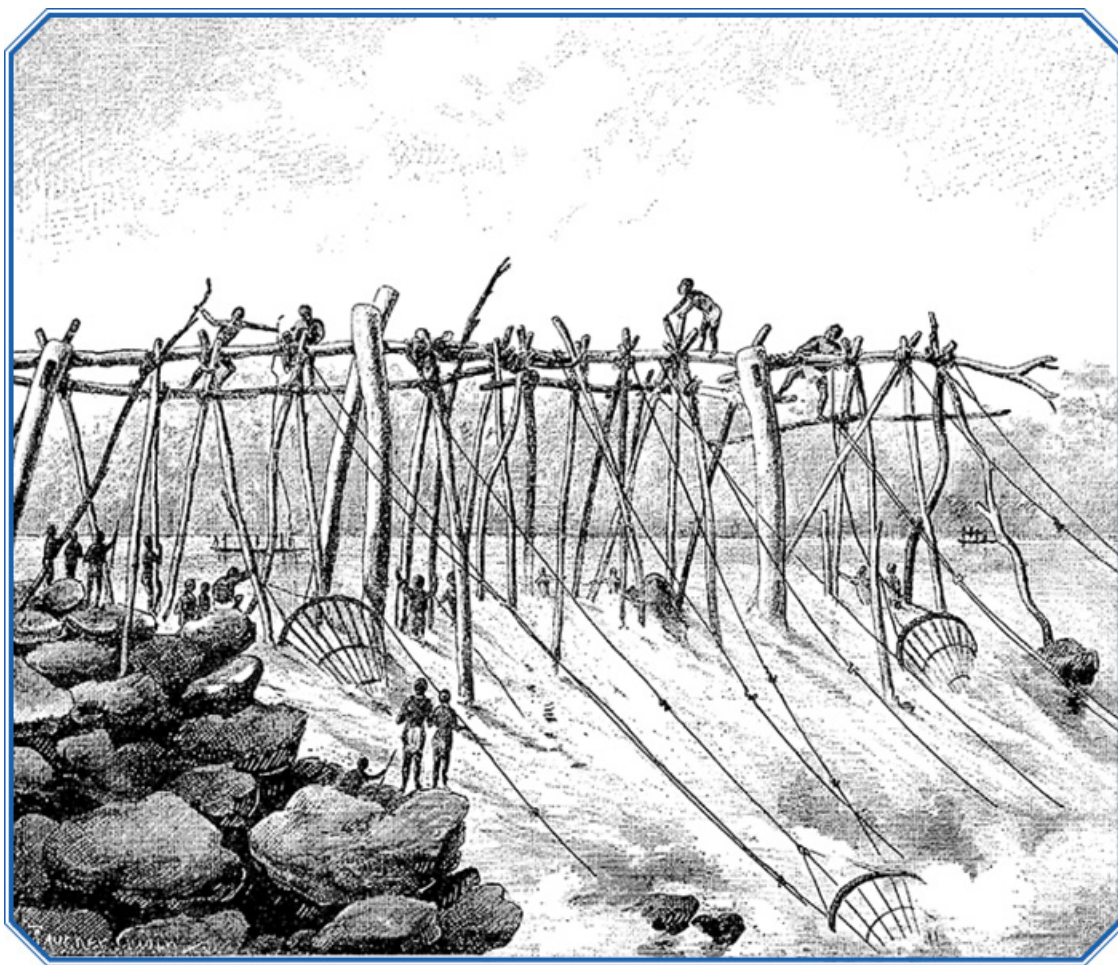
Если бы я знал, что через неделю мы повстречаем арабов с их бесноватыми шайками маньемов, я, без сомнения, постарался бы на целый градус широты отклониться от своего пути, лишь бы не очутиться в центре их влияния. Я подумал об этом, разговаривая с Бинзой из племени монбутту, молодым слугой доктора Юнкера. «Гораздо лучше, – говорил Бинза, – идти землями подходящих людей, чем теми ужасными местами, где рыщут эти орды, недостойные называться людьми; да притом племена момву очень хорошо принимают гостей, которые оказывают благодарность за это гостеприимство». Бинза очень соблазнял нас сво-

ими рассказами о народе момву. Но у авиджили много было различного провианта, и мне казалось, что отныне обстоятельства наши должны только улучшаться.

Я всегда замечал, что с переменной постройкой непременно является иной образ жизни. По ту сторону водопада Панга пища туземцев состояла преимущественно из маниока, из которого они пекут хлеб, лепешки и кашу. Всем, конечно, известно, что из муки маниока, кассавы, готовится тапиока. Выше водопадов Панга это растение постепенно вытесняется бананами, плод которых составляет для каравана несравненно лучшую пищу. По мере нашего движения вперед эти плантации все увеличивались, и я надеялся, что настанут лучшие времена. Тут стали попадаться обширные обработанные поля, на которых были маниок и кукуруза, ямс и таро¹⁰, и небольшие участки табаку для курильщиков. К нашей великой радости, мы увидели множество домашней птицы. Я приказал ставить лагерь, желая дать своим людям, измученным на все лады, немного отдохнуть и поправиться.

В своем усердном и понятном стремлении добыть мясную пищу суданцы и занзибарцы делали кучу глупостей. Едва завидев курицу, они гурьбой кидались за ней, пуская в ход даже карабины и ружья, за что им, конечно, каждый раз доставалось от начальства. Относительно напрасной растраты зарядов у нас были введены самые строгие правила и неослабный надзор; но какой же занзибарец при отсутствии начальства способен помнить приказание. Бессмысленная стрельба по курам имела в этот день самые печальные последствия для одного из наших лучших пионеров: пуля пробила ему ступню, раздробив кости; ампутация была неминуема. Доктор Пэрк с замечательным искусством и очень проворно произвел эту операцию, и к несчастному калеке приставлено было восемь человек команды. Один из челноков мы предоставили в его личное пользование, чтобы ничем не разбавить раны; кормили его всем, что у нас было лучшего.

¹⁰ Ямс; колоказия, или таро, – тропические растения со съедобными клубнями. В сыром виде ядовиты. Становятся съедобными после термической обработки. Ценные продовольственные культуры.

Ловля рыбы на порогах реки

Одним словом, ему шла лучшая доля наших наилучших припасов, и мне не раз приходило в голову, как хорошо было бы поменяться с ним ролями!

Само собой разумеется, что виновники снова получили строжайшие выговоры, и я еще раз выслушал торжественные обещания, что ничего подобного впредь не случится. И на другой же день, конечно, они готовы были приняться за то же самое. Многое можно бы сказать насчет этой общераспространенной привычки забывать собственные обещания! Как легко ум таких людей освобождается от всякой ответственности, а совесть — от всякой тяжести, и какое наивное самодовольство написано на их лицах! И то сказать: коли человек не что иное, как известный вид животного царства, с какой стати он будет связывать себя какими-то понятиями о долге. Подобные понятия могут казаться обязательными лишь для тех фантазеров, которые воображают себя ответственными за каждое свое слово, хотя бы произнесенное ими в порыве увлечения.

28 августа флотилия, состоявшая из стального вельбота «Аванс» и шестнадцати пирог, поднялась по реке на девять километров выше Авиджили. Пешая колонна осталась позади — переправляться через целый ряд притоков и ручьев и пробиваться сквозь трущобы непролазных кустов; она присоединилась к нам только к полудню следующего дня и должна была немедленно идти дальше в продолжение еще двух часов, после чего стала лагерем.

30-го мы остановились внизу громадного водопада. Мои наблюдения выясняют, что мы прошли половину дороги к озеру Альберта: Кавалли находится под $32^{\circ}50'$, Ямбуя под $27^{\circ}30'$, а наша стоянка под $30^{\circ}7'$ восточной долготы.

300 км, по птичьему полету, отделяют нас от озера. Нет возможности пройти это расстояние в 64 дня так, как мы шли западную половину пути: люди для этого слишком изнурены физически и измучены душевно; нарывы у них не проходили, малокровие их изводит. Мы толковали им, что половина дела сделана, но они не верят и говорят: «Как господин может знать это? Каким инструментом можно измерить пройденный путь и угадать предстоящий? Покажи нам такую дорогу, тогда и поверим. Разве туземцы не лучше вас знают свою страну? Кто и когда видел ту травянистую область, о которой говорит господин? Господин обращается с нами, как с малыми детьми!»

31-го числа, в роковой для нас день, заря занялась, как обыкновенно: в девять часов сквозь облака густого тумана пробилось солнце, но, бледное, тусклое, без лучей, оно являлось простым световым пятном. Мы были за работой: прорубали в лесной трущобе достаточно широкую дорогу для того, чтобы шестьдесят человек могли пронести на голове стальной вельбот; тем временем экипаж нашей флотилии из всех сил боролся в водовороте быстрины, стараясь на баграх перетянуть челноки через крутые уклоны порогов.

Через час просека была готова, а по ту сторону порогов был расположен временный лагерь; обычных носильщиков вельбота я оставил под надзором доктора, но он вскоре пришел предупредить меня, что люди не в состоянии даже поднять лодку с места. Я возвратился туда, чтобы лично руководить этой операцией, и мне удалось заставить их перетащить вельбот на половину пути, как вдруг мой европейский слуга прибежал, задыхаясь и крича изо всей силы:

– Сэр! Эмин-паша приехал!

– Эмин-паша?

– Точно так. Я его видел в лодке. У него на корме красный флаг, такой же, как у нас. Истинная правда, сэр!

Можно себе вообразить, какой вышел переполох; вельбот кинули на землю, как раскаленное железо, и бросились бежать вперегонки, и начальство, и подчиненные. В лагере тоже смятение. Вскоре мы узнали, в чем дело: вверх по реке шли на веслах девять человек маньемов, служителей некоего Уледи Балиуза, известного среди туземцев под именем Угарруэ. По слухам, ставка его находилась за восемь дней пути вверх по реке, и у него под начальством было несколько сот вооруженных воинов.

Итак, опять арабы, даже и в верховьях Арувими! А я-то льстил себя надеждой, что покончил все счета с этими негодями! Они рассказали, что по распоряжению Угарруэ пятьдесят человек их команды стоят на 10 километров выше, а посланы они для того, чтобы осмотреть берега этой не знакомой им реки, на которой их старшина основал свое селение, и узнать, нельзя ли по ней добраться до Стенлеевых порогов.

Мы дали им на этот счет всякие сведения, а они предложили нам на следующую ночь воспользоваться их лагерной стоянкой и ушли. Эти известия несказанно обрадовали занзибарцев, и мы вскоре узнали причину такого восхищения: в тот же вечер некий Джума бежал из отряда, унеся с собой 50 кг сухарей.

1 сентября на рассвете мы перевалили через пороги и, следуя на веслах с тою же скоростью, с какой шел караван, пришли к той деревне, где маньемы останавливались накануне. Затем мы пошли дальше и остановились у подножья новой гряды порогов.

Осмотрев пороги на следующий день, Саат-Тато объявил, что перевал не представляет особенных затруднений. Пока экипаж челнока занимался этим опасным делом, я разослал нескольких разведчиков поискать наших, накануне убежавших, беглецов. Они привели одного и притащили обратно украденный им ящик со снарядами и три ружья. Разведчики накрыли воров в ту самую минуту, когда те делили содержимое ящика. Завидя прежних товарищей, «храбрецы» бросились бежать, покинув на месте часть добычи.

3-го числа еще пятеро бежали; на этот раз дезертиры унесли один ящик с патронами Ремингтона, один с патронами Винчестера и один с европейскими консервами, да еще тук с дорогими арабскими костюмами ценою в 50 фунтов стерлингов. Еще одного молодца мы поймали за расхищением ящика с провизией, из которого он уже достал саго, либиховский бульон, масло и сгущенное молоко. В два дня у нас сбежало десять человек. Если так пойдет, месяца через два мы останемся одни-одинехоньки. Я посоветовался со старшинами, и они уговорили меня не прибегать к крайним мерам. Однако скоро поневоле придется это сделать. После выступления из Ямбуи мы потеряли 48 карабинов и 15 ящиков патронов системы Максима, Винчестера и Ремингтона.

На другой день бежали четверо носильщиков, пятого изловили. Я тотчас собрал всех людей, и так как старшины отказались от поручительства за своих подчиненных, то я распорядился, чтобы все существенные части карабинов отвинтили и немедленно заперли отдельно. Обезоружив людей таким образом, я отнял у них средства к побегу. С того часа, как мы встретили маньемов, деморализация делала быстрые успехи: люди вскрывали ящики, крали ткани, бусы, растаскивали снаряды и все это бросали или прятали вблизи дороги, чтобы потом разыскать.

Транспортировка вельбота через джунгли

5-го числа мы ночевали у «Раздолья гиппопотамов» – так называли мы одно расширенное место реки, где видно было много гиппопотамов. Лагерь расположился на запущенной лужайке, ставшей их пастбищем, и вид этих давно не виданных, прелестных ковров зеленой муравы подал нам надежду, что мы уже недалеко от обещанных стран.

Фуражиры, разосланные по обоим берегам, доставили четырех коз, бананы, жареных крыс, вареных жуков, улиток. 6-го остановились у подножья водопада против селения Бафи-

адо, в котором удалось достать обильный запас бананов. На другой день перетащили челноки через пороги, на которых вода падает с высоты более двух метров.

За водопадами река до порогов Авакуби описывает дугу; там мы сделали привал. Мои отошавшие люди поймали на торной тропинке внутри леса женщину и ребенка; но ни один из переводчиков не понимает ни слова из их речей.

На другой день – опять пороги.

В этой области процветает гвинейская пальма¹¹, у деревень мы находим целые кучи пальмовых орехов, а недавние посадки этого дерева указывают даже на некоторую заботливость о будущем.

Ахмет, тот самый сомали, который не захотел отставать от нас в Ямбуе и которого от самого Янкондэ мы должны были перевозить в лодке, совсем при смерти. Доктор говорит, что у него меланоз; но какая бы ни была эта болезнь вначале, теперь он, несомненно, чахоточный, и у него остались только кожа да кости.

Обогнув мыс и пройдя небольшую излучину реки, мы увидели, что она внезапно превращается в бурный поток, загроможденный утесами из сланца. На первом плане кипят волны, стремящиеся по крутому уклону вперегонки, и каждая из них, разбиваясь, осыпает предыдущую брызгами и пеной; затем с высоты десяти метров низвергается отвесный водопад, а за ним еще ряды уступов с бурлящими между ним водоворотами – и все эти потоки, брызги и пена, как бы подернутые туманом, бешено летят нам навстречу. При виде такой преграды у меня опустились руки. Наша флотилия везла 120 выюков и постоянно от 50 до 60 человек больных и слабосильных. Бросить этих бедняков в лесу казалось мне невыносимым. Унести выюки на себе и продолжать путь пешком – невозможно. Перетащить челноки на баграх, а вельбот перенести на руках мимо этого длиннейшего водопада представлялось мне решительно невыполнимой задачей.

Оставив челноки ниже порогов, я провел людей до заброшенного селения Наваби, расположенного выше водопада у одного из поворотов Итури (Арувими). Больные тащились вслед за караваном, а тех, которые не могли идти, перенесли. Затем прорубили в тущобе дорогу для перетаскивания челноков. Все это заняло два дня, в течение которых отряд № 1 ходил за провиантом, побывал и в окрестности, и дальше, но добыл очень немного.

Наваби было прежде замечательно цветущим поселением. Вокруг него были целые рощи гвинейских пальм, плантации бананов, кукурузы и табаку. Хижины под тенью пальм имели какой-то идиллический характер – так по крайней мере показалось нам по тропической живописности двух хижин, оставшихся целыми. Все остальное было уничтожено. Кто-то, может быть, даже из шайки Угарруэ, сжег деревню, срубил пальмы, разорил плантации и усыпал землю костями ее защитников. В пределах нашего нового бивуака в Наваби подняли пять детских черепов.

12-го числа, выступая, мы принуждены были покинуть пятерых умирающих, уже потерявших сознание. Ахмет, сомали, был в их числе.

Из Наваби мы пришли на побережье Мемберри, очевидно, излюбленное место слонов. Одного из них, с наслаждением купающегося у правого берега, мы увидели недалеко от себя. В своем стремлении добыть мясной пищи я решился попытать счастья и выбрал для этого карабин 577-го калибра, один из тех, которые так высоко ценятся индийскими охотниками. Ружья № 8 остались под охраной майора Бартлота и мистера Джемсона. С нескольких мет-

¹¹ Гвинейская пальма (*Elacis guinensis*) – основной источник жиров в Экваториальной Африке. Возраст плодоношения от 4 до 100 лет. В незрелых плодах содержится жидкость со вкусом, напоминающим молоко. Из мякоти зрелого плода выжимают пальмовое масло, которое употребляется в пищу, для освещения, а также в парфюмерной промышленности. Из пальмового сока делают игристое вино. Молодые листья, или «пальмовую капусту», тоже употребляют в пищу. Старые листья используются как кровельный материал.

ров мне удалось всадить в тело животного шесть пуль, но я только понапрасну изранил его, другого результата не добился.

На общем смотре всего каравана получился следующий вывод:

23 августа было – 373 человека.

12 сентября было – 343 человека.

Убыло 30 человек: 14 дезертиров и 16 умерших; носильщиков – 235, вьюков – 227, больных – 58 человек.

К этим цифрам, и так довольно красноречивым, надо прибавить еще то, что каждый из членов экспедиции страдает от голода; чем дальше мы подвигаемся, тем скуднее становятся средства к удовлетворению все возрастающей потребности в пище; невольники бакусу и васонгора под предводительством маньемов шайки Угарруэ разорили плантации, перерезали жителей либо вынудили их искать убежища в лесах.

На другой день мы пришли к порогам Амири; один из наших старшин, Саади, получил выговор за то, что допустил некоего Макупетэ уйти разыскивать ящик, которого на проверке не досчитались; тогда сам Саади возымел несчастную мысль пойти искать Макупетэ, и ни тот, ни другой не возвратились. Другой носильщик, Уледи Манга, утомленный непосильной работой, а может быть, напуганный открывающеюся перед нами мрачной перспективой, бежал, также захватив с собой ящик.

Из шести занзибарских ослов, приведенных нами из Ямбуи, оставалось только три. Один из них, должно быть, также в предчувствии грядущих бедствий, бежал. Куда он девался? Неизвестно. Что пользы искать что-либо или кого-либо в этих лесах. Как волна, рассекаемая носом корабля, сливается снова вслед за кормою, так и вечный лес погребает в своих темных глубинах все, что исчезает за его опушкой.

15-го поставили палатки около старой рыбацкой хижины. Описав громадную дугу к северо-востоку, река отклоняется к юго-востоку, и мы с 1°58' перешли к 1°24' северной широты.

Вот уже несколько дней, как мы ежедневно теряем по ящику с боевыми снарядами. Я тщетно перепробовал все средства к прекращению такого грабежа и, наконец, придумал связывать ящики по восьми штук в ряд и каждую такую цепь поручать старшему, под его личную ответственность. Таким образом, думалось мне, можно сколько-нибудь удержать людей от захождения в лес под всевозможными предложениями.

16-го, во время полуденного привала на реке, раздалась сильная ружейная пальба. Саат-Тато, посланный на разведку, возвратился спустя полчаса, давая знать о себе тремя выстрелами, и через несколько минут вместе с нашей лодкой показались еще три, с людьми в белых одеждах и украшенные красными флагами. Они явились приветствовать нас от имени своего повелителя Угарруэ, который сам приедет ко мне с визитом на вечернюю стоянку. После обмена приветствиями они пустились в обратный путь вверх по реке, стреляя из ружей и с песнями.

В 4 часа пополудни мы стали лагерем несколько ниже ставки Угарруэ. В ту же минуту барабанный бой, ружейные залпы и целая флотилия челноков возвестили нам прибытие арабского начальника. Его сопровождали 50 рослых молодцов, хор песенников и женщины. Все они имели вполне здоровый и бодрый вид.

Гость назвал себя Угарруэ; это занзибарское название Луалабы, по-туземному Руарауа. В прежние времена наш новый приятель был известен под именем Уледи Балиуз, т. е. консульский Уледи. С 1860 по 1863 г. он сопровождал экспедиции капитанов Спика и Гранта в качестве прислужника в палатке; потом его позабыли, либо сам он бежал в Униоро. Он принес нам в дар двух жирных коз, 20 кг рису, спелых бананов и кур.

На мой вопрос, найдем ли мы достаточно съестных припасов поблизости от его ставки, он, к крайнему нашему огорчению, отвечал, что его люди разорили весь край, что в этом,

впрочем, трудно было бы помешать им, так как они были страшно возбуждены против этих «язычников» за кровавые расправы туземцев со многими караванами, занимавшимися добычей слоновой кости.

Он сказал, что страна, где мы теперь находимся, называется Бунда, ее жители – бабунда, туземцы северного берега – бапай, или бавайя. Одна из его шаек, отправившаяся, вероятно, на разбой, в продолжение целого месяца шла все на восток и там с высокой горы (может быть, Кассололо) видела травянистую страну, простирающуюся дальше к востоку.

Далее он сообщил, что его караван, состоящий из 600 человек, вышел из Кибонгеса на Луалабе (повыше устья реки Леопольда) и в девять месяцев прошел 680 км к северо-востоку, не выходя из лесу и на всем пути не встретив ни одной горсти травы; по дороге им пришлось переходить только через одну реку – Линди, прежде чем они достигли Итури, т. е. Арувими; от арабских купцов они узнали, что Лулу (Луа) течет из небольшого озера, называемого Озо¹², где добывают множество слоновой кости.

Выше по реке, в четырех часах ходьбы, Угарруэ владеет другим селением, в котором у него еще сотня стрелков; это селение расположено при впадении Ленды, южного притока Арувими. Его люди сеют рис, которого мы отведали, и лук. Но окрестности своих поселений они совершенно опустошили, считая неблагоразумным иметь соседями таких «язычников-убийц». Они потеряли уже до двухсот человек людей из племен бакусу и васонгора и несколько храбрых начальников маньемов. Однажды пропало сразу 40 человек, из которых так ни один и не вернулся. В ставке Угарруэ и посейчас гостит один араб, потерявший всех носильщиков своего каравана.

Между прочим, Угарруэ выразил полную готовность дать мне внаймы несколько человек из своих людей и без всяких уговоров согласился дать приют всем больным, которые не в состоянии будут идти со мной; вопрос о вознаграждении мы оставили пока открытым.

17-го мой караван стал на берегу Итури, против лагеря Угарруэ.

После полудня я на вельботе переплыл реку, чтобы отдать визит арабам. У них чрезвычайно обширное селение, огороженное высокими заборами из частокола, подбитого с внутренней стороны дранкой, чтобы сделать его непроницаемым для стрел; дранки в несколько рядов и притом в поперечном направлении. В центре селения, фасадом к реке, возвышалось жилище начальника, очень удобное и вместительное. Толстые и высокие стены его, из обожженной глины, с проделанными в них бойницами, делают его похожим на крепость.

Проходя коридором, отделяющим приемные залы от жилых комнат хозяина, я видел обширный квадратный внутренний двор, до двадцати метров в поперечнике, окруженный зданиями и наполненный невольниками. В этом временном жилище арабского старшины было что-то напоминавшее средневековый баронский замок: множество снующих взад и вперед прислужников, широкое жительство, простор, довольство и раздолье.

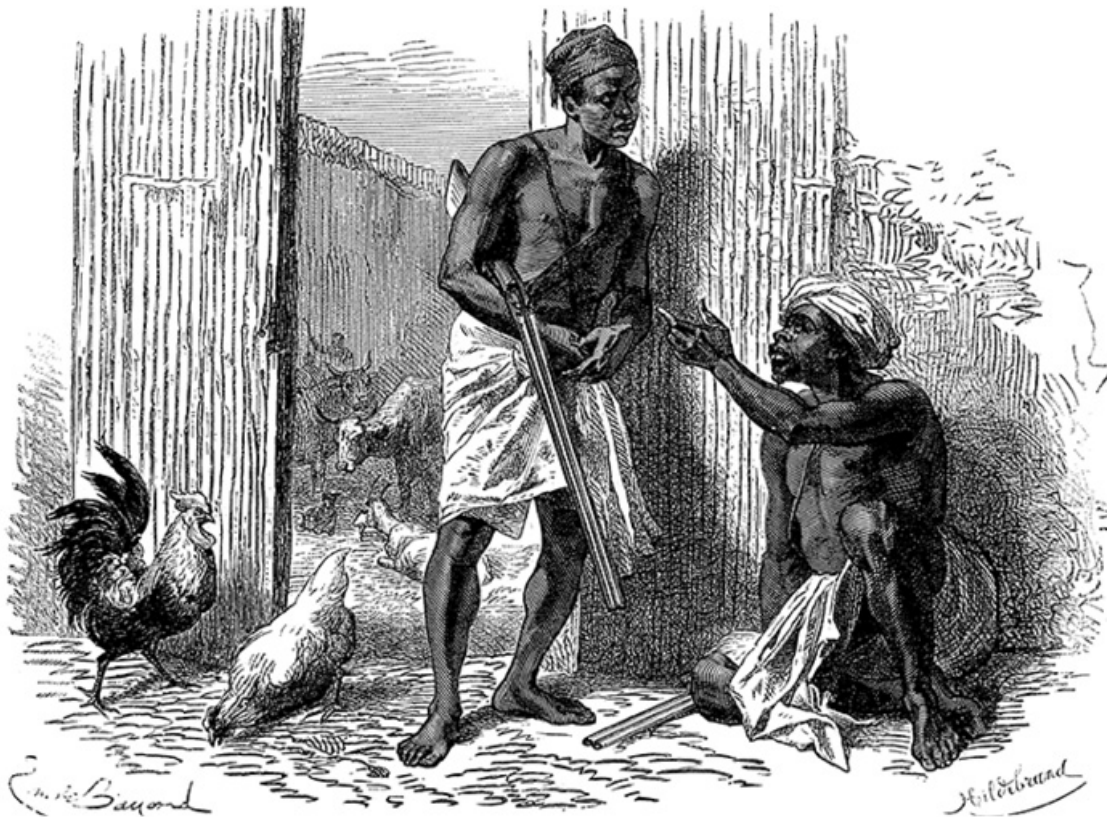
Мне сказали, что на протяжении нескольких дней ходьбы река все течет с востока; гораздо выше с севера в Итури впадает Иуру, а с юга, кроме Ленды, в нее впадает еще приток – Ибина.

Еще выше, кто говорил – за 10 дней ходьбы, кто – за 20, поселился еще один арабский начальник, известный под именем Килонга-Лонга, настоящее имя которого было тоже Уледи.

Здесь я увидел первого представителя племени карликов, которых, говорят, очень много к северу от Итури и на востоке, за притоком Нгаю. Это была девушка лет семнадцати, ростом 84 см, вполне сформированная, с блестящей и нежной кожей. Она была не лишена грации и очень миловидна. Мне она показалась просто хорошенькой цветной женщиной в

¹² Озера Озо не существует. Стенли так и не побывал в тех местах, где оно обозначено, а потому указывал его со слов арабов. На этом месте существует небольшая река Озо, которая продолжается рекой Лоуа, притоком Луалабы.

миниатюре, с цветом лица квартеронки¹³ или, пожалуй, желтоватой слоновой кости. Глаза у нее были великолепные, но слишком велики по ее росту, вроде как у газели: крупные, выпуклые и очень живые. Эта девица ходила совершенно обнаженная, что ее, по-видимому, нимало не смущало, и, привыкнув, чтобы на нее любовались, она с большим удовольствием подвергалась нашим любопытным взорам. Ее нашли у истоков Нгайю.

У входа в селение маньемов

Наша пристань представляла теперь самое оживленное зрелище: продавцы бананов, бататов¹⁴, сахарного тростника, риса, маниоковой муки и домашней птицы, громко выкрикивая свой товар, звали покупателей, а бумажные материи и бусы быстро переходили из рук в руки.

С раннего утра я выслал лодку навстречу отставшим, которые не в силах были сами добраться до лагеря, и к трем часам пополудни нам привезли пятерых больных, которые совсем было собрались умирать.

Мы положили в вельбот и челноки больных и перевезли их в арабскую ставку; по договоренности, Угарруэ будет содержать их за плату по 5 долларов в месяц за каждого человека до прибытия майора Бартлота или другого лица, письменно мною на то уполномоченного.

Напомню здесь, что 31 августа, за один день пути от Авиджили, против слияния Арувими с Непоко, мы встретили посланцев от Угарруэ. Эти люди не пошли далее вниз по реке, а вернулись тогда же к Угарруэ и, передав ему то, что от нас узнали, считали свое дело сданным. Угарруэ хотелось достать пороху, который у него почти весь вышел. У майора

¹³ Квартеронка – женщина с четвертью негритянской крови.

¹⁴ Батат, или сладкий картофель, – многолетнее растение с ползучими стеблями. В пищу идут клубни (в печеном виде), размер которых обычно – 2–3 кг. Важная продовольственная культура тропической Африки.

Бартлота порошу должно было быть еще две с четвертью тонны, и мы сказали арабам, что в настоящее время майор идет вверх по реке вслед за мной, но за множеством грузов подвигается очень медленно и может прийти сюда не раньше, как через несколько месяцев. Мне хотелось устроить сообщение с Бартлотом, и потому я сговорился с Угарруэ, что если он пошлет своих людей вниз по реке и прикажет им держаться южного, т. е. левого, берега до встречи с майором, то я напишу ему, чтобы он выдал им 136 кг порошу. Угарруэ обещал в течение месяца выслать человек сорок своих разведчиков и рассыпался в благодарностях.

Мне стало ясно, что наши дезертиры-занзибарцы также ошиблись в расчетах, как и мы. Воображая, что встреченные нами люди Угарруэ продолжают идти на запад, по какому-нибудь известному им пути, занзибарцы поспешили бежать также к западу, надеясь к ним присоединиться; между тем люди Угарруэ тогда же повернули на восток и вернулись к своему хозяину. По заключении договора с Угарруэ, который громко при всех объявил о нем, я был уверен, что теперь уж больше побегов не будет.

Он действительно выслал людей, как обещал, между 20 и 25 октября; им удалось спуститься до Осиных порогов, в 265 км от Ямбуи, но с этого места они вынуждены были вернуться назад, благодаря понесенным потерям в людях и враждебности туземцев.

Мы так устали от путешествия водой с ежедневной возней перетаскивания челноков через пороги, что я заявил Угарруэ о своем намерении выступить отсюда сухим путем; но он настоятельно отговорил меня от такого плана, так как, за выбытием из каравана всех больных, люди в значительной степени освобождались от несения грузов, и, кроме того, на основании полученных им сведений, река в верхней своей части гораздо более удобна для плавания, чем на пройденных нами низовьях.

От Угарруэ к Килонга-Лонге

Экспедиция снова сформировалась из отборных людей. Я значительно успокоился насчет колонны арьергарда и относительно судеб наших несчастных больных. Мы выступили из ставки Угарруэ, имея 180 вьюков груза на вельботе и в челноках, а 47 вьюков несли сухим путем, с тем расчетом, чтобы каждому из четырех отрядов досталось нести их не более одного раза в четыре дня. 19-го числа арабы несколько часов сопровождали нас как для того, чтобы указать дорогу, так и для пожелания счастливого исхода нашего предприятия.

Когда мы остановились на ночевку и вечерние сумерки быстро сгустились, на реке показался челнок от Угарруэ и в нем три связанных занзибарца. На мой вопрос, что это означает, мне ответили, что эти занзибарцы убежали от меня, а Угарруэ поймал их вскоре после своего возвращения в ставку. Они бежали, конечно, с ружьями, а кисеты их доказывали, что они умудрились по дороге накрасть достаточное количество патронов. Я отблагодарил Угарруэ, послав ему револьвер и 200 патронов.

На ночь пленников засадили под караул. Перед отходом ко сну я тщательно обдумал, как теперь быть с этим народом. Если опять посмотреть на дело сквозь пальцы и не принять строжайших мер, то вскоре придется вернуться назад и сказать себе, что столько сил, жизней и страданий потрачено совершенно даром.

Утром я собрал всю команду и произнес приличную случаю речь, которая была принята с полным сочувствием. Все согласились с тем, что мы по мере сил и возможности исполняли свой долг, что все мы довольно натерпелись, дезертиры же действовали, как подлые рабы, не имеющие, по-видимому, никакого нравственного чувства, ни совести. Они вполне согласились и с тем, что если бы туземцы попытались украсть наши ружья, которые для нас все равно что «наши души», то мы вправе были бы застрелить их за это, и что если люди, получающие за свой труд плату и пользующиеся нашим покровительством и хорошим с ними обхождением, вздумают ночью перерезать нас, то они подлежат расстрелу.

— Хорошо же, — сказал я, — вот как раз те люди, которые сделали все это: они украли наше оружие и бежали, унося с собой наши оборонительные средства. Вы говорите, что застрелили бы туземца, если бы он помешал вам идти вперед или пробираться назад, куда вам нужно. А эти что делали? Ведь если у нас утащат все ружья и боевые припасы, нам ни назад, ни вперед нельзя будет двинуться.

— Нельзя, — соглашаются они.

— Значит, вы приговорили их к смерти. Один умрет сегодня, другой завтра, третий послезавтра; и с этого дня каждый вор и каждый дезертир, кто не исполняет свой долг и подвергает опасности жизнь своих товарищей, умрет.

Виновников спросили, кто они и откуда. Один ответил, что он невольник Фарджала-бен-Али, одного из старшин отряда № 1; другой оказался невольником какого-то банианца в Занзибаре; третий — невольником ремесленника в Уньянь-ямбе.

Кинули жребий: кто вынет самый короткий клочок бумаги, тот и будет казнен сегодня.

Жребий пал на невольника Фарджала. Перекинули веревку через толстый сук, и сорок человек по команде взяли за один конец веревки; на другом сделали петлю и накинули ее на шею преступника.

— Не имеешь ли чего сказать перед смертью?

Он отрицательно покачал головой. По данному знаку его вздернули. Прежде чем кончились последние содрогания, экспедиция выступила из лагеря, оставив за собой арьергард и речную команду.

В этот день мы сделали хороший переход. Вдоль берега шла торная тропинка, что значительно облегчило труд каравана. По дороге мы тщательно обыскивали деревья, но нашли

всего десять гроздьев самых мелких бананов. За один час пути от слияния рек Ленды и Итури мы стали лагерем.

У противоположного берега увидели одного купающегося слона; капитан Нельсон, с такой же двустволкой, как у меня, я и Саат-Тато, наш искусный стрелок, отправились через реку и остановились в 13–14 м от благородного зверя. Всадив в него одновременно три пули, а в следующую секунду еще две, и притом в самые чувствительные места, мы не добились ровно никакого толку, слон таки ушел. С тех пор мы потеряли всякое доверие к этим ружьям. Во всю экспедицию нам не удалось убить никакой дичи из этих «экспрессов».

Вскоре капитан Нельсон выменял свое ружье на небольшой запас съестных припасов у Килонга-Лонги, а я расстался со своим, подарив его года два спустя Антари, королю анкоров. С номером восьмым или десятым завода Рейли я всегда охотился очень успешно, а потому люди, заинтересованные в вопросах подобного рода, пусть воспользуются нашим опытом.

На рассвете следующего дня, когда серый свет начал проникать сквозь развесистые древесные шатры над лагерем, я послал мальчика за Решидом, нашим главным старшиной.

– Ну что ж, Решид, старый приятель, настал черед казнить другого виновника; пора приготовиться к этому. Ты что скажешь?

– Что же я скажу? Что еще можно делать, как ни убивать тех, кто пытается убить нас? Если перед нами яма, дно которой утыкано острыми кольями и ядовитыми колышками, и мы говорим людям – смотрите, не упадите туда! – не наша вина, коли они зажимают уши, не слушают наших слов и сами туда прыгают. Пускай их вина падет на их головы!

– Но ведь это так тяжело! Решид-бен-Омар, этот дремучий лес ожесточает сердца людские, а голод вытеснил разум из их голов; они ни о чем больше не думают, как о своих пустых желудках; я слышал, что даже матери иногда с голоду пожирают детей своих. Что же удивительного, что слуга бежит от господина, который не может прокормить его.

– Это истина, ясная, как солнце. Но если нам суждено умереть, умрем все вместе. Здесь немало хороших людей, которые во всякое время готовы сложить головы за тебя. А есть и такие – рабы между рабами, – которые ничего не знают и знать не хотят, и когда они бегут от нас и уносят с собой то, что нам нужно для сохранения нашей жизни, пусть они сгинут и пропадут. Всем им известно, что ты христианин, претерпеваешь все невзгоды ради спасения сынов ислама, которые где-то там погибают на берегах великого озера; они же сами исповедуют ислам, а христианина хотят покинуть в лесу. Смерть им!

– Однако, Решид, если бы нашлось средство предупредить побег и нашу близкую гибель, не прибегая к таким суровым мерам, как повешение, что бы ты сказал?

– Я бы сказал, господин, что все средства хороши, а самое лучшее будет то, которое даст им возможность жить и покаяться.

– Ну хорошо, как только я напьюсь кофе, вели трубить сбор. Тем временем приготовь длинную тростниковую веревку и перекинь ее вон через тот толстый сук. Свяжи крепкую петлю из куска свежего каната. Приготовь пленника, отдай его под надзор караульных, а когда услышишь звуки, подойди к каждому из старшин и скажи ему на ухо: «Пойдем со мной просить за него прощения, и оно дастся нам». Я взгляну на тебя и спрошу, что ты имеешь сказать, – тогда и говорите, это будет сигнал. Доволен ли ты?

– Пусть будет, как ты сказал. Люди ответят тебе.

Ножи, маска и циновка из Верхнего Конго

Через полчаса трубили сбор; отряды образовали каре вокруг преступника. Длинная тростниковая веревка с роковым узлом и петлей висела на древесном суку, конец ее извивался по земле подобно громадной змее. Я сказал несколько слов, и один из людей вышел из

рядов и надел петлю на шею пленника; одному из отрядов приказано было взяться за конец веревки.

– Ну, человек, не желаешь ли сказать что-нибудь, прежде чем присоединишься к своему брату, умершему вчера?

Но человек ничего не сказал и даже едва ли расслышал, что я говорил. Тогда я обратился к главному старшине:

– Не имеешь ли ты чего сказать, перед тем как я отдам приказ?

Решид мигнул товарищам-старшинам, и все они рванулись вперед, упали к моим ногам, умоляя о пощаде, энергично ругали воров и убийц, но клялись, что отныне они будут вести себя лучше, лишь бы на этот единственный раз я даровал им прощение.

В эту минуту лица занзибарцев представляли интереснейшее зрелище: все глаза расширились, губы плотно сомкнулись, щеки побледнели, как будто электрическая искра зажгла во всех одно и то же чувство!

– Довольно, ребята! Берите своего товарища, его жизнь в ваших руках. Но вперед, смотрите, у меня будет только один закон для каждого, кто украдет ружье, – веревка на шею и смерть.

Тут произошла такая трогательная сцена, что я изумился: у многих по щекам текли крупные слезы, а глаза у всех были влажны под наплывом страстного чувства благодарности. Шапки и чалмы полетели вверх, люди потрясали ружьями и, подымая прямо руки, восклицали: «Покуда жив «Белая шапка», никто не покинет его! Смерть тому, кто покинет Була-Матари! Веди нас к Ньянце! Покажи только дорогу, теперь мы все пойдем!»

Нигде я не видывал такого взрыва чувства, исключая разве Испании, когда республиканцы разражались бурными восклицаниями в ответ на какую-нибудь великолепную речь, в которой призывали их грудью стоять за новую веру и свободу, равенство и братство.

Плакал также и дезертир; когда с него скинули петлю, он стал на колени и поклялся умереть у моих ног. Я пожал ему руку и сказал:

– Это Божье дело, Бога и благодари.

Снова прозвучала труба, но теперь уже веселыми звуками. Все разошлись по местам, носильщики быстро взвалили на плечи свои тяжелые ноши и пошли вперед, радуясь, точно на празднике. Офицеры одобрительно улыбались. Никогда еще в лесных дебрях на Конго не бывало столько счастливых людей, как в это утро.

Пешая и речная колонны через час, почти одновременно, достигли Ленды. Эта река, шириной около 100 м, по-видимому, очень глубокая. На западном берегу реки расположилась небольшая деревня, банановые рощи которой давно уже были обобраны дочиста.

По окончании переправы я позволил людям пошарить по окрестностям, чтобы добыть пищи. Одни пошли по северному берегу, другие – по южному, но еще задолго до наступления ночи все вернулись, не найдя ни малейших следов съестных припасов.

22 сентября. Пока мы по обыкновению подвигались вперед водой и сушей, я раздумывал, что только четыре дня назад, 18-го числа, я оставил на попечение араба пятьдесят шесть человек больных, а сегодня, глядя на своих людей во время переключки, я заметил около пятидесяти человек, уже совершенно ослабевающих. Даже наиболее крепкие и благоразумные из них были изнурены продолжительным недостатком пищи. Идти дальше по таким местам, опустошенным искателями слоновой кости, казалось мне просто невыносимо. По счастью, однако же, дойдя до Умени, мы нашли там достаточно припасов, чтобы прокормиться целый день, и надежда снова оживила нас. На другой день сбежал некий Абдалла, по прозвищу Горбатый.

На реке в быстрине мы попали между камней: пришлось разгружать челноки, перетягиваться по бечеве, и, наконец, впереди открылся водопад метров двенадцать высотой, а перед ним и за ним еще множество порогов.

Можно бы думать, что в этих местах Итури превращается уже в незначительную речку; но, увидев, какая сила воды стремится через третий большой уступ, мы должны были согласиться, что Итури и здесь еще очень мощная река.

Купающиеся слоны

24-го мы провели день в розысках пищи, в проведении дороги через лес мимо порогов и в развинчивании вельбота для переноски его по частям. Пионеры притащили довольно большое количество бананов, остальные три отряда ровно ничего не нашли. Утесы, торчавшие из-под воды на этих порогах, состояли из красноватой слоистой породы.

На другой день мы миновали и третий водопад и остановились в старом арабском лагере. В течение этого дня никакой пищи не найдено.

На следующий день – новая гряда порогов, опять несколько раз разгружали и снова нагружали челноки и после усиленных трудов и возни, сопряженной с перевалом через опасные пороги, достигли ночлега напротив Аватико.

Как полезны были нам вельботы и челноки, ясно уже из того факта, что для переноски всех наших 227 вьюков нам приходилось три раза пройти одно и то же пространство. Даже и с помощью флотилии эта переноска заняла всех годных людей вплоть до ночи. Люди так отошались от голода, что более трети всего персонала едва могли передвигаться с места на место. Мне самому в этот день с утра до ночи досталось всего только два банана. Некоторые из занзибарцев по два дня уже совсем ничего не ели, а этого довольно, чтобы надорвать самые крепкие силы. Партия фуражиров из отряда № 1 переправилась через реку к селению Аватико и нашла там немного совсем еще неспелых плодов; они взяли там в плен женщину,

которая уверяла, что знает такое место, где бананы бывают длиной больше 30 см, и может провести нас туда.

27 сентября мы дневали в лагере. Я послал лейтенанта Стэрса далее по берегу, а 180 человек отрядил за реку искать пищи, дав им женщину в проводники. Стэрс вернулся с известием, что ни одного селения впереди не видать, но зато он встретился с партией слонов, от которых едва спасся. Занзибарцы же принесли столько бананов, что на каждого человека пришлось от шестидесяти до восьмидесяти штук. Если бы они придерживались такой же благоразумной экономии, как и мы, гораздо меньше было бы несчастий и страданий; но аппетит у этого народа какой-то неудержимый. Количества пищи, беспристрастно всем розданной, могло бы хватить им на шесть или восемь дней, но некоторые из них даже и спать не ложились, а все продолжали есть, надеясь, что когда опять придет нужда, то Бог пошлет им пищи, лишь бы хорошенько попросить его об этом.

30-го пешая и речная колонны сошлись для общего завтрака. В этот день офицеры задали себе настоящий пир. Стэрс нашел в яме живую антилопу, а я нашел много живой рыбы в туземном рыболовном снаряде, поставленном в устье одного мелкого речного притока. Вечером мы расположились на таком участке берега, где ясно видны следы небольшой пристани и переправы. Только что мы успели расположиться на ночлег, как услышали три выстрела. Это означало близость маньемов, и точно – вскоре дюжина красивых молодцов вступила в лагерь. То были слуги Килонга-Лонги, соперника Угарруэ в деле опустошения края, которому оба они посвятили себя.

Маньемы сообщили нам, что селение Килонга-Лонги находится отсюда в пяти днях пути, что вплоть до его ставки страна необитаема, и потому следует запастись бананами, которых, впрочем, очень много найдется здесь за рекой, а травянистые луга от здешнего места еще за целый месяц ходьбы. Они советовали нам дня на два остановиться для заготовки провианта, на что мы очень охотно согласились, так как добыть съестных припасов было в самом деле настоятельно необходимо.

В первый день стоянки поиски пищи остались вполне безуспешны, но на другой день с раннего утра я отрядил значительную часть людей под командой лейтенанта Стэрса и доктора Пэрка на северный берег. К вечеру фуражиры принесли столько бананов, что мы смогли раздать по сорок штук на человека. Некоторые из наиболее предприимчивых набрали больше, но крайняя нужда несколько притупила в них чувство совестливости, и они прятали свою добычу для себя.

3 октября утром, вскоре по выходе из лагеря, мы вступили в котловину, окруженную холмами, возвышавшимися от 75 до 200 м над уровнем реки, а дойдя до пределов этой котловины, увидели извилистый, каналообразный и чрезвычайно бурный поток. Весь пейзаж напомнил нам в миниатюре один из каньонов Конго, обрамленный высокими холмами. Я предчувствовал, что теперь мы встретим такие серьезные затруднения, каких еще не было на нашем пути. Мы прошли на веслах еще пять километров, но подвигаться вперед стало так трудно, что нам не удалось догнать пеший караван.

4-го мы прошли еще около 2,5 км и переправили экспедицию на северный берег, так как нам говорили, что Ипото – поселение маньемов – расположено на этой стороне. Маньемы между тем исчезли, а за ними скрылись и трое из наших. Еще двое умерли от дизентерии. При переправе у нас было немало разных бед: один из челноков два раза был под водой, стальной вельбот едва не погиб, и его так сильно исколотило о подводные камни, что от этих ударов пострадали и наши хронометры, до тех пор работавшие безукоризненно. Я бы охотно в тот же день отказался от передвижения по реке, но дичь и глушь ужасной, необитаемой и бесплодной трущобы, а также полное истощение и хилость людей пугали меня, и я не решился. Мы все еще надеялись, что придем в такое место, где можно будет отдохнуть и

достать пищи, а этого, по-видимому, нельзя было достигнуть вплоть до ставки Килонга-Лонги.

На следующий день к десяти часам утра, пройдя некоторое расстояние по необычайно бурному потоку, мы пришли к такому месту, где река образовала резкий изгиб с северо-востока на восток, в малом масштабе напоминая Нсона-Мамбу на нижнем Конго. Выйдя на берег в начале этого изгиба и стоя на утесе лавообразной породы, я сразу увидел, что тут кончается возможность навигации в челноках. Горы высились все круче и не ниже 200 м; река сузилась до 20 м, а на расстоянии около 90 м выше того пункта, где я стоял, из узкой долины вырывалась клокочущая и бешеная река Ихуру, приток Итури. Сама Итури низвергалась как бы с высоты, образуя исполинскую лестницу водопадов, и, соединив свои воды с водами притока, с ревом, с гулом и с невероятной быстротой стремилась между стеснившихся берегов, покрытых дремучими лесами.

Я послал за реку гонцов вдогонку каравану, шедшему под предводительством Стэрса, и, когда они вернулись, переправил людей снова на южный берег.

На последней перекличке нас, черных и белых, было всего 271 человек. С тех пор двое умерло от дизентерии, один – от истощения, четверо бежали, и одного мы повесили; следовательно, осталось 263 человека. Из этого числа пятьдесят два превратились в скелеты. Началось с того, что они покрылись чирьями и потому не могли участвовать в добывании пищи, а потом, получая свою долю провианта, не думали экономить его, а поедали свои припасы немедленно и оставались совсем без пропитания в те дни, когда новой добычи не было. Способных идти осталось у меня всего 211 человек, в числе которых было сорок неносильщиков, вьюков же оставалось 227, так что теперь, когда понадобилось нести их сухим путем, оказалось восемьдесят мест без носильщиков.

В последние две недели у капитана Нельсона также образовалось до двенадцати мелких чирьев, которые, постепенно разрастаясь, причиняли ему немало страданий. Итак, в тот день, когда бурная река решительно сделала невозможным дальнейшее передвижение водой, Нельсон и пятьдесят два человека команды оказались окончательно неспособными идти дальше.

Положение было в высшей степени затруднительное. Нельсон – товарищ, и для его спасения следовало употребить все силы и меры. Относительно пятидесяти двух чернокожих мы также были связаны торжественными обязательствами; и как ни тяжелы были окружающие обстоятельства, мы не настолько были подавлены ими, чтобы вовсе потерять надежду спасти всех.

Так как маньемы говорили, что их поселение находится в пяти днях пути, а мы уже прошли двухдневное расстояние, то ставка их или деревня должна быть не дальше, как за три дня ходу. Капитан Нельсон подал мне мысль, что если послать вперед смышленных разведчиков, то они могут дойти до ставки Килонга-Лонги гораздо прежде колонны. С этим все, конечно, согласились, а так как самыми смышленными в отряде были старшины, то главного их начальника с пятью другими старшинами я тотчас отрядил вперед, приказав им как можно скорее идти южным берегом до тех пор, пока они найдут какую-нибудь пристань, откуда можно будет переправиться на другой берег Итури, отыскать селение и немедленно добыть запас провианта.

Перед отправлением в путь офицеры и команда пожелали узнать, думаю ли я, что впереди в самом деле будет арабское селение. Я ответил, что нимало не сомневаюсь в этом, но считаю возможным, что маньемы неточно показали расстояние, уменьшив его, может быть, из желания ободрить нас, поощрить наше усердие или просто успокоить наши тревоги.

Я сообщил несчастным калекам о нашем намерении идти дальше, пока не найдем пищи, дабы всем вместе не пропасть, и прислать им провианта, как только нам удастся достать его; потом сдал пятьдесят двух человек, семьдесят один вьюк и десять челноков под

надзор капитана Нельсона, просил его не падать духом, и, взвалив на плечи наши тюки и разобранный по частям вельбот, мы пустились в путь.

Трудно себе представить более печальное место для лагеря, чем эта узкая песчаная терраса, окруженная утесами, окаймленная стеной темных лесов, которые, начинаясь у самой воды, лезут по берегам до высоты 200 м, между тем как в воздухе стоит немолчный рев бушующего потока и двойного ряда водопадов, состязающихся в быстроте и шуме.

Невольно содрогаясь, вникая в безвыходное положение наших несчастных больных, осужденных оставаться на месте без всякого дела и каждую минуту прислушиваться к страшному гулу разъяренных волн, к однообразной и непримиримой борьбе непрерывно бушующих рек, наблюдать, как эти волны прыгают, извиваются, образуют сверкающие столбы, каждую секунду меняющие форму, как быстрина увлекает их вперед, разбивает на клочки белой пены и раскидывает врозь; вглядываться в неумолимую глубину темного леса, расстилающегося и вширь, и вверх, и вокруг, вечно окутанного своей тусклой зеленью и схоронившего в своих недрах столько протекших веков, столько поколений, давно минувших и исчезнувших.

А ночь, с ее непроницаемой, осязательной темнотой, с черными тенями по лесистым холмам, с неумолкающим гулом водопадов; а эти неопределенные формы, что возникают из темноты, под влиянием физического истощения и нервного ужаса, и сознание безлюдья, одиночества и затерянности в этой глуши – подумайте обо всем этом, и тогда вам понятнее станет, в каком положении остались эти несчастные.

А мы тем временем ползли вперед, взбирались по лесистым скатам, стараясь достигнуть верхнего гребня холмов; шли не зная куда, не смея думать о том, сколько именно придется идти в поисках пищи и с угнетающим сознанием двойной ответственности как за тех доверчивых, славных людей, которые шли с нами, так и за тех, не менее доверчивых и славных, которых мы покинули на дне ужасной долины!

Глядя на моих бедняков, с таким трудом подвигавшихся вперед, я думал, что судьба наша должна решиться в течение нескольких часов. Пройден день, может быть, два, и жизнь отлетит. Как жадно они всматривались в чащу леса, ища глазами красных ягод фринии и кисловатых пурпуровых, продолговатых плодов амомы! Как набрасывались на плоские лесные бобы и наслаждались попадавшимися грибами! Короче сказать, в этой жестокой бескормнице мы ничем не брезговали, кроме древесины и листьев. Проходя несколькими заброшенными просеками, люди разыскивали бывшие банановые плантации, срезали стволы бананов и, перемешав их с лесными травами, варили из этого похлебку; фенесси¹⁵ и другие крупные плоды сделались предметами наших постоянных дум и помышлений.

Возвращаться нам было нельзя, оставаться на месте невозможно; переменяя место, мы лишь обменивали одно зло на другое, и с каждым днем мы сами приближались к своей гибели.

7 октября в половине седьмого часа утра мы вступили своим похоронным шагом в неизведанные дебри нагорного леса. По пути собирали грибы и дикие плоды матонга и после семичасового перехода расположились на ночлег. В 11 часов утра мы, по обыкновению, делали привал для завтрака. У каждого из офицеров был еще небольшой запас бананов. Я лично мог себе уделить не больше двух; товарищи мои были не менее меня умеренны и экономны, и трапеза наша закончилась чашкой чая без сахара. Мы сидели и обсуждали свои дела, разговаривая о том, могли ли наши гонцы достигнуть какого-нибудь поселения сегодня или завтра, и в какой срок можно ожидать их обратно; между прочим, товарищи спрашивали меня, испытывал ли я такие же бедствия во время прежних моих путешествий по Африке.

¹⁵ Фенесси – разновидность хлебного дерева.

– Нет, – отвечал я, – таких еще не испытывал. Натерпелись мы и тогда, но до такой крайности не доходили. Эти девять дней пути до Итури были ужасны. Когда мы бежали из Бумбирэ, мы очень страдали от голода; также и тогда, когда плыли вниз по Конго для определения его течения, мы были в довольно жалком положении; но все же совсем без пищи мы не оставались и притом нас поддерживали великие надежды. Говорят, что время чудес миновало, но отчего бы это? Моисей источал воду из камня при Хореве для израильтян, томившихся жаждой; у нас воды довольно, и даже слишком. Вороны прилетали кормить пророка Илью у реки Керита; но во всем этом лесу нет ни одного ворона. Христу прислуживали ангелы; не дождемся ли и мы ангела с небес?

В эту минуту послышалось как бы шуршанье крыльев большой птицы. Мой маленький терьер Ренди поднял ногу и вопросительно посмотрел вверх; мы тоже подняли головы, но в ту же секунду птица очутилась под носом у Ренди, который схватил ее зубами и держал, как в железных тисках.

– Ну вот, друзья, – сказал я, – боги к нам милостивы, и время чудес еще не миновало. – И товарищи с изумленным восхищением взирали на птицу, которая оказалась жирной, превосходной цесаркой.

Эту цесарку мы очень скоро поделили между собой, не позабыв наградить и виновника торжества, Ренди; собачка как будто сознавала, что общее уважение к ней увеличилось и каждый из нас по-своему наслаждался ее добычей.

На следующий день, ради облегчения носильщиков, тащивших стальные части вельбота, я просил мистера Джефсона свинтить его снова. Часа через два ходьбы вдоль берега мы пришли к месту, с которого виден был обитаемый островок.

Передовые разведчики, взяв первый попавший челнок, бросились прямо к островку, намереваясь так же бесцеремонно, как Орландо, захватить пищи для голодных¹⁶.

Чего вам нужно, дерзновенные?

Нам нужно мяса! Двести человек бродят в этих лесах, изнемогая от истощения!

Но туземцы и не расспрашивали ни о чем, а очень деликатно исчезли, оставив нам все свои съестные сокровища. На нашу долю пришлось два фунта кукурузы и полфунта бобов. Всего разыскали до двадцати пяти фунтов зерна, которое роздали людям.

После полудня я получил записку от Джефсона, отставшего с вельботом: «Бога ради, если достали пищи в поселке, пришлите нам чего-нибудь».

Я отвечал Джефсону, чтобы он попробовал отыскать раненого слона, в которого я стрелял и который спасся на один из островков, а в ответ на его мольбу мог послать ему только горсть кукурузы.

9 октября сотня людей вызвалась переплыть на северный берег и проникнуть немного вглубь леса с твердым намерением не возвращаться, пока не добудут какой-нибудь провизии. Я отправился вверх по реке с речным экипажем, а Стэрс – вниз по реке до примеченной им тропинки, которая, как он надеялся, могла привести к селению, остальные, настолько ослабевшие, что не могли идти далеко, бродили по лесу в поисках диких плодов и лесных бобов. Эти бобы, величиной вчетверо больше наших крупных огородных сортов, заключены в бурой, кожистой шелухе. Вначале наши люди просто шелушили их и варили в воде, отчего у них болели желудки.

Но одна туземная старуха, захваченная на островке, иначе приготавливала: она не только шелушила их, но сдирала и внутреннюю кожицу, а потом скоблила бобы, как у нас скоблят мускатный орех. Из этого вещества, вроде муки, она пекла лепешки для своего нового хозяина, и он в восторге кричал, что они очень вкусны. Тогда все принялись собирать бобы, которых в лесу попадалось довольно много. Мне принесли попробовать этого печенья, я

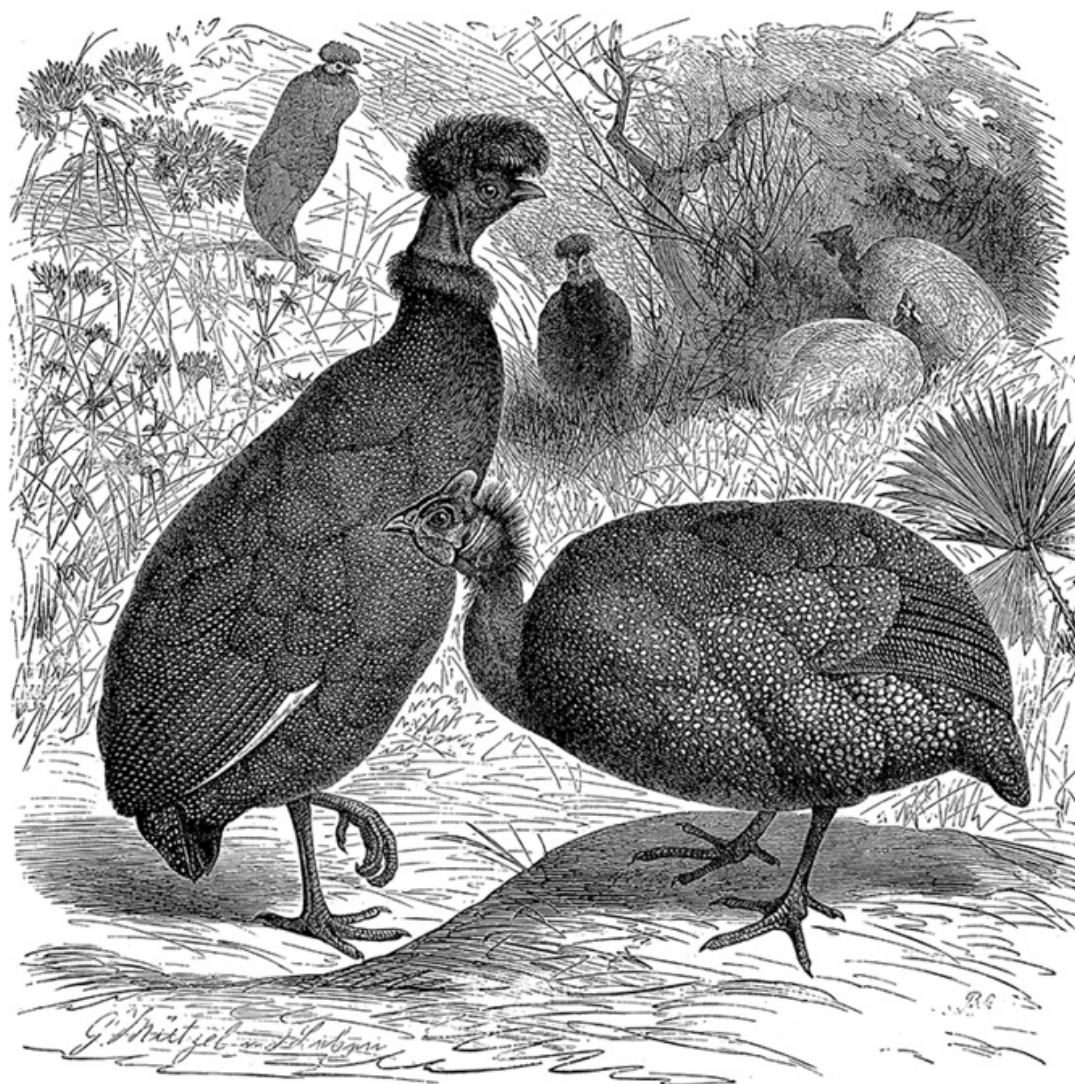
¹⁶ Намек на сцену из комедии Шекспира «Как вам будет угодно».

соблазнился и нашел его довольно питательным, а на вкус похожим на желуди. И в самом деле, вкус и запах сильно напоминали мне печеные желуди. Грибов находили много сортов: были настоящие, вроде наших северных вешенников, но попадались ядовитые. Собирали и гусениц, и древесных улиток, и белых муравьев – это уже считалось мясным кушаньем. Вместо десерта служили мабенгу и фенесси.

На другой день некоторые из фуражиров северного берега вернулись ни с чем. Они нашли там такую же бесплодную глушь, какая была у нас на южном берегу. «Иншаллах! – говорили они. – Найдем пищи, если не завтра, то послезавтра».

Утром я проглотил последнее зернышко своей кукурузы, последнюю порцию твердой пищи, какая еще оставалась у нас, и в полдень надо было хоть чем-нибудь утолить жестокие схватки пустого желудка. Один из старшин, Уади-Хамис, принес мне листьев батата: их толкли и сварили. Это было довольно вкусно, но не сытно, и желудок мой не успокоился. Тогда один из занзибарцев с гордой радостью, бедняга, принес мне дюжину плодов, цветом и величиной сходных с наилучшими грушами и издававших прелестный, освежительный запах.

Честный малый уверял, что они отличные, что люди ими просто обедаются, и для меня и офицеров отобрали самые лучшие экземпляры. Он притащил мне также свежую лепешку из бобовой муки, с виду решительно напоминавшую подрумянившийся запеченный крем. Я от души поблагодарил его за такое угощение и, поевши, почувствовал себя, наконец, сытым. Однако через час у меня началась рвота, и я принужден был лечь в постель: голова болела, как бы стянутая железным обручем, в виски стучало, и глаза как-то странно перекашивало, так что даже в сильнейшие очки я не мог разобрать букв в книге. Мой слуга, который с увлечением юности набросился на предоставленные ему мною остатки ароматного грушеобразного плода, пострадал еще хуже меня. Будь он пущен в маленькой лодке по бурному морскому проливу, он и тогда едва ли мог представлять более плачевное зрелище, чем теперь, аппетитно поев здешних лесных груш.

Хохлатая цесарка

На закате солнца явились с северного берега фуражиры из отряда № 1, бывшие в отсутствии тридцать шесть часов, и принесли с собой бананы в достаточном количестве, чтобы спасти европейцев от отчаяния и голодной смерти; но мы всем роздали по два банана, что равнялось четырем унциям твердой пищи на человека, между тем как на такие тощие желудки нужно было по крайней мере по три килограмма, чтобы насытить их.

Двое из фуражиров не вернулись, но нам некогда было их ждать. Мы двинулись со своей голодной стоянки и перешли на другую, на восемнадцать километров дальше.

Один из людей отряда № 3 уронил свой ящик с боевыми снарядами в воду, и груз пропал.

Кеджели украл ящик патронов винчестерского образца и сбежал. Селим стащил ящик, в котором были новые сапоги для Эмина-паши да две пары моих собственных, и тоже сбежал. Уади-Адам скрылся, забрав целиком все пожитки доктора Пэрка. Суеди, из отряда № 1, покинул на дороге вьюк, а сам пропал неизвестно куда. За ним исчез и Учунгу, захвативший с собой ящик ремингтоновских патронов.

12 октября мы прошли семь с половиной километров на юго-восток. Вельбот со своим экипажем далеко отстал от нас, задержанный порогами.

Нам захотелось переплыть за реку, чтобы снова попытать счастья на северном берегу. Стали искать челнок и один приметили, но он был у противоположного берега, а река в этом месте была до ста метров шириной, и течение так быстро, что при теперешнем изнурении ни один из наших лучших пловцов не мог бы с ним справиться.

Разведчики заметили еще другой челнок, причаленный к острову немного выше нашего привала и не далее сорока метров от южного берега. Трое охотников вызвались плыть за челноком, и между ними один из пионеров, Уади-Асман, человек серьезный, благонадежный и опытный в странствованиях по многим африканским землям. Я обещал двадцать долларов награды за успешное выполнение задачи. Асман был не такой смельчак, как Уледи, лоцман вельбота, и далеко не отличался такой отвагой и решимостью, но зато он был в высшей степени осторожный и разумный человек, и я ценил его очень высоко.

Эти трое людей задумали перебраться через реку по небольшому порогу, чтобы от времени до времени опираться на торчавшие под водой утесы. В сумерках двое из них вернулись с печальной вестью, что Асман утонул: он попытался плыть с ружьем за спиной, его унесло течением в водоворот, и он погиб.

Решительно во всем мы были несчастливы: наши старшины все не возвращались, и мы тревожились, здоровые и крепкие люди дезертировали, число ружей быстро уменьшалось, множество боевых припасов раскрадено; Ферузи, наилучший после Уледи из наших матросов, превосходный человек, честный, отличный солдат, безропотный носильщик, умирал от раны, которую дикарь нанес ему ножом в голову.

На другой день опять дневали. Мы намеревались снова переправиться за реку и сильно беспокоились о наших шести старшинах, в числе которых был и Решид-бен-Омар, т. е. Отец народа, как его называли.

Так как они ничего не взяли с собой, кроме своих ружей, одежды и достаточного количества патронов, то я рассчитывал, что такие люди, как они, могли пройти больше 150 км в эту неделю, т. е. с тех пор как мы выступили из стоянки, где оставили Нельсона. Стало быть, если они за это время все еще не дошли до селения маньемов, то чего ожидать нам, нагруженным вьюками, с целым караваном отощавших и отчаявшихся людей, которые всю неделю питались только парюю бананов да дикими плодами, ягодами и грибами. Люди начали уже совсем погибать от такого продолжительного поста. Трое умерло накануне.

К вечеру подоспел на вельботе Джефсон и привез кукурузы, которой досталось по двенадцати чашек на каждого из белых. Для европейцев это было спасением от голодной смерти.

15-го числа, сделав на деревьях пометки вокруг места нашей стоянки и начертив углем путеводные стрелы на случай, если старшины сюда придут, экспедиция переправилась на северный берег и расположилась лагерем в верхней части гряды холмов. Вскоре умер от своей раны Ферузи Али.

Люди дошли до такого изнеможения, что я не решился развинчивать вельбот для переноски его по частям; впрочем, если бы теперь посулить им все сокровища мира, они не в силах бы сделать более того, что и так делали по первому моему слову. Я разъяснил им наше положение, обратившись к ним со следующей речью:

— Друзья мои, вот вам, в кратких словах, изложение наших дел. Вы выступили из Ямбуи в числе 389 человек и взяли с собой 327 вьюков. У нас было 80 человек лишних носильщиков, которых мы предназначали на смену тем, кто мог заболеть или ослабеть по дороге.

В ставке Угарруэ мы оставили 56 человек, а в лагере с капитаном Нельсоном еще 52. У нас должно теперь оставаться 281 человек, а вместо того нас всего лишь двести, включая шесть отсутствующих старшин. Семьдесят один умерли, убиты либо бежали. Но из вас только полтораста в состоянии нести вещи, а потому мы не можем тащить за собой этот

вельбот. Как вы думаете, не лучше ли будет затопить его здесь, у берега, а самим скорее идти вперед и, чтобы не умереть в этих лесах, добывать пищу и себе, и тем, которые остались с капитаном Нельсоном и дивятся теперь, куда мы все подевались. Не мы ведь носим вельбот, а вы, так скажите же, как нам лучше поступить с ним?

И офицеры, и команда высказали много различных соображений, пока, наконец, Уледи – все тот же верный слуга Уледи, о котором я упоминал в своей книге «Через Черный материк», – не разрешил вопроса.

– Господин, – сказал он, – мой совет таков: вы идите вперед, ищите маньемов, а я и матросы пойдем через пороги, и мы будем работать как придется – на шестах, на веслах или на бечеве. Два дня я буду так подвигаться вверх по реке, и если до тех пор не нападу на след маньемов, то пошлю к вам вдогонку людей, чтобы нам не разобшаться. Не может быть, чтобы мы с вами не сошлись, потому что и слепой человек может дойти по той дороге, которую прокладывает караван.

Эта мысль всем показалась наилучшей, и мы решили исполнить все так, как посоветовал Уледи.

Мы расстались в 10 часов утра, и вскоре я впервые познакомился с более высокими холмами долины Арувими. Я повел караван к северу через лесные трущобы, отклоняясь по временам к северо-востоку и охотно направляясь по звериным следам, когда они попадались кстати. Мы подвигались очень медленно – был густой подлесок; на пути во множестве встречались плоды фринии и аомы, фенесси, крупные лесные бобы и всевозможные грибы, и каждый набрал себе изрядный запас. Давно отвыкшие от восхождения на горы, мы задыхались от сердцебиения, взбираясь по крутым лесистым скатам и прорубая себе путь через душившие нас со всех сторон лианы, кусты и деревья.

О как грустен, как невыразимо печален был этот вечер, когда столько людей покорно и тягостно двигались по бесконечному лесу вслед за одним белым человеком, шедшим неведомо куда. По мнению многих, он и сам не знал, куда идет. И все они испытывали жестокие муки голода. А какие еще ужасы ждут их впереди, о том они не имели ни малейшего понятия. Но что же делать, рано или поздно смерть все равно настигнет каждого человека. Итак, мы шли все дальше и дальше, пробирались сквозь кусты, топтали зеленые растения и огибали склоны холмов, зигзагом направляя колонну то на северо-восток, то на северо-запад и, спустившись в котловину, расположились у прозрачного ручья завтракать зернами кукурузы и лесными ягодами.

Во время полуденного привала некто Умари, заметив великолепные спелые фенесси на верхушке дерева в 9 м высотой, полез за ними, но, добравшись до вершины, сорвался – или ветка под ним подломилась – и свалился на головы двух своих товарищей, стоявших у того же дерева в ожидании плодов. Как это ни странно, ни один из троих не получил серьезных повреждений, только Умари немного помял себе бедро, да один из тех, на кого он упал, жаловался, что у него заболела грудь.

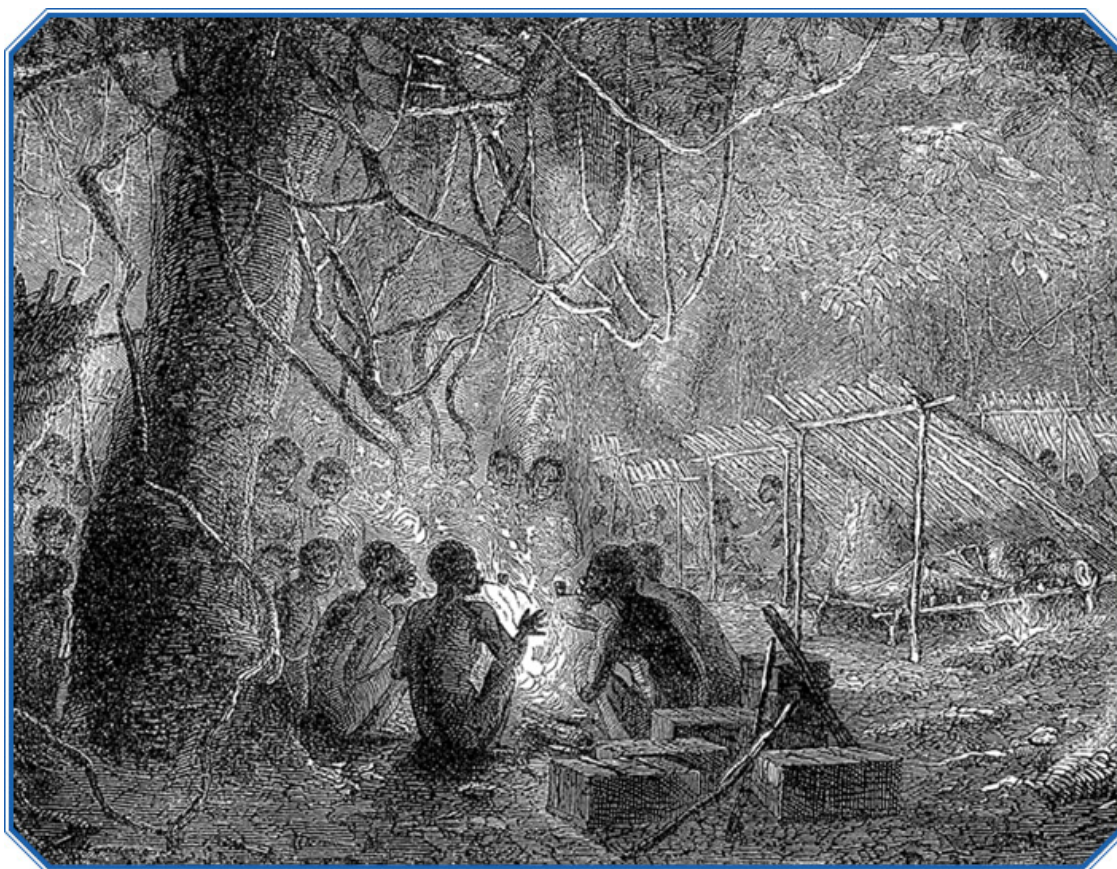
В половине четвертого часа, после утомительного пролезания сквозь густейшие заросли арума, аомы и всяких кустов, мы вышли в мрачный дол, расположенный в виде амфитеатра, и на дне его нашли лагерь, из которого туземцы только что убежали, и притом так поспешно, что не успели захватить с собой своих сокровищ. Ясно, что в труднейшие минуты жизни какие-то божества заботились о нас. В этом лагере нас ожидали два четверика кукурузы и один четверик бобов.

Мой бедный занзибарский осел совсем извелся дорогой. И в самом деле, питаться изо дня в день листьями арума да аомы с самого 28 июня далеко не достаточно для порядочного ослика из Занзибара, и потому, чтобы разом пресечь его страдания, я застрелил его. Мясо его делили так тщательно, как будто это была какая-нибудь редчайшая дичь, а моя отощавшая и обезумевшая с голоду челядь угрожала позабыть всякую дисциплину.

Когда им поровну роздали мясо, они начали драться из-за кожи, подобрали все косточки и истолкли их, потом несколько часов кряду варили копыта – словом, от моего верного осла ровно ничего не осталось, кроме волос и пролитой крови; ни одна стая шакалов не обработала бы его лучше. Та часть нашей природы, которая возвышает человека над остальными животными, до того притупилась под влиянием голода, что наши люди превратились в двуногих плотоядных, с такими же кровожадными инстинктами, как и любые хищные звери.

16-го мы перешли одну за другой четыре глубокие долины, густо заросшие удивительными фриниями. На деревьях часто виднелись фенесси, почти совсем спелые, длиной до 30 см и 21 см в поперечнике. Некоторые из этих плодов были не хуже ананаса и притом несомненно безвредны. Впрочем, мы не брезговали и гниющими плодами. Когда не было фенесси, попадалось множество бобовых деревьев, которые услужливо усыпали почву своими плодами.

Природа как будто сознавала, что бедные странники довольно натерпелись: дремучий лес все нежнее и внимательнее относился к усталым и долготерпеливым страдальцам. Фринии расточали нам свои багровые ягоды, а мома снабжала нас самыми спелыми и румяными плодами, фенесси достигли высшей степени совершенства, лесные бобы были все толще и сочнее, ручьи по лесным ложбинам были прозрачны и освежительны. Никаких врагов мы не встречали, бояться было нечего, если не считать голода, а природа всячески старалась ободрить нас своими неизведанными сокровищами; она простирала над нами душистую сень своих гостеприимных шатров и ласково шептала нам свои невыразимые утешения.

Ночная стоянка в лесу

В полдень, на привале, люди обсуждали положение дел. Они серьезно покачивали головами и говорили: знаете ли, что такой-то или такой-то умер? А такой-то пропал без вести? Другой, вероятно, помрет к вечеру. А остальные пропадут завтра. Но раздалась призывная труба, все встали на ноги и пошли, опять пошли все дальше, навстречу своей судьбе.

Полчаса спустя пионеры, пробравшись через густую рощу аомы, вдруг очутились на торной дороге. Смотрим – и на каждом дереве видим известное клеймо маньемов, вроде звезды, вырезанной на коре. Это открытие быстро передается из уст в уста, и вскоре вся колонна, от первого до последнего человека, оглашает воздух радостными криками.

– В которую сторону, господин? – спрашивают восхищенные пионеры.

– Поворачивай вправо, конечно, – отвечал я, обрадованный пуще всех и усиленно стремясь к селению, которое должно, наконец, положить предел нашим страданиям и сократить мучения Нельсона и его чернокожих товарищей.

– Бог даст, – говорили они, – завтра или послезавтра у нас будет пища.

Это значило, что после 336 часов страданий от неутолимого голода, они – если будет угодно Богу – терпеливо подождут еще тридцать шесть или шестьдесят часов.

Все мы ужасно исхудали, однако белые все-таки гораздо меньше, чем темнокожие. Думая о будущем, мы предавались широким надеждам, но, глядя на людей, испытывали большое беспокойство и даже глубокое уныние. Жаль, что они не имели большого доверия к нашим словам: многие умирали не только от голода, но главное – от отчаяния. Они откровенно выражали свои мысли и с уверенностью говорили друг другу, что и мы не знаем, куда идем. В этом они даже отчасти были правы, ибо кто же мог предвидеть, что именно встретится нам в глуши этих неизведанных лесов. Но, по их понятиям, им уже на роду написано было следовать за нами, и они шли, покорясь судьбе. Питались они плохо, натерпелись всего.

На тощий желудок и с пустыми руками трудно передвигаться, а они еще все время несли по 25 кг груза. Человек пятьдесят из них были еще в сносном состоянии, но полтора раста превратились в скелеты, обтянутые серой кожей, истощенные до последней степени, со всеми признаками полной безнадежности во впалых глазах и во всех телодвижениях. Они едва волочили ноги, стонали, проливали слезы и вздыхали. А как извелась моя собачонка Ренди! Уже несколько недель она вовсе не видела мяса, исключая маленького кусочка ослиного, уделенного ей из моей порции.

Стэрс ни разу не обманул моих ожиданий. Джефсону от времени до времени удавалось разыскивать для нас драгоценные зерна маиса, и сам он никогда не унывал; Пэрк был неизменно терпелив, весел, кроток и готов все сделать для ближнего. Эта жизнь в лесу дала мне возможность глубоко изучить человеческую природу и отыскать в ней неожиданные сокровища твердости и всяких добродетелей.

По следам маньемов легко было идти вперед. Иногда мы выходили на перекрестки, от которых тропинки расходились в разные стороны, но, раз приняв должное направление, мы без труда выбрали настоящую. По ней, по-видимому, ходили довольно часто, и с каждым километром она становилась все более торной, по мере приближения к многолюдному поселению. Все чаще стали встречаться свежие следы, там и здесь были поломаны кусты и заметны были места остановки либо лазейки в стороны. Местами ветви деревьев были срезаны; по дороге часто валялись длинные жгуты лиан или наскоро сброшенные подушечки из листьев, употребляемые туземцами-носильщиками для подкладывания под вьюки.

Большая часть утра прошла в переправах через множество мелких, тиховодных ручьев, окруженных широкими пространствами болотистого и вязкого грунта. На одной из таких переправ на колонну напали осы и одного из людей так изжалили, что у него сделалась сильнейшая лихорадка; учитывая его крайнее изнурение, я мало надеялся, чтобы он мог поправиться. Пройдя около 11 км к юго-востоку, мы расположились на ночлег после полудня 17-го числа.

Вечером разразилась буря, угрожавшая вывернуть с корнем все деревья и унести их вихрем далеко на запад; при этом пошел страшнейший дождь, вслед за которым стало очень холодно. Тем не менее опасение голодной смерти понудило нас на другой день с раннего утра выступить дальше.

Часа через полтора ходьбы мы очутились на рубеже обширной поляны, но туман был еще так густ, что за полсотни метров впереди уже ничего нельзя было рассмотреть. Остановившись немного отдохнуть и обсудить, куда теперь идти, мы услышали звонкий голос, распевавший песню на языке, никому из нас не известном, а вслед за тем – возглас и какое-то, должно быть, юмористическое, замечание. Так как в этой стране туземцы едва ли могли позволить себе столь легкомысленное и откровенное поведение, то мы заключили, что певец должен принадлежать к такому племени, которому здесь нечего опасаться. Я поспешил выстрелить из ружья в воздух. Мне отвечал залп тяжелыхесных мушкетов; это означало, что мы достигли, наконец, так давно искомых маньемов. Не успели замолкнуть отголоски их пальбы, как весь караван огласил окрестность восторженными и долго повторяемыми криками.

Мы спустились по отлогой поляне в небольшую долину и на противоположном склоне ее увидели ряды мужчин и женщин, которые шли нам навстречу и ласково приветствовали нас. Направо и налево расстилались тучные нивы, кукуруза, рис, сладкие бататы и бобы. Опять раздались в наших ушах знакомые звуки арабских приветствий, гостеприимных приглашений и дружелюбных пожеланий, а руки наши вскоре очутились в руках здоровенных и жизнерадостных людей, которые и в здешней глуши, по-видимому, не меньше наслаждались жизнью, чем у себя на родине. Хозяевами здесь были маньемы, но их невольники, вооруженные мушкетами и карабинами старинного образца, казались не менее своих повелителей сытыми и довольными и с большою готовностью повторяли вслед за ними разные комплименты и любезные заявления.

Нас повели через роскошные хлебные поля, вверх по противоположному склону поляны, а за нами толпами шли мужчины и ребяташки, которые без удержу резвились и радовались гостям, вероятно, в ожидании каких-нибудь экстренных праздничных увеселений. По приходе в селение нас пригласили сесть под тенью широких навесов, и тут начались со стороны хозяев всякие расспросы и поздравления.

У Маньемов в Ипото

Партия искателей слоновой кости, поселившаяся в Ипото за пять месяцев до нашего прибытия, явилась сюда с берегов реки Луалабы из района между притоками Лоуа и Леопольда. Этот переход занял у них семь с половиною месяцев, в течение которых они не встречали ни травянистых лугов, ни открытых полей и даже не слыхали о них.

На один месяц они останавливались в селении Киннена, на реке Линди, и там выстроили жилище для своего предводителя Килонга-Лонги, который по прибытии туда со своими главными силами тотчас послал две сотни рабов-носильщиков дальше к северо-востоку, чтобы посмотреть, нет ли там других, более давних поселенцев и какого-нибудь крупного поселка, который они могли бы сделать центром своих операций и оттуда рассылать свои шайки во все стороны, чтобы все уничтожать, жечь и уводить в рабство туземцев для обмена их на слоновую кость.

Постоянно воюя, возбужденные несколькими успешными стычками, они со свойственным неразвитым людям легкомыслием растеряли столько людей, что очутились, наконец, через семь с половиною месяцев в числе всего около девяноста человек. Придя на берега реки Ленды, они узнали о существовании ставки Угарруэ и, желая поскорее основать свою собственную, ушли подальше от его пределов, переправились через Ленду и достигли южного берега Итури, к югу от нынешнего своего поселения в Ипото.

Так как туземцы не хотели им помочь переправиться на северный берег, они срубили громадное дерево, посредством топоров и огня выдолбили из него большую лодку и на ней переплыли на северный берег к Ипото. С тех пор они совершили ряд самых кровавых и губительных набегов, в сравнении с которыми даже подвиги Типпу-Тиба в Багамоио бледнеют и кажутся мелкими. Они превратили в груды пепла каждое селение в окрестностях рек Ленды и Ихури, уничтожили все банановые рощи, изломали в щепки каждый челнок на реке, рыскали по всем островам, исследовали каждую малейшую тропинку, проникали во все трющобы и всюду преследовали одну только цель: убить как можно больше мужчин и захватить в плен как можно больше женщин и детей.

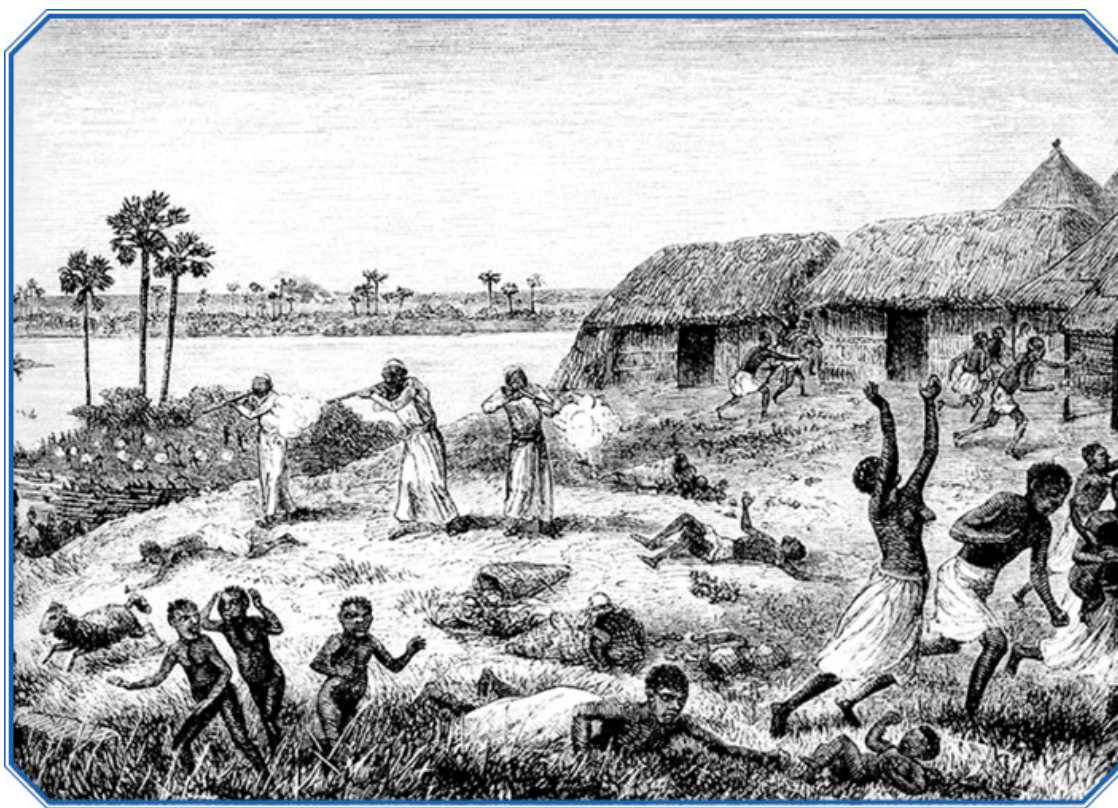
В точности неизвестно, далеко ли они заходили на восток – одни говорят, на девять дней пути, другие – на пятнадцать, но как бы то ни было и где бы они ни были, повсюду они делали то самое, чему мы были свидетелями между реками Лендой и Ипото, т. е. превращали лес в бесплодную пустыню, не оставив на всем этом обширном протяжении ни одной целой хижины.

Если и остались после этих хищников какие-нибудь плантации бананов, маниока или кукурузы – все это стало добычей слонов, шимпанзе и марышек, которые все вытоптали, поломали и превратили в массу гниющих остатков, и на этих местах с необычайной быстротой вырастают уже свойственные этой почве широколиственные растения, разные колючие и стелющиеся пальмы, ротанг и кустарники, которые в прежние времена туземцы старательно уничтожали ножами, топорами и лопатами. С каждым месяцем кусты разрастаются выше и гуще, так что через два-три года не останется никаких следов от прежних селений и трудолюбия поселенцев.

От Ленды до Ипото мы насчитали около 168 км пройденного нами пути. Если предположить, что здесь крайний предел их грабежей к востоку, да столько же накинуть на север и на юг, то получится площадь около 100 тысяч кв. км. Из предыдущего мы уже знаем, что сделал Угарруэ, да и теперь продолжает делать то же, со свойственной ему энергией; знаем также, как действуют арабы у порогов Стенли и на Люэмми, да кровавые Муми-Муаля и Буана-Могамед вокруг озера Озо, из которого вытекает река Лоуа, – а раз нам известны центры их операций, то стоит взять циркуль и обвести вокруг каждого из этих центров большой

круг, заключающий от 100 до 130 тысяч кв. км, и тогда окажется, что пять или шесть отчаянных голов, с помощью нескольких сотен подчиненных им разбойников, поделили между собой около трех четвертей всей лесной области верхнего Конго, с единственной целью перебить туземцев и завладеть после них несколькими сотнями слоновых клыков.

Когда мы пришли в Ипото, там распоряжались три старшины маньемов: Измаилия, Камизи и Сангарамени, на вид красивые и здоровые молодцы, которым начальник их, Килонга-Лонга, поручил присматривать за воинами и заведовать их набегами. Они поочередно отправлялись из Ипото, и каждый из них действовал в одном только, лично ему подведомственном участке. Так, Измаилия действовал на дорогах из Ипото к Ибуири и к востоку до Итури, Камизи ходил вдоль берегов Ихури, а к востоку, до берегов Ибуири, Сангарамени отведена была вся область между реками Ибиной и Ихури, впадающими в Итури. Всех воинов насчитывалось до 150, но лишь 90 человек были вооружены ружьями. Килонга-Лонга находился все еще в Киннене, и его ожидали не раньше, как через три месяца.

Истребление туземцев маньемами на Луалабе

Воины, под начальством этих старшин, набраны были из племен бакусу, балега и васонгора; то были юноши, с детства дрессированные и приученные к лесным набегам маньемами, точно так же, как в 1876 году арабы и суахили восточных берегов Африки дрессировали и воспитывали мальчиков-маньемов.

В этом необычайном увеличении числа грабителей в бассейне верхнего Конго видны результаты арабской политики, состоящей в том, чтобы убивать всех взрослых туземцев и оставлять в живых только детей. Девочек размещают в гаремы арабов, суахили и маньемов, а мальчиков обучают обращаться с оружием и воевать. Когда они становятся взрослыми, их награждают женами из штата гаремной прислуги и принимают в состав разбойничьих шак.

Известная часть добычи принадлежит, конечно, главному начальнику, вроде Типпу-Тиба или Сеид-бен-Абида, меньшие доли достаются старшинам, а остальное делится между воинами. Иногда барыши распределяются таким образом: все крупные слоновые клыки, свыше 16 кг весом, становятся собственностью главного хозяина, клыки весом от 10 до 16 кг – старшинам, а мелочь, отдельные куски и клыки молодых слонов достаются тому, кто первый найдет их. Поэтому каждый старался награть как можно больше.

Шайка хорошо вооружена и содержится за счет хозяина, который живет на Конго или на Луалабе, обедавая рисом и пловом и предаваясь всяким излишествам в своем гареме; старшины от постоянной погони за наживой становятся жадны, жестоки и непреклонны, а разбойничья шайка и подавно без всякой жалости накидывается на каждое селение, стараясь добыть как можно больше ребят, скота, птицы и слоновой кости.

Все это было бы совершенно не возможно, если бы у них не было пороха; без пороха ни сами арабы, ни их шайки не посмели бы и на один километр уходить от своих стоянок.

Более чем вероятно, что если бы воспретить ввоз в Африку пороха, произошло бы немедленное и поголовное переселение всех арабских племен из центральных областей Африки к берегам моря, так как местные вожди тотчас осилили бы каких угодно арабов, вооруженных только копьями. Что могли бы поделаться Типпу-Тиб, Сеид-бен-Абид, Угарруэ или Килонга-Лонга с васонгора и бакусу?

Остается одно возможное и радикальное средство против такого огульного истребления аборигенов – это торжественное соглашение между Англией, Германией, Францией, Португалией, южными и восточными провинциями Африки и Великою областью Конго с запрещением ввоза пороха в какую-либо часть материка, исключая того количества, которое потребно для их собственных агентов, чиновников и регулярного войска, а также о том, чтобы отбирать каждый слоновый клык, так как теперь уже не найдется на рынках ни одного куска слоновой кости, который был бы добыт законным и мирным путем.

Каждый малейший обломок такой кости, попавший в руки арабского купца, наверное, был обогащен потоками человеческой крови. Каждый килограмм кости стоит жизни мужчине, женщине или ребенку; за каждые пять килограммов сожжено жилище, из-за пары клыков уничтожалась целая деревня, а за каждые два десятка погибала целая область со всеми жителями, деревнями и плантациями. Просто невероятно, чтобы в конце XIX столетия, столь сильно двинувшего человечество вперед, из-за того только, что слоновая кость идет на украшение да на бильярдные шары, все роскошные страны Центральной Африки опустошались вконец, целые племена и народы гибли и исчезали с лица земли!

Кого, в сущности, обогащают эти кровавые походы за костью? Всего несколько десятков каких-нибудь метисов, помесь араба с негром, которых следовало бы по-настоящему заковать в кандалы и заставить всю остальную часть их подлого существования пробыть в каторжных работах¹⁷.

Здесь не было ни слуху ни духу о шести старшинах, которых мы отправили вперед за помощью для отряда Нельсона; а так как было не вероятно, чтобы целый караван истощенных голодом людей мог совершить путь от Нельсонова лагеря до Ипото скорее, чем шесть человек смывленных и здоровых, то мы начали опасаться, как бы не пришлось и наших занзибарских старшин причислить к пропавшим без вести. Мы ясно видели их следы, вплоть до переправы 14 и 15 октября. Очень вероятно, что они имели глупость идти тем же берегом дальше, пока не наткнулись на какое-нибудь селение дикарей, которые их истребили. Мы не переставали тревожиться также участью капитана Нельсона и его спутников.

¹⁷ Стенли возмущается арабскими работорговцами и охотниками за слоновой костью вполне искренне. Но режим созданного им самим «Свободного государства Конго» был не менее жестоким.

Тринадцать дней прошло уже с тех пор, как мы расстались. В этот период времени их положение было, пожалуй, не хуже нашего. Мы были окружены тем же лесом, что и они, но мы тащили выюки, которых у них не было. Между ними все же было несколько человек, способных бродить по окрестности за пищей, и притом были челноки, на которых они могли переправляться к месту фуражировки 3 октября, куда сухим путем можно было добраться в один день, а водой – в один час. Лесных ягод и грибов столько же было на вершине холмов, окружавших лагерь, как и повсюду в лесу. Тем не менее мысль о Нельсоне мучила меня, и одной из первых моих забот было приискать партию людей для доставки провианта в лагерь Нельсона. Мне обещали устроить это на следующий день.

На свою долю мы получили трех коз и двенадцать корзин кукурузы, которой при дележке досталось по шести початков на человека. Это дало нам возможность два раза хорошенько поесть, и не один я, вероятно, почувствовал себя после этого бодрым и подкрепленным.

В первый день стоянки в Ипото мы ощущали только страшную усталость. Природа снабжает нас или отличным желудком и лишает пищи, или же предлагает целое пиршество и лишает аппетита. 18 октября мы великолепно пообедали рисом, пловом и печеным козьем мясом и теперь вдруг начали страдать различными болезнями. Зубы наши уже отвыкли действовать, а органы пищеварения чуждались хорошей пищи и теперь расстраивались. Не шутя, это был просто результат объедения: каша, толокно, печеные зерна, бобы и мясо составляют солидную пищу, требующую много желудочного сока, а после стольких дней голодания он, разумеется, выделялся в количестве, далеко не достаточном для удовлетворения предъявленных на него требований.

У маньемов сто или полтора гектара было засеяно кукурузой, 2 га под рисом и столько же под бобами. Сахарного тростника они также разводят множество. У них было около сотни коз, украденных у туземцев. В амбарах навалены были громадные запасы кукурузы, собранной в одном из селений по р. Ихури и еще не шелушенной. Плантации бананов гнулись под тяжестью плодов. Словом, каждый из обитателей селения был вполне обеспечен и находился в отличном положении.

Справедливость требует признать, что сначала нас приняли крайне радушно, но на третий день нашего пребывания между нами и хозяевами возникла какая-то неловкость. Нам оказали гостеприимство, вероятно, в том предположении, что в принесенных нами выюках должно быть немало хороших вещей, но, к несчастью, все наши наилучшие бусы, на которые можно было закупить весь их запас кукурузы, были затоплены вместе с челноком у водопада Панга, а арабские бурнусы, вышитые золотом, украдены дезертирами, еще не доходя до ставки Угарруэ. Разочарованные в своих надеждах на получение от нас нарядов и драгоценных бус, наши хозяева начали систематически склонять наших людей на продажу всего, что у них было – рубашек, шапок, плащей, камзолов, ножей, поясов, – и так как все эти вещи составляли личную собственность каждого, мы не имели права вмешиваться.

Но когда счастливые обладатели таких драгоценностей начали открыто объедаться различными лакомыми блюдами, такое зрелище стало невыносимо для других, менее богатых, и повело сначала к зависти, а потом к воровству. Эти беззаботные и бестолковые люди принялись продавать свою амуницию, платье, крючья от выюков, ружейные шомполы и, наконец, ремингтоновские ружья. Едва миновала для нас опасность погибнуть от голодной смерти и от всех ужасов, сопровождающих столкновение с дикарями, как мы увидели перед собой другую опасность: попасть в рабство к арабским невольникам.

Арабский воин

Несмотря на все просьбы, мы не могли добиться, чтобы нам давали больше двух початков кукурузы в день на каждого человека. Я обещал тройную плату за все, что они нам дают, как только дождемся арьергарда; но этот народ того мнения, что синица в руках всегда предпочтительнее журавля в небе. Они притворялись, что не верят, будто у нас есть ткани для обмена, и думают, что мы пришли только за тем, чтобы воевать с ними. Мы утверждали, со своей стороны, что нам от них ничего не нужно, кроме шести початков кукурузы в день на человека в течение нашего девятидневного отдыха.

У нас пропали три ружья, а местные старшины отозвались полным неведением на то, куда они девались. Мы сообразили, что если это правда, то они могли подозревать нас в недобрых намерениях относительно себя, и в таком случае для них всего разумнее и выгоднее было бы тайком скупить все наше оружие и после этого предлагать нам какие угодно условия.

21-го числа продано было еще шесть ружей. Таким образом экспедиция быстро подвигалась к своей конечной гибели: что мог сделать в этих дремучих лесах отряд безоружных людей, от которых зависела судьба целого поселения на востоке, да еще другие отряды на западе? Без оружия нельзя было ни двинуться вперед, ни вернуться назад, и оставалось лишь покориться тому из разбойничьих атаманов, которому вздумалось бы объявить себя нашим хозяином, либо умереть. Поэтому я держался того мнения, что следует из всех сил бороться с такой перспективой и либо ускорить конец, либо решительно устранить его возможность.

Мы собрали людей и пятерых, у которых не оказалось ружей, приговорили связать и наказать по 25 ударов палками. Произошла возня, крики, сопротивление, и когда хотели приступить к наказанию первого из виновных, один из людей выступил вперед и попросил позволения говорить.

– Этот человек не повинен, сэр, – сказал он, – его ружье у меня в палатке, я отнял его вчера вечером у Джумы, который принес его продавать одному маньему. Может быть, Джума сам украл ружье у этого человека.

– Я знаю: все эти люди говорили, что ружья у них украдены, пока они спали. Может быть, это правда и в настоящем случае.

Тем временем Джума скрылся, но его потом нашли в поле, в кукурузе. Он сознался, что украл два ружья и снес их к доносчику для обмена на маис или на козу, но это было сделано единственно по наущению доносчика. Это тоже могло быть справедливо. Однако рассказ всем показался неправдоподобным, вымышленным, и на него не обратили внимания. Тут выступил из рядов другой занзибарец и признал Джуму за похитителя своего ружья; это обвинение было доказано, виновный сознался во всем, тут же приговорен к смертной казни и немедленно повешен.

Так как теперь несомненно уже было доказано, что маньемы скупают наши ружья, давая за каждое по несколько пригоршней зерна, я послал за местными старшинами и потребовал от них немедленного возвращения мне ружей, угрожая им в противном случае серьезными последствиями. Сначала они сильно рассердились, погнали занзибарцев вон из поселения на лужайку, и по всему было видно, что сейчас будет драка и настал, может быть, конец всей экспедиции. Наши люди, настолько истощенные голодом, что готовы были себя продать за пищу, были уже так измучены всем, что они испытали, и так деморализованы, что на них нечего было надеяться в случае рукопашной схватки.

Для активной храбрости нужно быть сытым. В то же время так или иначе нам все равно было не сдобровать, ибо, оставаясь спокойными свидетелями того, что происходило, мы в конце концов все-таки должны будем взяться за оружие. Вместе с одиннадцатью ружьями продано было 3 000 патронов. Мне ничего больше не оставалось делать, как настаивать на возвращении ружей; я повторил свое требование, грозя прибегнуть к другим мерам, в доказательство чего указал на висевший на дереве труп и прибавил, что если уж я способен дойти до такой крайности, чтобы казнить собственного слугу, то они должны понимать, что мы сумеем отомстить тем, кто был истинной причиной его казни, т. е. тем, кто держит свою дверь открытой для приема заведомо краденых вещей.

Пошумев целый час у себя на деревне, они принесли мне пять ружей и, к крайнему моему изумлению, указали на тех, кто их продал. На первый раз было бы неapolитично доводить дело до крайности, иначе я бы непременно отказался принять эти ружья до тех пор, пока мне не представят и всех остальных; а если бы я мог с уверенностью рассчитывать на

содействие хотя бы только пятидесяти человек своей команды, я бы решился на драку. Но как раз в эту минуту в лагерь явился Уледи, верный мой слуга и шкипер «Аванса»; он принес известие, что вельбот в целости стоит у пристани Ипото, а шестерых наших старшин он разыскал в самом несчастном положении за шесть километров от ставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.